

МОЛОДОЙ УЧЁНЫЙ

ISSN 2072-0297

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ



29 2026
ЧАСТЬ II

16+

Молодой ученый

Международный научный журнал

№ 29 (632) / 2026

Издается с декабря 2008 г.

Выходит еженедельно

Главный редактор: Ахметов Ильдар Геннадьевич, кандидат технических наук

Редакционная коллегия:

Жураев Хусниддин Олтинбоевич, доктор педагогических наук (Узбекистан)
Иванова Юлия Валентиновна, доктор философских наук
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук
Лактионов Константин Станиславович, доктор биологических наук
Сараева Надежда Михайловна, доктор психологических наук
Абдрасилов Турганбай Курманбаевич, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Авдеюк Оксана Алексеевна, кандидат технических наук
Айдаров Оразхан Турсункожаевич, кандидат географических наук (Казахстан)
Алиева Тарана Ибрагим кызы, кандидат химических наук (Азербайджан)
Ахметова Валерия Валерьевна, кандидат медицинских наук
Бердиев Эргаш Абдуллаевич, кандидат медицинских наук (Узбекистан)
Брезгин Вячеслав Сергеевич, кандидат экономических наук
Данилов Олег Евгеньевич, кандидат педагогических наук
Дёмин Александр Викторович, кандидат биологических наук
Дядюн Кристина Владимировна, кандидат юридических наук
Желнова Кристина Владимировна, кандидат экономических наук
Жуйкова Тамара Павловна, кандидат педагогических наук
Игнатова Мария Александровна, кандидат искусствоведения
Искаков Руслан Маратбекович, кандидат технических наук (Казахстан)
Калдыбай Кайнар Калдыбайулы, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Кенесов Асхат Алмасович, кандидат политических наук
Коварда Владимир Васильевич, кандидат физико-математических наук
Комогорцев Максим Геннадьевич, кандидат технических наук
Котляров Алексей Васильевич, кандидат геолого-минералогических наук
Кузьмина Виолетта Михайловна, кандидат исторических наук, кандидат психологических наук
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Кучерявенко Светлана Алексеевна, кандидат экономических наук
Лескова Екатерина Викторовна, кандидат физико-математических наук
Макеева Ирина Александровна, кандидат педагогических наук
Матвиенко Евгений Владимирович, кандидат биологических наук
Матроскина Татьяна Викторовна, кандидат экономических наук
Матусевич Марина Степановна, кандидат педагогических наук
Мусаева Ума Алиевна, кандидат технических наук
Насимов Мурат Орленбаевич, кандидат политических наук (Казахстан)
Паридинова Ботагоз Жаппаровна, магистр философии (Казахстан)
Прончев Геннадий Борисович, кандидат физико-математических наук
Рахмонов Азизхон Боситхонович, доктор педагогических наук (Узбекистан)
Семахин Андрей Михайлович, кандидат технических наук
Сенцов Аркадий Эдуардович, кандидат политических наук
Сенюшкин Николай Сергеевич, кандидат технических наук
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Титова Елена Ивановна, кандидат педагогических наук
Ткаченко Ирина Георгиевна, кандидат филологических наук
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры
Фозилов Садриддин Файзуллаевич, кандидат химических наук (Узбекистан)
Яхина Асия Сергеевна, кандидат технических наук
Ячинова Светлана Николаевна, кандидат педагогических наук

Международный редакционный совет:

Айрян Заруи Геворковна, кандидат филологических наук, доцент (Армения)
Арошидзе Паата Леонидович, доктор экономических наук, ассоциированный профессор (Грузия)
Атаев Загир Вагитович, кандидат географических наук, профессор (Россия)
Ахмеденов Кажмурат Максutowич, кандидат географических наук, ассоциированный профессор (Казахстан)
Бидова Бэла Бертовна, доктор юридических наук, доцент (Россия)
Борисов Вячеслав Викторович, доктор педагогических наук, профессор (Украина)
Буриев Хасан Чутбаевич, доктор биологических наук, профессор (Узбекистан)
Велковска Гена Цветкова, доктор экономических наук, доцент (Болгария)
Гайич Тамара, доктор экономических наук (Сербия)
Данатаров Агахан, кандидат технических наук (Туркменистан)
Данилов Александр Максимович, доктор технических наук, профессор (Россия)
Демидов Алексей Александрович, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Досманбетов Динар Бакбергенович, доктор философии (PhD), проректор по развитию и экономическим вопросам (Казахстан)
Ешиев Абдыракман Молдоалиевич, доктор медицинских наук, доцент, зав. отделением (Кыргызстан)
Жолдошев Сапарбай Тезекбаевич, доктор медицинских наук, профессор (Кыргызстан)
Игисинов Нурбек Сагинбекович, доктор медицинских наук, профессор (Казахстан)
Кадыров Кутлуг-Бек Бекмурадович, доктор педагогических наук, и.о. профессора, декан (Узбекистан)
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Козырева Ольга Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Россия)
Колпак Евгений Петрович, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Кыят Эмине Лейла, доктор экономических наук (Турция)
Лю Цзюань, доктор филологических наук, профессор (Китай)
Малес Людмила Владимировна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Нагервадзе Марина Алиевна, доктор биологических наук, профессор (Грузия)
Нурмамедли Фазиль Алигусейн оглы, кандидат геолого-минералогических наук (Азербайджан)
Прокопьев Николай Яковлевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Прокофьева Марина Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Казахстан)
Рахматуллин Рафаэль Юсупович, доктор философских наук, профессор (Россия)
Ребезов Максим Борисович, доктор сельскохозяйственных наук, профессор (Россия)
Сорока Юлия Георгиевна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Узаков Гулом Норбоевич, доктор технических наук, доцент (Узбекистан)
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры (Россия)
Хоналиев Назарали Хоналиевич, доктор экономических наук, старший научный сотрудник (Таджикистан)
Хоссейни Амир, доктор филологических наук (Иран)
Шарипов Аскар Калиевич, доктор экономических наук, доцент (Казахстан)
Шуклина Зинаида Николаевна, доктор экономических наук (Россия)

На обложке изображен *Бьёрн Страуструп* (1950), датский программист.

Бьёрн Страуструп родился в датском городе Орхус. После окончания школы он поступил в местный университет на отделение компьютерных технологий. На его решение повлиял школьный учитель математики, который привил мальчику любовь к этой науке.

Юноша впервые познакомился с компьютером уже в стенах вуза. Algol-60 был первым языком программирования, который выучил Бьёрн.

Орхусский университет входил в топ-100 высших учебных заведений мира. Страуструп со страхом думал о том, что ему придется работать учителем математики, если не найдется работа в сфере программирования. Он был убежден, что математика должна иметь практическое приложение.

Однако на втором курсе он понял, что программирование и компьютерные технологии в целом — это не только и не столько математика.

В университетские годы Страуструп подрабатывал тем, что писал небольшие программы для подразделения компании Burroughs в Орхусе. Тогда он понял, что коммерческая разработка имеет мало общего с написанием программ для себя или друзей и тем более с выполнением лабораторных работ в вузе. Кроме того, студент разрабатывал ПО и для нужд университета. В 1975 году Страуструп окончил его и получил степень магистра.

Затем молодой человек переехал в Англию, чтобы продолжить свое образование в Кембриджском университете. Там в вычислительной лаборатории он занимался проектированием распределенных систем. В 1979 году Бьёрн получил докторскую степень. Тогда же Страуструп вместе с женой Мэриэн переехал в Нью-Джерси (США), где стал работать в центре компьютерных исследований фирмы Bell Labs.

Когда Страуструп занимался исследованиями в фирме, ему потребовалось написать несколько имитационных программ для моделирования распределенных вычислений. SIMULA-67 — объектно-ориентированный язык — мог бы стать идеальным инструментом для решения подобных задач, если бы не его сравнительно низкая скорость выполнения программ. До этого в сферу интересов Страуструпа не входила разработка языков программирования. Его интересовало только микропрограммирование, операционные системы, архитектура вычислительных машин, разработка виртуальных машин. Правда, еще до окончания университета он успел изучить двадцать языков программирования. Но, несмотря на это, Бьёрн утверждает, что большого интереса к языкам он все-таки не испытывал. Тем не менее, Страуструп принял решение начать работу над новым языком.

Так был создан язык программирования C++, первоначально получивший название «Си с классами» (C with

classes). Название C++ придумал Рик Мэсчитти. ++ — это оператор инкремента в C, который как бы намекает на то, что язык C++ — это нечто большее, чем просто C. В 1983 году язык подвергся значительным изменениям. Страуструп разработал его таким образом, чтобы код не компилировался в машинный язык, а преобразовывался в набор команд препроцессора языка C. Это открывало к нему доступ сотням тысяч C-программистов, имевших соответствующий компилятор.

В 1985 году Страуструп опубликовал одну из самых широко известных книг «Язык программирования C++», которая выдержала четыре издания (1985, 1991, 1997, 2000) и была переведена на 19 языков.

В 1990 году вышла очередная книга Страуструпа — «Справочное руководство по языку программирования C++ с комментариями» (The Annotated C++ Reference Manual), которая в дальнейшем была удостоена награды за непревзойденное мастерство в области технической документации, по мнению журнала Dr. Dobbs' Journal. Кроме того, по версии журнала Fortune magazine, Страуструп был признан одним из «двенадцати лучших молодых американских ученых».

А Страуструп тем временем продолжал работать в AT&T Bell Labs, где возглавлял подразделение широко-масштабных программных исследований, активно занимался совершенствованием своего языка и созданием его стандарта. Стандарт ANSI/ISO C++ был выпущен в 1999 году. Страуструп был главой отдела исследований программирования в Bell Labs с 1995 по 2002 год.

С 2002 года Бьёрн является профессором Техасского университета A&M (Texas A&M University). Кроме того, он сотрудничает с Колумбийским университетом как приглашенный профессор в области компьютерных наук.

В 2014 году Бьёрну предложил работу один из крупнейших финансовых конгломератов мира — Morgan Stanley. Страуструп начал сотрудничать с этой фирмой, так как решил вернуться из сферы чистой педагогики к решению реальных проблем.

Бьёрн Страуструп был избран членом Национальной академии инженерии в США в 2004 году с формулировкой «за создание языка C++». Как первый компьютерный ученый, он в 2005 году получил премию Уильяма Проктера за научные достижения американского научно-исследовательского сообщества. Он также получил награду компьютерного сообщества IEEE «за начало разработки и коммерциализации объектно-ориентированной технологии создания программ и за большие изменения, внесенные в бизнес и индустрию».

*Информацию собрала ответственный редактор
Екатерина Осянина*

СОДЕРЖАНИЕ

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Абдусамадова Х. З.

Административное судопроизводство
в судах общей юрисдикции63

Акимов И. Ю., Чабанова А. Ю., Мурашова Е. К., Твердохлебов А. А.

Недействительные сделки
в российском гражданском праве:
доктрина, законодательные новеллы
и зарубежный опыт65

Быков Е. А.

Источники уголовного права России.....69

Воробьева А. Н.

Конкуренция общей и специальной нормы
при квалификации посягательства на жизнь
государственного или общественного деятеля... 72

Воробьева А. Н.

Отсутствие действительного использования
товарного знака как злоупотребление правом... 74

Горбачева Ю. Ю.

Добросовестность как межотраслевая
процессуально-правовая категория.....76

Горбачева Ю. Ю.

Понимание добросовестности
в судебной практике: объективный
и субъективный аспекты82

Горюшкин В. С.

Актуальные вопросы прокурорского надзора
за исполнением законов при реализации
национальных проектов.....88

Даниленко Ф. Ю.

Соотношение договора аренды и иных
договорных конструкций по российскому
праву92

Игнатьева Д. А.

Отношение к сирийским женщинам-
мигранткам в разных принимающих странах....96

Иманов А. Э.

Понятие соотечественников в российской
правовой доктрине и законодательстве98

Иманов А. Э.

Права, гарантии, льготы и меры
государственной поддержки
соотечественников..... 101

Карташова А. Е.

Иностранные работодатели в Российской
Федерации: проблемы правового
регулирувания..... 104

Комбикова Е. Р.

Преимущества и недостатки примирительных
процедур в гражданском процессе 106

Комбикова Е. Р.

Тайна усыновления ребенка и средства ее
сохранения 107

Комбикова Е. Р.

Санация недействительного брака..... 108

Линкина И. С.

Собирание доказательств в уголовном
процессе..... 110

Макаров А. С.

Актуальные проблемы реализации
имущества должника в рамках
исполнительного производства и пути их
решения 113

Панков Д. Ю.

Понятие, сущность и элементы
состязательности сторон в уголовном
судопроизводстве 118

Панков Д. Ю.

Эволюция принципа состязательности
в российском уголовном судопроизводстве... 120

Пичугина С. К.

Теоретические подходы к пониманию
юридической ответственности 122

Полики Н. А.

Понятие и субъекты толкования норм права... 123

Таранченко И. П.

Проблемные аспекты амнистии
и помилования в России и возможные пути
их преодоления 125

Урусова А. Э.

Правовой статус участников семейных
правоотношений: теоретико-правовой анализ... 128

Шихов И. В.

Принудительная реорганизация
юридических лиц: основания, процедура
и пределы вмешательства государства..... 130

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Административное судопроизводство в судах общей юрисдикции

Абдусамадова Хадижат Залбековна, студент магистратуры
Московский финансово-юридический университет МФЮА

В статье анализируются сущность и характерные особенности административных дел, рассматриваемых судами общей юрисдикции, а также порядок их разрешения в соответствии с Кодексом административного судопроизводства Российской Федерации (КАС РФ). Рассматриваются ключевые категории дел, отнесенные к компетенции данных судов, подчеркивается специфика их рассмотрения, в том числе перераспределение бремени доказывания и особая активная роль суда в установлении обстоятельств. Отдельное внимание уделяется научной дискуссии о процессуальном статусе дел об административных правонарушениях и их месте в системе судопроизводства. В работе сформулированы выводы о значимости административного судопроизводства как самостоятельной отрасли процессуального права и обозначена необходимость дальнейшего совершенствования законодательного регулирования для устранения существующих пробелов и противоречий.

Ключевые слова: административное судопроизводство, суды общей юрисдикции, административные дела, Кодекс административного судопроизводства (КАС РФ), административные правонарушения, публично-правовой спор, процессуальное право.

Administrative proceedings in general jurisdiction courts

The article examines the essence and key features of administrative cases considered by courts of general jurisdiction, as well as the procedure for their resolution under the Code of Administrative Procedure of the Russian Federation (CAS RF). The paper highlights the main categories of cases within the jurisdiction of these courts and emphasizes the specific aspects of their consideration, including the redistribution of the burden of proof and the active role of the court in establishing the facts. Special attention is paid to the academic debate on the procedural status of cases involving administrative offenses and their place within the overall system of judicial proceedings. The study formulates conclusions regarding the significance of administrative proceedings as an independent branch of procedural law and stresses the necessity of further legislative development to eliminate existing gaps and contradictions.

Keywords: administrative proceedings, courts of general jurisdiction, administrative cases, Code of Administrative Procedure of the Russian Federation (CAS RF), administrative offenses, public law dispute, procedural law.

Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации — основополагающий нормативный правовой документ, который регламентирует порядок рассмотрения и урегулирование административных дел в судах общей юрисдикции. По статье 1 КАС РФ, в порядке административного судопроизводства рассматриваются дела о защите нарушенных или оспариваемых прав, свобод и законных интересов граждан, прав и законных интересов организаций, возникающие из административных и иных публичных правоотношений.

Административное судопроизводство в России — это особый порядок рассмотрения и разрешения Верховным Судом РФ, судами общей юрисдикции и мировыми судьями административных дел, появляющихся

в результате публично-правовых отношений. С того самого времени, с 2015 года, когда приняли Кодекс административного судопроизводства РФ (КАС РФ), указанная категория судопроизводства самоутвердилась как независимая, но сегодняшняя практика его применения выявляет ряд проблем, которые требуют научного переосмысления и законодательного разрешения. [7, с. 19].

Значимой особенностью административного судопроизводства считается перераспределение бремени доказывания в пользу заявителя. В соответствии с ч. 4 ст. 62 КАС РФ обязанность обосновать правомерность своих решений или действий возлагается именно на государственный орган, а не на гражданина. В научной литературе это рассматривается как проявление ориен-

тированности всего института на защиту личности. На практике подобное правило означает, что в случае отсутствия достаточных доказательств со стороны административного органа суд склонен принимать решение в пользу частного лица. Показательным примером является дело о неправомерном отказе в назначении социальной выплаты, где суд признал отказ незаконным ввиду отсутствия надлежащего обоснования со стороны учреждения. [9, с. 163].

Процесс рассмотрения административных дел в судах общей юрисдикции регулируется Кодексом административного судопроизводства и включает несколько этапов, внешне схожих с гражданским процессом, но обладающих собственной спецификой. В общем виде можно выделить последовательность стадий: подача и принятие административного искового заявления, подготовка дела к слушанию, судебное разбирательство по существу, вынесение и оглашение решения, последующее обжалование судебных актов, а также исполнение решения и, при наличии оснований, его пересмотр.

Подготовительная стадия административного процесса направлена на создание условий для всестороннего и своевременного рассмотрения дела. На этом этапе судья проверяет полноту представленных материалов, при необходимости запрашивает дополнительные документы, решает вопросы о привлечении к делу третьих лиц, назначении экспертиз, а также о возможном объединении или разделении заявленных требований. По итогам подготовки выносится определение о назначении дела к судебному разбирательству.

Стадия судебного разбирательства является ключевой, поскольку именно на этом этапе исследуются доказательства и устанавливаются фактические обстоятельства дела. Процедура регулируется нормами главы 14 КАС РФ и во многом напоминает гражданский процесс, однако административные споры имеют свои особенности. Принцип активной роли суда выделяется как фундаментальная черта: судья не ограничивается функцией арбитра, а вправе по собственной инициативе запрашивать документы у органов власти, назначать экспертизы и вызывать свидетелей, если это необходимо для установления объективной истины. Такая активность обусловлена тем, что гражданин-заявитель нередко оказывается в менее защищённом положении, и задача суда — обеспечить баланс интересов. Верховный Суд РФ неоднократно указывал на необходимость проверки всех обстоятельств, даже тех, которые стороны не затрагивали, особенно по социально значимым категориям дел. Активная позиция суда тем самым становится гарантией защиты прав граждан и законности в действиях органов власти.

Итогом рассмотрения дела является вынесение решения. В законную силу решение вступает после истечения срока на апелляцию. Решение может быть обжаловано в апелляционном, кассационном или надзорном порядке. Завершающей стадией выступает исполнение су-

дебного акта, которое осуществляется службой судебных приставов в соответствии с законодательством об исполнительном производстве. КАС РФ также закрепляет возможность пересмотра вступивших в силу решений по новым или вновь открывшимся обстоятельствам.

К числу характерных особенностей административного судопроизводства относятся положения, действующие на всех его стадиях. Одной из ключевых является перераспределение бремени доказывания: ст. 62 КАС РФ возлагает обязанность подтверждать законность своих актов и действий на орган власти, выступающий ответчиком. Это правило служит гарантией защиты истца и напрямую связано с публично-правовой природой рассматриваемых споров. Не менее значима и превентивная функция судебного контроля: разрешая конкретный конфликт, суд может вынести частное определение в адрес соответствующих органов при выявлении нарушений системного характера. Такая практика, закреплённая в статье 226 КАС РФ, направлена на предупреждение повторения нарушений и демонстрирует надзорно-профилактическую роль суда. Показателен пример, когда при обнаружении массовых нарушений при медицинском освидетельствовании призывников суд направил информацию в прокуратуру и органам власти с требованием устранить выявленные недостатки.

Существуют два противоположных подхода к данной проблеме. Согласно первой позиции, даже если дело об административном правонарушении рассматривается судом, оно сохраняет характер особой формы административно-юрисдикционного процесса, отличной от административного судопроизводства в строгом смысле.

Вторая позиция опирается на конституционное правило о том, что судебная власть реализуется только в пределах четырех видов судопроизводства. [8, с. 653].

В итоге можно сделать вывод, что административное судопроизводство в широком конституционно-правовом понимании охватывает все категории публично-правовых дел, рассматриваемых как судами общей юрисдикции, так и арбитражными судами. К ним относятся как споры, подпадающие под действие КАС РФ, так и дела об административных правонарушениях. Исторический опыт подтверждает такую позицию: до принятия КАС РФ в 2015 году обжалование решений о привлечении к административной ответственности осуществлялось судами общей юрисдикции в порядке гражданского судопроизводства и рассматривалось именно как осуществление правосудия. В современных условиях эти дела не были включены в КАС РФ, что привело к фрагментарности процессуальных норм [6, с. 134]. В результате производство по делам, регулируемым КоАП РФ, в судах общей юрисдикции по-прежнему осуществляется по правилам, рассчитанным одновременно на суды и на административные органы, что приводит к смешению судебных и внесудебных процедур. С научной и практической точки зрения это свидетельствует о недостаточной согласованности законодательства [2].

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями на 4 октября 2022 года) // Собрание законодательства Российской Федерации, N 9,
2. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации» от 08.03.2015 N 21-ФЗ (ред. от 09.04.2026) // Собрание законодательства РФ. — 09.03.2015. — № 10. — ст. 1391.
3. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» от 30.12.2001 N 195-ФЗ (ред. от 25.05.2026) // Собрание законодательства Российской Федерации, N 1, (часть I), 07.01.2002, ст. 1.
4. Административное судопроизводство: учебник для студентов юрид. высш. учеб. заведений по направлению «Юриспруденция» (специалист, бакалавр, магистр) / отв. ред. В. В. Ярков. 3-е изд., перераб. и доп. — М.: Статут, 2023. — 682 с.
5. Аникеенко Ю. Б., Новоселова Н. В. Административно-деликтное право: учеб. пособие / под общ. ред. С. Д. Хазанова. — М.: Инфра-М, 2022. — 293 с.
6. Завитова С. В. Проблемы соотношения и разграничения видов судопроизводства, подсудности и компетенции гражданских и административных дел // Ius Publicum et Privatum. — 2021. — № 2(12). — С. 133–137.
7. Зеленцов А. Б. Частное лицо как субъект административного права // Административное право и процесс. — 2025. — № 2. — С. 3–21.
8. Зеленцов А. Б., Ястребов О. А. Демократические основы советского социалистического правосудия / под ред. М. С. Строговича. — М.: Наука, 1965. — 392 с.
9. Кононов П. И. Производство в судах по делам об административных правонарушениях как составная часть административного судопроизводства // Правосудие. — 2023. — № 3.

Недействительные сделки в российском гражданском праве: доктрина, законодательные новеллы и зарубежный опыт

Акимова Инесса Юрьевна, кандидат юридических наук, доцент;
 Чабанова Аксана Юрьевна, кандидат юридических наук, доцент;
 Мурашова Елена Константиновна, студент магистратуры;
 Твердохлебов Андрей Алексеевич, студент магистратуры
 Московский финансово-юридический университет МФЮА

Статья посвящена комплексному исследованию института недействительности сделок в российском гражданском праве. Анализируются понятие и правовая природа недействительных сделок, классификация на ничтожные и оспоримые, основания недействительности и правовые последствия. Особое внимание уделяется актуальным изменениям законодательства 2024–2025 годов, а также законопроектным инициативам, направленным на защиту добросовестных участников гражданского оборота. В сравнительно-правовом аспекте рассматриваются подходы к регулированию недействительных сделок в странах романо-германской и англосаксонской правовых семей. На основе анализа доктрины, законодательства и судебной практики формулируются выводы о современных тенденциях развития института недействительности сделок в России.

Ключевые слова: недействительные сделки, ничтожность, оспоримость, Гражданский кодекс РФ, основания недействительности, последствия недействительности, заблуждение, судебная практика, реформа гражданского законодательства.

Легальное определение недействительной сделки закреплено в п. 1 ст. 166 Гражданского кодекса Российской Федерации: сделка недействительна по основаниям, установленным законом, в силу признания её таковой судом (оспоримая сделка) либо независимо от такого признания (ничтожная сделка) [1].

Институт недействительности сделок представляет собой один из фундаментальных механизмов гражданско-правового регулирования, обеспечивающий стабильность имущественного оборота и защиту прав его участ-

ников. В условиях динамично развивающихся рыночных отношений, усложнения гражданско-правовых конструкций и появления новых форм экономической деятельности вопросы действительности сделок приобретают особую актуальность.

Как справедливо отмечается в доктрине, недействительность сделки выступает гарантией соблюдения законности, добросовестности и защиты прав участников гражданского оборота [2]. В то же время несовершенство законодательных конструкций и противоречивость пра-

воприменительной практики порождают значительные сложности как для участников гражданского оборота, так и для судов. Особую остроту указанные проблемы приобретают в сфере оборота недвижимости, где признание сделки недействительной влечёт за собой наиболее тяжёлые имущественные последствия для добросовестных приобретателей.

Таким образом, ключевым признаком недействительной сделки является отсутствие у неё юридической силы — способности порождать те правовые последствия, на которые она была направлена. При этом важно подчеркнуть, что недействительность сделки не тождественна отсутствию сделки как таковой: недействительная сделка совершена, но её юридический эффект аннулируется в силу закона или судебного решения [2].

В научной литературе выделяются следующие признаки недействительной сделки: во-первых, несоответствие содержания, формы или порядка совершения сделки требованиям закона или иных правовых актов; во-вторых, наличие пороков субъектного состава (недееспособность, отсутствие необходимого согласия и т. п.); в-третьих, несоответствие воли и волеизъявления участников сделки; в-четвёртых, нарушение требований к форме сделки [2, с. 56].

Важнейшее теоретическое значение имеет разграничение недействительных сделок на ничтожные и оспоримые. Как отмечает Д. О. Тузов в фундаментальном исследовании теории недействительных сделок, данная классификация отражает различную степень юридической порочности сделки и, соответственно, различные механизмы защиты нарушенных прав [3].

Ничтожные сделки недействительны с момента их совершения независимо от признания их таковыми судом. К их числу относятся, в частности: сделки, совершённые с нарушением требований закона и посягающие на публичные интересы либо права третьих лиц (ст. 168 ГК РФ); сделки, совершённые с целью, противной основам правопорядка или нравственности (ст. 169 ГК РФ); мнимые и притворные сделки (ст. 170 ГК РФ); сделки, совершённые недееспособными и малолетними (ст. 171, 172 ГК РФ) [1].

Оспоримые сделки могут быть признаны недействительными только по решению суда при условии, что они нарушают права или охраняемые законом интересы лица, оспаривающего сделку. К их числу относятся, например: сделки юридического лица, совершённые в противоречии с целями его деятельности (ст. 173 ГК РФ); сделки, совершённые без необходимого согласия третьего лица (ст. 173.1 ГК РФ); сделки, совершённые под влиянием существенного заблуждения (ст. 178 ГК РФ); сделки, совершённые под влиянием обмана, насилия, угрозы или неблагоприятных обстоятельств (ст. 179 ГК РФ) [1].

Оспоримая сделка сохраняет юридическую силу до момента её признания недействительной судом. При этом если из содержания оспоримой сделки вытекает, что её исполнение прекращается в будущем, суд, признавая сделку недействительной, может прекратить её действие на будущее время [2].

Система оснований недействительности сделок, закреплённая в параграфе 2 главы 9 Гражданского кодекса РФ, представляет собой сложный и многогранный правовой феномен [1]. Основания недействительности могут быть классифицированы по различным критериям.

По характеру юридического порока выделяются следующие группы оснований:

1. Пороки содержания — несоответствие сделки требованиям закона или иных правовых актов. Общее основание закреплено в ст. 168 ГК РФ: сделка, нарушающая требования закона и при этом посягающая на публичные интересы либо права и охраняемые законом интересы третьих лиц, ничтожна, если из закона не следует, что такая сделка оспорима. Специальные составы включают сделки, совершённые с целью, противной основам правопорядка или нравственности (ст. 169 ГК РФ), а также мнимые и притворные сделки (ст. 170 ГК РФ) [1].

2. Пороки субъектного состава — совершение сделки лицом, не обладающим необходимым объёмом дееспособности или полномочий. К данной группе относятся: сделки недееспособных граждан (ст. 171 ГК РФ); сделки малолетних (ст. 172 ГК РФ); сделки несовершеннолетних в возрасте от 14 до 18 лет (ст. 175 ГК РФ); сделки граждан, ограниченных в дееспособности (ст. 176 ГК РФ); сделки, совершённые без необходимого согласия третьего лица или органа юридического лица (ст. 173.1 ГК РФ) [1].

3. Пороки воли и волеизъявления — несоответствие между внутренней волей участника сделки и её внешним выражением. К числу таких оснований относятся: сделки, совершённые гражданином, не способным понимать значение своих действий или руководить ими (ст. 177 ГК РФ); сделки, совершённые под влиянием существенного заблуждения (ст. 178 ГК РФ); сделки, совершённые под влиянием обмана, насилия, угрозы или неблагоприятных обстоятельств (ст. 179 ГК РФ) [1].

4. Пороки формы — несоблюдение установленной законом формы сделки в случаях, когда это прямо предусмотрено законом [1].

Особого внимания заслуживает ст. 178 ГК РФ, регулирующая недействительность сделки, совершённой под влиянием существенного заблуждения. Как разъясняет Верховный Суд РФ, не всякое заблуждение признаётся пороком сделки, а лишь существенное, то есть при отсутствии которого сторона, разумно и объективно оценивая ситуацию, не совершила бы сделку вовсе [6]. При этом п. 3 ст. 178 ГК РФ устанавливает, что заблуждение относительно мотивов сделки и её правовых последствий не является основанием для признания сделки недействительной [1].

Актуальное значение имеет также вопрос о недействительности сделок, совершённых со злоупотреблением правом. Как следует из судебной практики, сделка, совершённая с целью причинения вреда кредиторам, может быть признана недействительной на основании совокупности ст. 10 и 168 ГК РФ [7].

Правовые последствия недействительности сделок урегулированы ст. 167 ГК РФ. Общее правило заключа-

ется в том, что недействительная сделка не влечёт юридических последствий, за исключением тех, которые связаны с её недействительностью, и недействительна с момента её совершения [1].

Институт недействительности сделок в настоящее время находится в фокусе активной законотворческой деятельности. В 2024–2025 годах был предложен ряд законодательных инициатив, направленных на совершенствование правового регулирования и защиту добросовестных участников гражданского оборота.

В ноябре 2025 года председатель Комитета Госдумы по труду, социальной политике и делам ветеранов Ярослав Нилов предложил внести изменения в Гражданский кодекс РФ, предусматривающие, что недвижимость должна возвращаться продавцу по признанной недействительной сделке только после возмещения покупателю понесённых расходов [9]. Как отмечается в пояснительных материалах к законопроекту, в настоящее время при признании сделки купли-продажи недвижимости недействительной объект возвращается предыдущему владельцу, а добросовестный покупатель остаётся и без жилья, и без денег, которые в него вложил. Соответствующий пакет из двух законопроектов направлен на заключение в Правительство [9].

В декабре 2025 года в Государственной Думе был предложен законопроект, направленный на пресечение мошеннических схем, при которых продавец, получив деньги за квартиру или автомобиль, объявляет сделку недействительной, ссылаясь на свою недееспособность в момент её заключения (п. 1 ст. 177 ГК РФ) [10]. После признания сделки недействительной через суд продавец отказывается возвращать полученные средства, мотивируя это собственным банкротством. В результате добросовестный покупатель теряет и деньги, и объект сделки.

Как отмечается в пояснительной записке к законопроекту, подобная практика уже вышла за рамки единичных случаев и приобрела характер системного мошенничества, создавая «системную угрозу всему вторичному рынку жилой недвижимости и вторичному рынку автомобилей в России» [10]. Для противодействия этой угрозе предлагается дополнить п. 6 ст. 213.28 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» новым подпунктом, исключающим списание долгов, возникших в результате расторжения гражданином по его инициативе ранее заключённого договора [10].

В ноябре 2025 года в Госдуму был внесён законопроект, предусматривающий введение семидневного срока между подписанием договора купли-продажи и государственной регистрацией перехода права, что должно дать сторонам, прежде всего продавцу, возможность окончательно утвердиться в своём решении [9].

Указанные инициативы свидетельствуют о том, что законодатель осознаёт необходимость дополнительной защиты добросовестных участников оборота от злоупотреблений институтом недействительности сделок [9; 10].

Правоприменительная практика в сфере недействительности сделок последовательно развивается, формируя

важные ориентиры для нижестоящих судов. Особого внимания заслуживают недавние определения Верховного Суда РФ.

Дело Ларисы Долиной. Определением от 16 декабря 2025 года № 5-КГ25–174-К2 Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ отменила ранее принятые судебные акты и отказала в признании недействительными предварительного договора купли-продажи недвижимого имущества и договора купли-продажи квартиры [6].

Продавец (Л. А. Долина) утверждала, что совершила сделку под влиянием существенного заблуждения (ст. 178 ГК РФ), полагая, что заключает договор для пресечения совершаемых в отношении неё мошеннических действий, и заблуждалась относительно последствий сделки. Однако Верховный Суд указал, что заблуждение относительно мотивов сделки и её правовых последствий не является основанием для признания сделки недействительной (п. 3 ст. 178 ГК РФ) [1; 6]. Суд подчеркнул, что из искового заявления и протоколов допроса следует, что истец желала совершить именно эту сделку с соответствующими правовыми последствиями. Кроме того, суд должен оценить, проявил ли истец необходимую осмотрительность при совершении оспариваемой сделки [6].

Данное определение имеет важное значение для единообразного применения ст. 178 ГК РФ и предотвращения злоупотреблений институтом заблуждения [6].

Дополнительные правовые позиции Верховного Суда. В определении от 10 марта 2025 года № 306-ЭС25–223 Верховный Суд РФ подтвердил, что при применении последствий недействительности сделки суд вправе обязать сторону возвратить права аренды в натуре [7]. В определении от 18 марта 2025 года № 304-ЭС19–8458(17) суд указал, что для признания сделки притворной (п. 2 ст. 170 ГК РФ) необходимо установить, что стороны имели иную волю, отличную от той, которая выражена в сделке [8].

Сравнительно-правовой анализ института недействительности сделок позволяет выявить как общие закономерности, так и существенные различия в подходах различных правовых систем [4; 5].

В странах романо-германской правовой семьи, к которой относится и Россия, институт недействительности сделок традиционно построен на разграничении ничтожности и оспоримости. Однако конкретные правовые решения существенно различаются [5].

Германское гражданское уложение (BGB) проводит чёткое различие между ничтожными (nichtig) и оспоримыми (anfechtbar) сделками. Ничтожность наступает автоматически при наличии определённых пороков (например, нарушение формы, недееспособность, противоречие закону или добрым нравам). Оспаривание (Anfechtung) допускается при пороках волеизъявления (заблуждение, обман, угроза) и требует волеизъявления управомоченного лица. Особенностью германского подхода является институт подтверждения (Bestätigung) оспоримой сделки, который может «исцелить» её пороки [5].

Французский гражданский кодекс также различает ничтожность абсолютную (*nullité absolue*) и относительную (*nullité relative*). Абсолютная ничтожность установлена в публичных интересах и может быть заявлена любым заинтересованным лицом, относительная — в частных интересах и может быть заявлена только стороной, которую защищает закон. Важной особенностью французского права является институт подтверждения (*confirmation*) сделки, которая может быть подтверждена стороной после устранения порока [5].

Как отмечается в сравнительно-правовых исследованиях, в этих странах также присутствует деление на ничтожные и оспоримые сделки, однако конкретные составы и правовые последствия имеют национальную специфику [4, с. 308–309].

В странах общего права (Англия, США) отсутствует традиционное для континентального права деление на ничтожные и оспоримые сделки. Вместо этого используется более гибкий подход, основанный на категориях недействительности (*void*), оспоримости (*voidable*) и незаконности (*illegal*) [4, с. 310].

В Англии заключение сделки без необходимого согласия акционеров может быть квалифицировано как нарушение директором фидуциарных обязанностей и служить основанием не только для взыскания убытков с директора, но и для применения иных мер, в том числе направленных на оспаривание сделки [5, с. 50].

Важной особенностью англосаксонского права является доктрина *estoppel* (запрет противоречивого поведения), которая может препятствовать оспариванию сделки стороной, которая своим поведением дала основание другой стороне полагаться на действительность сделки [4, с. 311].

Как обоснованно отмечается в научной литературе, отсутствие комплексных сравнительно-правовых исследований в области составов недействительных сделок свидетельствует, с одной стороны, об актуальности проблемы, а с другой — о её недостаточной разработанности [4, с. 308]. Существенные отличия в правовом регулировании зарубежных стран позволяют оценить возможность и потенциальную необходимость рецепции определённых положений иностранных кодифицированных актов для целей развития и повышения эффективности института недействительных сделок в российском законодательстве [5, с. 55].

Представляется, что российское законодательство могло бы воспринять следующие элементы зарубежного опыта:

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 31.07.2025, с изм. от 25.03.2026) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.08.2025) // Собрание законодательства РФ. — 1994. — № 32. — Ст. 3301.
2. Скловский К. И. Сделка и её действие. Комментарий главы 9 ГК РФ (Понятие, виды и форма сделок. Недействительность сделок). 2-е изд. — М.: Статут, 2015. — 512 с.
3. Тузов Д. О. Общие учения теории недействительных сделок и проблемы их восприятия в российской доктрине, законодательстве и судебной практике: дис. ... д-ра юрид. наук. — Томск, 2006. — 486 с.

1. Институт подтверждения (исцеления) сделки — возможность стороны подтвердить сделку после устранения порока, что позволило бы сохранить действительность сделки при отсутствии нарушенных интересов [5].

2. Более гибкий подход к последствиям недействительности — учёт добросовестности сторон и характера нарушенных интересов при определении последствий, что особенно актуально в свете обсуждаемых законопроектов о защите добросовестных приобретателей [9; 10].

3. Доктрина эстоппеля (запрета противоречивого поведения) — недопущение оспаривания сделки стороной, которая своим поведением подтвердила её действительность, что могло бы существенно снизить количество злоупотреблений [4, с. 311].

Проведённый анализ позволяет сформулировать следующие выводы.

Институт недействительности сделок в российском гражданском праве представляет собой сложный и многогранный правовой механизм, обеспечивающий стабильность гражданского оборота и защиту прав его участников [1; 2]. Действующее законодательство, закреплённое в параграфе 2 главы 9 Гражданского кодекса РФ, в целом отвечает потребностям правоприменительной практики, однако нуждается в последовательном совершенствовании с учётом современных реалий [1].

Ключевые проблемы современного правового регулирования связаны с недостаточной защитой добросовестных участников оборота, в первую очередь покупателей недвижимости, при признании сделок недействительными. Как показывает анализ судебной практики и законопроектных инициатив 2024–2025 годов, законодатель осознаёт необходимость устранения указанных пробелов [6; 7; 9; 10].

Зарубежный опыт, в частности институты подтверждения сделки, учёта добросовестности сторон при определении последствий недействительности и доктрина эстоппеля, мог бы быть использован при дальнейшем совершенствовании российского гражданского законодательства [4; 5].

Приоритетными направлениями реформы института недействительности сделок представляются: усиление защиты добросовестных приобретателей; введение механизмов, предотвращающих злоупотребления правом на оспаривание сделок; совершенствование правовых последствий недействительности с учётом баланса интересов сторон; гармонизация российского законодательства с прогрессивными подходами, апробированными в зарубежных правовых системах [4; 5; 9].

4. Радионов И. А. Сравнительный анализ институтов недействительности сделок в разных правовых системах: российский и зарубежный опыт // Молодой учёный. — 2025. — № 21 (572). — С. 308–311.
5. Неижкаша И. С. Составы недействительных сделок в гражданском законодательстве зарубежных стран // Право и экономика. — 2024. — № 3. — С. 45–58.
6. Определение Верховного Суда РФ от 16.12.2025 № 5-КГ25-174-К2 // СПС «КонсультантПлюс».
7. Определение Верховного Суда РФ от 10.03.2025 № 306-ЭС25-223 по делу № А12-7308/2024 // СПС «КонсультантПлюс».
8. Определение Верховного Суда РФ от 18.03.2025 № 304-ЭС19-8458(17) по делу № А45-7737/2018 // СПС «КонсультантПлюс».
9. Законопроект о внесении изменений в Гражданский кодекс РФ в части защиты прав добросовестных приобретателей недвижимости (внесён Я. Е. Ниловым, 2025) // СПС «КонсультантПлюс».
10. Законопроект о внесении изменений в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» в части исключения списания долгов по недобросовестным сделкам (2025) // СПС «КонсультантПлюс».

Источники уголовного права России

Быков Евгений Александрович, студент

Научный руководитель: Авдалян Артур Яшевич, кандидат юридических наук, доцент
Российский государственный университет социальных технологий (г. Москва)

Статья раскрывает современную систему источников уголовного права России с учетом конституционных поправок 2020 года, роли Уголовного кодекса как ядра регулирования, статуса разъяснений Пленума Верховного Суда и правовых позиций Конституционного Суда, а также влияния международных договоров после 2022–2023 годов. Показано различие «узкого» и «широкого» понимания источников, выявлены риски чрезмерной бланкетизации и предложены меры по повышению определенности уголовно-правовых предписаний. Сделаны выводы о необходимости уточнения нормативного статуса судебных разъяснений и стандартизации межотраслевых отсылок.

Ключевые слова: уголовное право, источники, Конституция РФ, Уголовный кодекс РФ, Пленум Верховного Суда РФ, Конституционный Суд РФ, международные договоры, бланкетные диспозиции, доктрина.

Sources of Criminal Law in Russia

Bykov Yevgeny Aleksandrovich, student

Scientific advisor: Avdalyan Artur Yashevich, candidate of legal sciences, associate professor
Russian State University of Social Technologies (Moscow)

The article examines the contemporary system of sources of Russian criminal law, taking into account the 2020 constitutional amendments, the role of the Criminal Code as the core of regulation, the status of the Plenum of the Supreme Court's clarifications and the Constitutional Court's legal positions, as well as the impact of international treaties after 2022–2023. It distinguishes between the “narrow” and “broad” understandings of sources, identifies risks associated with excessive blanket provisions, and proposes measures to enhance the certainty of criminal-law norms. The article concludes on the need to clarify the normative status of judicial clarifications and to standardize cross-sectoral references.

Keywords: criminal law, sources, Constitution of the Russian Federation, Criminal Code of the Russian Federation, Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation, Constitutional Court of the Russian Federation, international treaties, blanket provisions, doctrine.

В российском уголовном праве сегодня складывается не монотонная, а многоуровневая система источников. На ее актуальность влияют три фактора: новое прочтение статуса международных обязательств после конституционных поправок 2020 года, возрастающая роль судебных разъяснений для единообразия практики и усиление бланкетных конструкций, которые «подтягивают» в сферу уголовной ответственности требования иных от-

раслей. Цель такого обзора проста: без лишней терминологии показать реальный состав источников, их иерархию и точки, где правопорядку требуется уточнение. Задачи выстраиваются соответственно: развести узкое и широкое понимание источников, зафиксировать конституционные пределы уголовной репрессии, пояснить смысл и место разъяснений Пленума Верховного Суда, обозначить влияние международных договоров и недавних фе-

деральных законов, а в конце предложить практические ориентиры. Метод опирается на анализ норм и судебных актов в сочетании с доктриной [1].

В узком смысле источником уголовного права выступает сам уголовный закон, то есть текст Уголовного кодекса. В широком — более широкий круг: Конституция, международные договоры, правовые позиции Конституционного Суда, разъяснения Пленума Верховного Суда, а также вне уголовных актов, на которые ссылаются бланкетные диспозиции. Такое разведение удобно в работе: оно объясняет, почему реальная картина регулирования шире буквальной формулы статьи 1 УК [11].

Конституция задает пределы уголовной репрессии. Она закрепляет запрет придания обратной силы закону, ухудшающему положение, гарантирует законность и определенность и подчеркивает собственное верховенство. Поправки 2020 года ввели правило о неисполнении решений межгосударственных органов, если они противоречат Основному Закону. Это напрямую влияет на то, как суды и следствие пользуются международными стандартами при квалификации и назначении наказаний [1].

Ключевым элементом конституционной архитектуры стал и подход Конституционного Суда к коллизиям между международными решениями и Конституцией. В постановлении от 14 июля 2015 года № 21-П Суд обозначил условия допустимости отказа от исполнения отдельных актов международных органов. Тем самым был задан ориентир: международные стандарты применяются постольку, поскольку совместимы с конституционными началами и не разрушают суверенные пределы [6].

Чтобы любая норма могла служить основанием уголовной ответственности, требуется официальное опубликование. Это не техническая формальность, а гарантия предсказуемости и доверия к праву. Порядок опубликования и роль Официального интернет-портала правовой информации закреплены в федеральном законе и выступают частью механизма законности [7].

Центр системы — Уголовный кодекс. Формально он и составляет «уголовное законодательство». На практике же Кодекс широко опирается на бланкетные диспозиции. Они отсылают к другим отраслям, формируя расширенное поле источников. Отсылка должна быть понятной и доступной для адресата: человек должен заранее понимать, какое именно правило из иного акта наполняет уголовный запрет конкретным содержанием [2; 3].

Хорошо это видно на примере ответственности за нарушения в сфере лицензируемой деятельности. Составы незаконного предпринимательства и смежные посягательства опираются на требования, закрепленные за пределами УК, в том числе в законе о лицензировании. В результате «источниковая» картина объективно шире кодифицированного текста, а качество отсылок начинается влиять на предсказуемость уголовной оценки [8].

Еще один показательный блок — ответственность за производство и оборот опасной продукции. В постановлении Пленума Верховного Суда от 25 июня 2019 года по

делам, связанным со статьей 238 УК, ответственность увязана с реальной опасностью для жизни и здоровья, а применимые акты перечислены через отсылку к конкретным техническим регламентам и профильным законам. Такая детализация снижает неопределенность, неизбежную при бланкетной технике [5].

В 2022–2023 годах изменился международно-правовой контур. Федеральный законодатель определил порядок обращения с постановлениями Европейского суда по правам человека, принятыми после выхода России из Совета Европы, и ограничил их исполнение. Это сузило сферу прямого влияния практики ЕСПЧ на уголовно-правовые аргументы и вернуло акцент на внутригосударственные источники [9].

Отдельным актом прекращено действие международных договоров Совета Европы в отношении России. Это решение не снимает значимости международных ориентиров в качестве аргумента толкования, но требует явной проверки их совместимости с Конституцией и действующим законом в каждом конкретном случае [10].

Судебная практика выполняет функцию конкретизации. Разъяснения Пленума Верховного Суда не создают новых составов преступлений и санкций, но обеспечивают единообразие толкования и тем самым стабилизируют правоприменение. Правовые основания этой работы закреплены в федеральном конституционном законе «О Верховном Суде Российской Федерации»; по сути, Пленум задает методические рамки квалификации и назначения наказания [4].

В доктрине накоплен аргумент в пользу признания «судебного слоя» функциональной частью системы источников. Без него нормы остаются слишком общими, а принцип законности требует достаточной степени определенности и предсказуемости. Научная литература показывает, что связь закона, разъяснений и профессиональной практики — это не исключение, а обычный режим существования уголовного права [15].

Проблемные зоны тоже обозначены. Во-первых, формула статьи 1 УК о монополии Кодекса не описывает многослойную реальность. Нужен аккуратный «перевод» этого факта на язык закона, который бы не смешивал толкование с правотворчеством, но легитимировал роль разъяснений как интерпретационного стандарта [12]. Во-вторых, избыточная бланкетизация порождает риск скрытой криминализации через неопределенные ссылки. Здесь необходимы единые требования к формулировке диспозиций и к точному указанию адресата отсылок, чтобы адресат мог без труда найти нужный акт и его версию на нужную дату [13]. В-третьих, требуется устойчивый баланс между международными ориентирами и конституционным суверенитетом: международная аргументация ценна, но применяется только после прозрачной проверки на совместимость [9; 10].

В качестве практических шагов можно предложить три простых решения. Первое: нормативно закрепить, что разъяснения Пленума применяются судами как ав-

торитетный интерпретационный ориентир без придания им силы закона. Второе: разработать методический регламент для бланкетных норм с понятным описанием круга отсылочных актов и признаков их идентификации. Третье: поддерживать на официальном портале «карту источников» к статьям УК с версиями актов, на которые они ссылаются, что повысит предсказуемость и снизит риск произвольного толкования [7].

В итоге картина такова. Вершина — Конституция: она задает пределы уголовной репрессии, охраняет базовые гарантии и не допускает обратную силу закона, который ухудшает положение лица. На этом основании строится все остальное. Центр системы — Уголовный кодекс: именно в нем закреплены составы преступлений и виды наказаний. Чтобы нормы работали в реальной жизни, Кодекс связывается с другими отраслями через отсылки к техническим регламентам, санитарным пра-

вилам и иным актам. Разъяснения Пленума Верховного Суда помогают применять эти нормы одинаково по всей стране и превращают общие формулы закона в понятные для судов и практиков ориентиры. Международные стандарты используются постольку, поскольку не противоречат Конституции и федеральным законам, принятым в последние годы.

Что нужно улучшить. Во-первых, упорядочить бланкетные отсылки: четко указывать, к каким именно актам и версиям отсылает норма, чтобы адресат мог заранее понять, что от него требуется. Во-вторых, прозрачно закрепить статус разъяснений Пленума как авторитетного интерпретационного ориентира (не приравнивая их к закону), чтобы снять сомнения при квалификации и назначении наказания. Эти шаги повысят предсказуемость правоприменения и приведут формулу об источниках в соответствие с тем, как право реально действует сегодня.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 (с изменениями, одобренными 01.07.2020). Офиц. текст. URL: <https://pravo.gov.ru/constitution/> (дата обращения: 14.11.2025).
2. Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. действ.). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 14.11.2025).
3. Федеральный конституционный закон от 05.02.2014 № 3-ФКЗ «О Верховном Суде Российской Федерации». URL: <https://vsrf.ru/documents/download/15545> (дата обращения: 14.11.2025).
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.12.2015 № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_191241/ (дата обращения: 14.11.2025).
5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25.06.2019 № 18 «О судебной практике по делам о преступлениях, предусмотренных статьей 238 Уголовного кодекса Российской Федерации». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_327674/ (дата обращения: 14.11.2025).
6. Постановление Конституционного Суда РФ от 14.07.2015 № 21-П. URL: <https://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201507170018> (дата обращения: 14.11.2025).
7. Федеральный закон от 14.06.1994 № 5-ФЗ «О порядке опубликования и вступления в силу федеральных конституционных законов, федеральных законов, актов палат Федерального Собрания». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/6279> (дата обращения: 14.11.2025). (Кремль)
8. Федеральный закон от 04.05.2011 № 99-ФЗ «О лицензировании отдельных видов деятельности». URL: <https://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201105050010> (дата обращения: 14.11.2025).
9. Федеральный закон от 11.06.2022 № 183-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации». URL: <https://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202206110028> (дата обращения: 14.11.2025).
10. Федеральный закон от 28.02.2023 № 43-ФЗ «О прекращении действия международных договоров Совета Европы в отношении Российской Федерации». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_440620/ (дата обращения: 14.11.2025).
11. Наумов А. В. Российское уголовное право. Общая часть: учебник. 5-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2023.
12. Курс уголовного права. Том 1: Общая часть / под ред. Н. Ф. Кузнецовой, И. Я. Козаченко. 6-е изд., перераб. и доп. М.: Зерцало-М, 2022.
13. Рарог А. И. Уголовное право России. Общая часть: учебник. 6-е изд. М.: Проспект, 2022.
14. Борков В. Н. Принцип законности и уголовно-правовая доктрина // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2024. № 3. С. 19–29. URL: <https://kvsz.ru/ru/nauka/article/83113/view> (дата обращения: 14.11.2025).
15. Коняхин В. П., Асланян Р. Г. Первичные системно-структурные элементы российского уголовного права // Российский следователь. 2024. № 1. С. 18–22. DOI: 10.18572/1812–3783–2024–1–18–22. URL: <https://lawinfo.ru/articles/5285/pervicnye-sistemno-strukturnye-elementy-rossiiskogo-ugolovnogo-prava> (дата обращения: 14.11.2025).

Конкуренция общей и специальной нормы при квалификации посягательства на жизнь государственного или общественного деятеля

Воробьева Анастасия Николаевна, студент
МИРЭА — Российский технологический университет (г. Москва)

В статье исследуются проблемы квалификации преступлений при конкуренции общей и специальной норм на примере состава, предусмотренного ст. 277 Уголовного кодекса Российской Федерации («Посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля»). Анализируется соотношение данного состава с общей нормой об убийстве (ст. 105 УК РФ) и смежными составами преступлений. Автор обосновывает тезис о том, что при конкуренции общей и специальной нормы приоритетное применение находит специальная норма, что исключает квалификацию содеянного по совокупности. Особое внимание уделяется разграничению непосредственного объекта преступления, а также целей и мотивов, образующих конструктивные признаки состава. На основе анализа судебной практики и доктринальных источников формулируются правила квалификации, позволяющие отграничить ст. 277 УК РФ от смежных составов.

Ключевые слова: конкуренция норм, посягательство на жизнь, государственный деятель, специальная норма, квалификация преступлений.

Правильная квалификация преступления представляет собой необходимое условие реализации принципов законности, справедливости и неотвратимости уголовной ответственности. Особую сложность в правоприменительной практике вызывают случаи, когда одно фактически совершенное деяние одновременно содержит признаки нескольких уголовно-правовых норм. В теории уголовного права данное явление получило наименование конкуренции уголовно-правовых норм [5]. Наиболее распространённым видом конкуренции является конкуренция общей и специальной нормы, правила разрешения которой законодательно закреплены в ч. 3 ст. 17 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ): «Если преступление предусмотрено общей и специальной нормами, совокупность преступлений отсутствует и уголовная ответственность наступает по специальной норме» [1].

Указанное правило приобретает особое значение при квалификации деяний, посягающих на жизнь государственных и общественных деятелей, ответственность за которые установлена ст. 277 УК РФ. Данный состав традиционно рассматривается в доктрине как специальный по отношению к общей норме об убийстве (ст. 105 УК РФ). Вместе с тем, как справедливо отмечает О. В. Савюк, «при совершении деяния, охватывающего одновременно несколько статей УК РФ или частей статей УК РФ, у правоприменителей возникает вопрос о необходимости выбрать только одну норму» [4]. Именно в этой точке возникает конкуренция, требующая от суда не только установления фактических обстоятельств, но и точной юридической оценки, основанной на понимании структуры и элементов конкурирующих составов.

Основанием для выделения ст. 277 УК РФ в качестве специальной нормы является её объект и субъективная сторона. Как указывает А. В. Наумов, «объективная сторона преступления выражается в убийстве соответствующего лица или в покушении на его убийство» [3]. Однако непосредственным объектом данного преступления

выступают не жизнь и здоровье как таковые, а «основы конституционного строя и безопасность государства». Жизнь государственного или общественного деятеля в данном составе является дополнительным (факультативным) объектом. Именно это обстоятельство предопределяет повышенную общественную опасность деяния и необходимость его самостоятельной уголовно-правовой регламентации.

В отличие от состава убийства, предусмотренного ст. 105 УК РФ, посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля имеет специфическую субъективную сторону. Обязательными признаками являются цель — прекращение государственной или иной политической деятельности потерпевшего, либо мотив — месть за указанную деятельность. Отсутствие данных признаков исключает квалификацию по ст. 277 УК РФ. В таких случаях, даже если потерпевшим выступает государственный служащий, содеянное подлежит квалификации по п. «б» ч. 2 ст. 105 УК РФ как убийство лица в связи с осуществлением служебной деятельности, либо по иным пунктам указанной статьи.

Пленум Верховного Суда Российской Федерации в Постановлении от 27 января 1999 г. № 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» [2] разъясняет, что по ч. 1 ст. 105 УК РФ квалифицируется убийство, совершенное без квалифицирующих признаков и без смягчающих обстоятельств. В данном постановлении также подчёркивается, что при квалификации убийства, сопряжённого с осуществлением потерпевшим служебной деятельности или выполнением общественного долга, надлежит руководствоваться п. «б» ч. 2 ст. 105 УК РФ. Вместе с тем, если установлена специальная цель, указанная в ст. 277 УК РФ, применению подлежит именно эта специальная норма, что прямо вытекает из ч. 3 ст. 17 УК РФ.

Проблема конкуренции возникает также при отграничении ст. 277 УК РФ от составов террористического акта (ст. 205 УК РФ) и посягательства на жизнь сотрудника

правоохранительного органа (ст. 317 УК РФ). В первом случае разграничение проводится по объекту и цели: террористический акт посягает на общественную безопасность и направлен на дестабилизацию деятельности органов власти или устрашение населения, тогда как ст. 277 УК РФ предполагает конкретную цель — прекращение деятельности именно определённого лица. Во втором случае специальная норма (ст. 317 УК РФ) конкурирует со ст. 277 УК РФ, однако объект преступления различен: ст. 317 УК РФ охраняет жизнь сотрудника правоохранительного органа в связи с его служебной деятельностью, а ст. 277 УК РФ — жизнь государственного или общественного деятеля в связи с его политической деятельностью.

В литературе обоснованно отмечается, что конкуренция общей и специальной норм разрешается в пользу последней, «поскольку специальная норма наиболее полно отражает сущность совершенного деяния». Применительно к исследуемому составу это означает, что если деяние содержит все признаки состава, предусмотренного ст. 277 УК РФ (убийство государственного или общественного деятеля, совершённое с целью прекращения его политической деятельности или по мотивам мести за неё), квалификация по ст. 105 УК РФ исключается, и дополнительного вменения указанной статьи не требуется. Иное означало бы нарушение запрета двойного вменения и противоречило бы законодательной конструкции, закрепляющей специальную норму как приоритетную.

В судебной практике встречаются случаи, когда при квалификации действий виновного, посягнувшего на жизнь государственного деятеля, суды, помимо ст. 277 УК РФ, вменяют также п. «б» ч. 2 ст. 105 УК РФ. Такой подход представляется ошибочным, поскольку он игнорирует правило ч. 3 ст. 17 УК РФ. Как верно указывает О. В. Савюк, «в случае конкуренции общей и специальной норм в силу ч. 3 ст. 17 УК РФ совокупность преступлений отсутствует и применению подлежит специальная норма, что призвано исключить незаконное двойное вменение» [4]. Двойное вменение в данном случае не только искажает юридическую оценку содеянного, но и может повлиять на назначение наказания, поскольку создаёт видимость совершения двух самостоятельных преступлений при фактическом наличии одного деяния.

Отдельного внимания заслуживает вопрос о квалификации покушения на посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля. Поскольку состав ст. 277 УК РФ является материальным, а само посягательство на жизнь, как указывает Пленум Верховного Суда РФ в Постановлении от 27 января 1999 г. № 1 [2], «покушение на убийство возможно лишь с прямым умыслом», постольку и покушение на преступление, предусмотренное ст. 277 УК РФ, должно квалифицироваться по ч. 3 ст. 30 и ст. 277 УК РФ. При этом ссылка на ст. 105 УК РФ не требуется, поскольку специальная норма поглощает общую и на стадии неоконченного преступления.

Таким образом, анализ норм уголовного законодательства и доктринальных источников позволяет сформулировать следующие правила квалификации посягательства на жизнь государственного или общественного деятеля:

1. Поскольку ст. 277 УК РФ является специальной нормой по отношению к ст. 105 УК РФ, квалификация содеянного по совокупности данных статей исключается.
2. Обязательным условием квалификации по ст. 277 УК РФ является установление специальной цели — прекращение государственной или политической деятельности потерпевшего, либо мотива мести за такую деятельность.
3. При отсутствии указанных цели или мотива, но наличии факта убийства лица в связи с осуществлением им служебной деятельности, содеянное квалифицируется по п. «б» ч. 2 ст. 105 УК РФ.
4. Отграничение ст. 277 УК РФ от смежных составов (ст. 205, 317 УК РФ) производится по объекту преступления и содержанию специальной цели.

Правоприменительная практика нуждается в единообразном подходе к квалификации посягательства на жизнь государственного или общественного деятеля. Несоблюдение правил конкуренции общей и специальной норм ведёт к судебным ошибкам, нарушению принципа справедливости и необоснованному утяжелению уголовной ответственности. В этой связи особое значение приобретает разъяснение Верховного Суда Российской Федерации, направленное на унификацию подходов к применению ст. 277 УК РФ в системе норм об ответственности за преступления против жизни и здоровья, а также против основ конституционного строя и безопасности государства.

Литература:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 28.12.2024) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.01.1999 № 1 (ред. от 03.03.2015) «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» // Российская газета. 1999. 9 февраля.
3. Наумов А. В. Российское уголовное право. Курс лекций: в 3 т. Т. 3. Особенная часть. М.: Wolters Kluwer, 2007. 656 с.
4. Савюк О. В. Конкуренция общего и специального состава преступлений при квалификации преступлений // Молодой ученый. 2026. № 1 (604). С. 132–135.
5. Иногамова-Хегай Л. В. Концептуальные основы конкуренции уголовно-правовых норм. М.: Норма, 2019. 144 с.

Отсутствие действительного использования товарного знака как злоупотребление правом

Воробьева Анастасия Николаевна, студент

Научный руководитель: Мазеин Артём Владимирович, кандидат юридических наук, доцент
МИРЭА — Российский технологический университет (г. Москва)

Настоящая статья посвящена исследованию феномена использования товарного знака не в целях индивидуализации товаров, ради чего данный институт создан, а в качестве инструмента недобросовестной конкуренции. Автор рассматривает правовую природу злоупотребления правом на товарный знак, критерии недобросовестного поведения правообладателей и значение принципа добросовестности в правоприменительной практике. В работе проанализированы нормы части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации, разъяснения Пленума Верховного Суда РФ и Обзор судебной практики от 15 ноября 2023 г. На примере пяти ключевых судебных дел 2023–2025 гг. выявляются основные формы недобросовестной конкуренции и критерии их оценки судами. В заключении автор делает вывод о социальной и экономической значимости применения статьи 10 ГК РФ для пресечения злоупотреблений в сфере интеллектуальной собственности.

Ключевые слова: товарный знак, недобросовестная конкуренция, злоупотребление правом, принцип добросовестности, злоупотребление правом, судебная практика.

В рамках российской системы охраны интеллектуальной собственности товарный знак выполняет функцию средства индивидуализации продукции. Однако анализ правоприменительной практики демонстрирует о том, что исключительное право на него все чаще реализуется вне своего функционального предназначения: регистрация происходит не для действительного использования обозначения, а преимущественно как инструмент последующего взыскания компенсаций с лиц, реально использующих сходные обозначения. В условиях усиления конкуренции и экономической нестабильности множатся ситуации, когда правообладатели, формально реализуя принадлежащие им правомочия, стремятся извлечь необоснованные рыночные преимущества, в том числе посредством эксплуатации чужой деловой репутации либо вытеснения добросовестных участников рынка. В подобных обстоятельствах особое значение приобретает применение статьи 10 ГК РФ, закрепляющей недопустимость злоупотребления гражданскими правами [3].

Злоупотребление исключительным правом на товарный знак представляет собой осуществление данного права не для индивидуализации товаров, а с намерением причинить вред иным участникам оборота, ограничить конкуренцию или извлечь необоснованную выгоду. Критерии оценки подобных деяний вырабатываются судебной практикой, прежде всего в разъяснениях Пленума Верховного Суда РФ, данных в постановлении от 23.04.2019 № 10 [5], а также в Обзоре судебной практики по делам, связанным с оценкой действий правообладателей товарных знаков (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 15.11.2023) [4]. Принципиальное значение имеет вывод о том, что приобретение прав на обозначение без намерения его использовать, но с целью последующего обращения с исками к участникам оборота, действующим добросовестно, расценивается как неправомерное поведение.

С точки зрения правовой природы, злоупотребление правом на товарный знак представляет собой особую форму правонарушения, сочетающую частноправовые и публично-правовые начала. Как справедливо отмечает Р. Ф. Гафуров, анализ судебной практики демонстрирует тенденцию к снижению признания факта злоупотребления правом со стороны судов, что следует расценивать как негативное явление [2].

Правовое регулирование базируется на нормах части четвертой ГК РФ. Судебная практика, включая акты Суда по интеллектуальным правам, ориентирована на выработку единых подходов к применению статьи 10 ГК РФ и определению критериев оценки деятельности правообладателей. К числу таких критериев относятся: наличие более раннего использования обозначения третьими лицами, истинные мотивы регистрации, действительность намерений по использованию, дальнейшее поведение правообладателя, аффилированность сторон и системный характер действий.

Практическая значимость механизма, предусмотренного статьей 10 ГК РФ, раскрывается при рассмотрении конкретных споров. Так, показателен спор по делу № А41–72665/23 по иску ООО «БРЕСЕ» к ООО «Вайлдберриз» [9]. Фактические обстоятельства дела свидетельствуют о том, что истец, будучи дистрибьютором иностранного производителя, после неудачных переговоров зарегистрировал обозначение, ранее использовавшееся данным производителем, и впоследствии начал предъявлять претензии к третьим лицам, реализующим соответствующую продукцию.

Дополнительным аргументом недобросовестности послужила позиция антимонопольного органа, усмотревшего в действиях истца нарушение антимонопольного законодательства. Суд, отказывая в удовлетворении притязаний, констатировал, что регистрация знака преследовала цель не маркировки собственных изделий, а установ-

ления контроля над рынком и получения дохода за счет компенсаций, что является злоупотреблением правом.

Не меньший интерес представляет спор по делу № А21–4292/2023, в рамках которого суд исследовал взаимосвязанные требования нескольких правообладателей [7]. Анализ представленных доказательств позволил установить аффилированность сторон лицензионных договоров и притворный характер сделок, поскольку финансовые средства фактически возвращались обратно. Отсутствие подтверждений реального использования товарных знаков в коммерческой деятельности, наряду с установленными фактами, послужило основанием для вывода о злоупотреблении правом и отказе в иске со ссылкой на пункт 2 Обзора от 15.11.2023.

Иная правовая оценка дана по делу № А21–8995/2024, где доводы о злоупотреблении были отклонены [8]. Судом было установлено, что истец осуществляет реальную предпринимательскую деятельность и применяет товарный знак в соответствии с его назначением, а аргументы ответчика являются умозрительными. В решении подчеркнуто, что для опровержения презумпции добросовестности участника оборота необходима убедительная доказательственная база. Это дело демонстрирует, что презумпция добросовестности участников гражданского оборота (пункт 5 статьи 10 ГК РФ) может быть опровергнута только при наличии достаточных доказательств.

Интерес представляет и дело № А40–180253/24, связанное с оспариванием отказа в регистрации перехода исключительного права [6]. Суд указал, что если действия предшественного обладателя права признаны недобросовестными, то при последующем отчуждении знака он утрачивает связь с предшественным неправомерным поведением и не может расцениваться как имущество такого

должника. Этот вывод подтверждает возможность «очищения» правового статуса товарного знака при его переходе к добросовестному приобретателю.

Таким образом, проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что противодействие злоупотреблению исключительным правом в сфере товарных знаков реализуется посредством совокупности правовых средств. Законодательное закрепление критериев недобросовестности, нормы части четвертой ГК РФ и разъяснения высших судебных инстанций формируют прозрачную и единообразную практику применения статьи 10 ГК РФ. Как подчеркивает С. М. Аламова [1], деятельность Верховного Суда РФ имеет определяющее значение для выработки методологических и правоприменительных подходов в сфере защиты интеллектуальной собственности, обеспечивая соблюдение принципов добросовестности, эффективности и справедливости в судебной практике.

Анализ судебной практики свидетельствует: обращение к статье 10 ГК РФ предполагает представление убедительной доказательственной базы, раскрывающей недобросовестную направленность действий правообладателя. Правовая квалификация деяний в качестве акта недобросовестной конкуренции, подтверждение аффилированности участников сделок либо установление их притворности выступают значимыми обстоятельствами при разрешении спора. Напротив, умозрительные утверждения ответчика, не подкрепленные достаточными доказательствами, не влекут применения положений о злоупотреблении правом. В результате данный институт выступает важнейшим инструментом поддержания баланса интересов и обеспечения справедливой конкуренции на рынке.

Литература:

1. Аламова С. М. Правовые позиции Верховного Суда Российской Федерации по делам о защите интеллектуальных прав в гражданском процессе // Вестник гражданского процесса. 2025. № 6.
2. Гафуров Р. Ф. Важнейшие споры в сфере злоупотребления правом на товарный знак в 2024 году // Арбитражный и гражданский процесс. 2025. № 6. С. 35–41.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ // СЗ РФ. 2006. № 52 (ч. I). Ст. 5496.
4. Обзор судебной практики по делам, связанным с оценкой действий правообладателей товарных знаков (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 15.11.2023) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2023. № 2.
5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2019. № 7.
6. Решение Арбитражного суда города Москвы от 05.12.2024 по делу № А40–180253/24–12–1440.
7. Решение Арбитражного суда Калининградской области от 28.11.2023 по делу № А21–4292/2023.
8. Решение Арбитражного суда Калининградской области от 14.01.2025 по делу № А21–8995/2024.
9. Решение Арбитражного суда Московской области от 15.01.2024 по делу № А41–72665/23.

Добросовестность как межотраслевая процессуально-правовая категория

Горбачева Юстина Юрьевна, студент магистратуры
Липецкий филиал Московского финансово-юридического университета (МФЮА)

Научный руководитель: Иерусалимская Елена Александровна, кандидат юридических наук, доцент
Московский финансово-юридический университет МФЮА

Статья посвящена исследованию добросовестности как межотраслевой процессуально-правовой категории. Автор обосновывает, что добросовестность, традиционно разрабатываемая цивилистикой в качестве материально-правового принципа, обладает самостоятельным процессуальным содержанием, несводимым к её гражданско-правовому пониманию. На основе сравнительного анализа норм ГПК РФ, АПК РФ и КАС РФ выявляется межотраслевой характер процессуальной добросовестности, фиксируется проблема отраслевой асимметрии в механизмах противодействия злоупотреблению процессуальными правами и предлагаются пути унификации. Раскрывается элементный состав процессуальной добросовестности: информационный, поведенческий и темпоральный компоненты.

Ключевые слова: добросовестность, процессуальное право, злоупотребление процессуальными правами, межотраслевая категория, эстоппель, гражданский процесс, арбитражный процесс, административное судопроизводство, отраслевая асимметрия.

Конституционным фундаментом категории добросовестность для всей российской правовой системы служит статья 17 Конституции РФ [1], устанавливающая, что реализация гражданами своих прав и свобод не должна нарушать права и свободы иных лиц. Этот конституционный императив задаёт ту нормативную рамку, в которой добросовестность обретает значение универсального стандарта поведения, как в материальных, так и в процессуальных правоотношениях. Как отмечает И. Г. Федин, в доктринальном понимании данная категория во всех её проявлениях — и в публичном, и в частном праве — представляет собой одно из наиболее ёмких и многоаспектных правовых понятий [2, с. 4]. Добросовестность сопряжена с такими фундаментальными категориями, как разумность, справедливость, вина, ответственность, правоотношение, субъективное право, злоупотребление правом, аналогия закона и права, фактическая ошибка.

В отечественной цивилистике добросовестность традиционно рассматривается, прежде всего, как категория материального права, прямо закреплённая в ст.ст. 1 и 10 Гражданского кодекса РФ [3] (далее — ГК РФ). Вместе с тем её процессуальноправовой аспект остаётся недостаточно доктринально разработанным, хотя добросовестность фактически действует как «сквозное» начало в гражданском, арбитражном и административном судопроизводстве. Это позволяет обоснованно говорить о межотраслевом характере процессуальной добросовестности. Проблема межотраслевого характера добросовестности состоит в том, что, рассматриваемая категория, будучи изначально частноправовой, со временем трансформировалась в универсальный критерий оценки поведения в самых разных сферах общественных отношений. Это порождает задачи по унификации подходов к его применению, уточнению оценочных критериев и поиску баланса между формальной определённой права и требованием справедливости [4, с.300]. Недобросовестное

поведение участников процесса, вводящих в заблуждение и друг друга, и суд, создаёт серьёзную угрозу устойчивости гражданского оборота и защищённости граждан.

В материальном гражданском праве добросовестность закрепляется законодателем как принцип и критерий оценки поведения участника оборота, отражающий его осведомлённость и честность при осуществлении прав и исполнении обязанностей. Одновременно добросовестность служит ориентиром для судебной оценки действий стороны в рамках разрешения спора. Согласно п. 3 ст. 1 ГК РФ, участники гражданских правоотношений обязаны действовать добросовестно на всех стадиях, как при установлении, осуществлении и защите гражданских прав, так и равно при исполнении корреспондирующих обязанностей. Пункт 4 той же статьи содержит категорический запрет для всех участников гражданских правоотношений извлекать выгоду из собственного незаконного либо недобросовестного поведения. Конкретизацию данного принципа и одновременно механизм защиты от его нарушения обеспечивает ст. 10 ГК РФ, запрещающая такие формы злоупотребления правом, как действия, совершаемые исключительно с целью причинения вреда другому лицу (шicana), обход закона с противоправным умыслом, а также прочие проявления заведомо недобросовестной реализации гражданских прав. Развёрнутое наполнение стандарта материальной добросовестности дано в п. 1 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 [5]. Добросовестным признаётся такое поведение, которое ожидается от любого разумного участника гражданского оборота, который учитывает права и законные интересы контрагента, содействует ему, в том числе в получении необходимых сведений.

Процессуальные правоотношения обладают публично-правовой природой и разворачиваются под институциональным руководством суда. Здесь добросовестность приобретает самостоятельное содержание, которое не может быть сведено к материально-правовому пони-

манию. В отличие от частноправовой сферы, где свобода усмотрения сторон выступает определяющим началом, судебный процесс носит жёстко регламентированный характер. Форма и содержание действий участников ограничены рамками процессуального закона. Суд же наделён властными полномочиями по руководству ходом разбирательства, обеспечению состязательности и равноправия сторон, а также по пресечению злоупотреблений процессуальными правами. Ключевой признак злоупотребления — расхождение между формой действия (внешне законное) и его реальной целью. Здесь добросовестность выступает критерием оценки поведения участников судопроизводства по реализации ими процессуальных прав, в том числе своевременности, полноты, непротиворечивости процессуальных действий [6].

Таким образом, добросовестность фактически функционирует и в материальной, и в процессуальной плоскости в качестве оценочной категории, которая даёт возможность квалифицировать поведение участников через призму недопустимости злоупотребления правом. Однако её действие в процессе опирается не на самостоятельный процессуальный принцип, а на два взаимосвязанных основания. Во-первых, на общие положения об обязанности действовать добросовестно, в том числе выработанные цивилистикой и воспринятые процессуальной доктриной. Во-вторых, суду отводится активная роль, поскольку в рамках своих руководящих полномочий суд обеспечивает порядок судопроизводства и пресекает отклонения от стандарта добросовестного поведения. Другими словами, добросовестность как материально-правовая категория отвечает на вопрос «как действовать в обороте», тогда как добросовестность как процессуальная категория отвечает на вопрос «как действовать в суде».

Категорию добросовестности в процессуальное законодательство законодатель инкорпорировал последовательно. Сначала включив категорию добросовестности в принятые и введённые в действие в 2002 году Гражданского процессуального кодекса РФ [7] (далее — ГПК РФ) и Арбитражного процессуального кодекса РФ [8] (далее — АПК РФ), затем, в 2015 году, в Кодекса административного судопроизводства РФ [9] (далее — КАС РФ). Данная хронология нормативного закрепления добросовестности во всех трёх процессуальных кодексах даёт основания квалифицировать её как межотраслевую категорию. Хотя все три кодекса оперируют одним и тем же термином «добросовестность», содержательное наполнение и границы его применения в каждом из них формируются неодинаково. Эта неоднородность в понимании категории добросовестности различными процессуальными отраслями требует теоретического осмысления.

Часть 1 ст. 35 ГПК РФ возлагает на лиц, участвующих в деле, обязанность добросовестно пользоваться всеми принадлежащими им процессуальными правами. Однако законодатель ни в самой данной норме, ни в иных положениях кодекса не конкретизирует, какое именно поведение охватывается понятием добросовестного использования

прав. Формулировка гражданского процессуального законодательства носит сугубо декларативный характер, провозглашая соответствующую обязанность, но не наполняя её содержанием и не закрепляя специальных процессуальных последствий её нарушения [4, с.38]. Единственным доступным инструментом реагирования на недобросовестное поведение в рамках ГПК РФ остаются общие механизмы, прежде всего — судебный штраф.

В АПК РФ обязанность добросовестного поведения сформулирована в ч. 2 ст. 41 внешне сходно с гражданским процессом: лица, участвующие в деле, должны добросовестно пользоваться всеми принадлежащими им процессуальными правами. Однако принципиальное отличие арбитражного регулирования состоит в том, что законодатель не ограничился формальной декларацией. В развитие данного требования АПК РФ закрепляет конкретные механизмы обеспечения добросовестности, устанавливая в отдельных статьях неблагоприятные последствия для лиц, злоупотребляющих процессуальными правами. Норма, сформулированная законодателем в ч. 2 ст. 111 АПК РФ, наделяет суд правом возложить все судебные расходы на сторону, допустившую злоупотребление. При этом законодатель очерчивает круг оснований для применения данной санкции. Отнесение расходов за сторону, злоупотребившую правом, возможно не при любом нарушении, а лишь тогда, когда действия указанной стороны повлекло срыв судебного заседания, затягивание процесса либо воспрепятствование рассмотрению дела и принятию законного и обоснованного судебного акта. Таким образом, в арбитражном процессе добросовестность закрепляется не только как принципиальное требование, но и как основание для применения процессуальных санкций в случае её нарушения. Это позволяет считать регулирование процессуальной добросовестности в арбитражном процессе наиболее проработанным среди трёх процессуальных кодексов [10].

Дополнительную конкретизацию вносит п. 2 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23 декабря 2021 г. № 46 [11], согласно которому поведение стороны может быть квалифицировано как злоупотребление правом не только по обоснованному заявлению другой стороны, но и по инициативе самого суда в случае фиксации очевидного отклонения действий участников процесса от стандарта добросовестного поведения. В подобных случаях суд самостоятельно устанавливает факт злоупотребления и разрешает вопрос о применении предусмотренных законом последствий недобросовестного процессуального поведения.

Часть 6 ст. 45 КАС РФ воспроизводит уже знакомую по ГПК РФ и АПК РФ конструкцию: лица, участвующие в деле, обязаны добросовестно пользоваться принадлежащими им процессуальными правами. Однако содержательное наполнение данной обязанности в административном судопроизводстве имеет выраженную специфику, обусловленную прежде всего особым субъектным составом административных процессуальных отношений. В отличие от гражданского и арбитражного процесса, где

стороны презюмируются равными, в административном судопроизводстве одной из сторон неизменно выступает субъект, наделённый публично-властными полномочиями (орган власти, должностное лицо), а другой — гражданин или организация, изначально находящиеся в подчинённом, неравном положении относительно властного контрагента. Данная асимметрия предопределяет специфику реализации категории добросовестности. Стандарт добросовестного поведения для субъекта, наделённого публично-властными полномочиями, должен быть заведомо более строгим, поскольку именно он располагает административным ресурсом, потенциально позволяющим злоупотребить процессуальными возможностями [12].

Законодатель в ч. 7 ст. 45 КАС РФ предпринимает шаг, отсутствующий в двух других процессуальных кодексах, раскрывая содержание недобросовестного поведения через примерный перечень его форм. К таковым отнесены: срыв судебного заседания; предъявление заведомо неосновательного административного иска; противодействие (в том числе носящее систематический характер) правильному и своевременному рассмотрению и разрешению административного дела; а также злоупотребление процессуальными правами в иных формах. Тот факт, что перечень оставлен открытым свидетельствует о том, что законодатель признаёт невозможность исчерпывающего описания всех потенциальных проявлений процессуальной недобросовестности и делегирует суду дискрецию по их выявлению в каждом конкретном деле. При этом сам факт наличия такого перечня выгодно отличает КАС РФ от ГПК РФ, где аналогичная конкретизация отсутствует вовсе, и сближает его с АПК РФ, где также предусмотрены конкретные последствия недобросовестного поведения, хотя и без развёрнутого перечня его форм. Тем самым законодатель предоставляет возможность широкой трактовки данного положения. Это, с одной стороны, обеспечивает гибкость судебного усмотрения, с другой стороны создаёт риск не единообразного применения.

Таким образом, межотраслевой характер процессуальной добросовестности подтверждается тем, что законодатель использует единый понятийный аппарат и сходные механизмы противодействия недобросовестному процессуальному поведению во всех процессуальных кодексах: злоупотребление процессуальными правами, институт судебных расходов и штрафов, право суда признать обязательной явку лица. Это свидетельствует о формировании общего процессуально-правового института недобросовестности, имеющего надотраслевую природу. Однако проведённый анализ обнаруживает и проблему отраслевой асимметрии. Например, в АПК РФ институт злоупотребления процессуальными правами разработан детальнее (ч. 2 ст. 111 предусматривает конкретные последствия в виде отнесения судебных расходов), тогда как ГПК РФ содержит лишь общую норму-декларацию без специальных санкций. КАС РФ занимает промежуточную позицию. Кодекс раскрывает содержание

недобросовестного поведения, но механизм санкций проработан менее детально, чем в АПК РФ. Данная асимметрия создаёт неравенство в уровне процессуальных гарантий для участников разных видов судопроизводства и требует законодательной унификации [12].

Законодатель не ограничивается закреплением общей нормы о добросовестности, адресованной лицам, участвующим в деле. Процессуальные кодексы содержат также ряд специальных положений, конкретизирующих данное требование применительно к отдельным субъектам и процессуальным ситуациям. Анализ этих положений позволяет проследить важную закономерность, которая позволяет сделать вывод о том, что добросовестность в процессуальном праве не является единым монолитным стандартом. Добросовестность дифференцируется в зависимости как от процессуальной роли субъекта, так и от характера выполняемой им функции [13].

Первая группа специальных норм касается субъектов, содействующих осуществлению правосудия, но не являющихся сторонами спора. Так, во всех трёх процессуальных кодексах закреплено, что судебное примирение осуществляется на основе принципов независимости, беспристрастности и добросовестности судебного примирителя (ч. 2 ст. 138.5 АПК РФ, ч. 2 ст. 153.6 ГПК РФ, ст. 137.6 КАС РФ). Данная унификация формулировок свидетельствует о том, что для процедуры примирения добросовестность лица, ведущего эту процедуру, признаётся законодателем одинаково значимой независимо от вида судопроизводства. Это указывает на межотраслевой характер категории. Специалист в арбитражном процессе также обязан давать консультацию добросовестно и беспристрастно, исходя из профессиональных знаний и внутреннего убеждения (ч. 2 ст. 8 АПК РФ). Лицо, ведущее дело в интересах группы лиц, обязано добросовестно защищать права и законные интересы этой группы (ч. 2, п. 2 ч. 4 ст. 225.10–1 АПК РФ, ч. 2, п. 2 ч. 4 ст. 244.22 ГПК РФ). Здесь добросовестность приобретает дополнительную нагрузку, поскольку лицо действует не в собственном интересе, а в интересах множества лиц. Это повышает стандарт ответственности за добросовестность его процессуального поведения.

Вторая группа охватывает субъектов, в отношении которых требование добросовестности прямо не поименовано в законе, но с необходимостью вытекает из существа их процессуальной функции. Так, представитель, действуя в интересах доверителя, очевидно должен соблюдать и защищать его права законными методами. Недобросовестное представительство, выражающееся, например, в бездействии или стоворе с противоположной стороной, подрывает саму идею судебной защиты. Эксперт, проводящий исследование и дающий заключение, обязан добросовестно относиться к своей работе. Заведомо ложное заключение является не только уголовно наказуемым деянием, но и грубым нарушением процессуальной добросовестности. Аналогичным образом переводчик призван добросовестно выполнять свои обязанности в суде, по-

скольку от точности перевода может зависеть исход дела. Отсутствие прямого законодательного указания на добросовестность данных субъектов не свидетельствует об отсутствии самого требования. В контексте рассматриваемой темы требование добросовестности имманентно присуще их процессуальному статусу и выводимо из общего принципа добросовестности.

Принципиально значимым является то обстоятельство, что требование добросовестного поведения распространяется на всех без исключения субъектов процессуальных правоотношений, включая самого судью. Данный вывод подтверждается положениями Кодекса судейской этики [14], согласно которому судья обязан добросовестно, на высоком профессиональном уровне исполнять свои обязанности, принимать все меры для своевременного и квалифицированного рассмотрения дела, а также содействовать примирению сторон (пп. 1, 2 ст. 11). Добросовестность судьи раскрывается в нескольких измерениях, как, например, своевременность заявления самоотвода при наличии конфликта интересов (ещё до начала рассмотрения дела по существу); полнота исследования обстоятельств дела, направленная на установление объективной истины; недопустимость формального подхода к оценке доказательств с требованием их содержательного оценивания. Таким образом, добросовестность судьи не этическая абстракция, а совокупность конкретных процессуальных обязанностей, неисполнение которых влечёт отмену или изменение судебного акта.

Наконец, судебная практика подтверждает наличие принципа добросовестности как действующего правового начала. В Определении от 14 апреля 2015 г. № 33-КГ15-5 Верховный Суд РФ характеризует злоупотребление правом как действие лица в пределах предоставленных ему прав, но совершённое недозволенным образом [16]. Из данного определения от противного выводится понимание добросовестности как дозволенного поведения, осуществляемого в границах предоставленных законом прав. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23 декабря 2021 г. № 46 идёт дальше, прямо закрепляя наличие принципа добросовестности лиц, участвующих в процессе, и тем самым придавая данной категории значение руководящего начала судопроизводства [11].

Изложенное позволяет заключить, что добросовестность в процессуальных нормах занимает двойственное положение. С одной стороны, она не закреплена в процессуальных кодексах в качестве самостоятельного принципа, в отличие от состязательности, диспозитивности или независимости суда. Её регулятивное действие производно от общеправового императива добросовестности согласно норме конституционной статьи 17 и конкретизированного гражданским законодательством. С другой стороны, нормы о недопустимости злоупотребления процессуальными правами, санкции за недобросовестное поведение, дискреционные полномочия суда по пресечению злоупотреблений свидетельствуют о том, что добросовестность фактически выполняет функцию процессу-

ального стандарта, хотя и не поименована в качестве такового. Данная коллизия между формальным статусом и фактической ролью добросовестности в процессе составляет одну из теоретических проблем, требующих доктринального разрешения.

Добросовестность часто выступает как оценочная категория. Суд в каждом конкретном случае анализирует, было ли поведение участника разумным, последовательным, учитывало ли оно права других, или имело место злоупотребление. Поэтому связь с другими процессуальными принципами помогает суду комплексно оценить ситуацию. Например, с одной стороны, принцип состязательности предполагает, что стороны активно отстаивают свои позиции. С другой — добросовестность выступает как его ограничитель (или фильтр), не давая превратить состязание в злоупотребление. Например, сторона не должна систематически заявлять необоснованные ходатайства только для того, чтобы затянуть процесс и создать оппоненту трудности. Суд, оценивая поведение в рамках состязательности, смотрит, не выходит ли активность за рамки добросовестности. Добросовестность помогает поддерживать баланс в рамках принципа равноправия сторон. Если одна сторона действует недобросовестно (например, манипулирует процессуальными правами), это нарушает равноправие. Задача суда пресечь такое поведение, чтобы у другой стороны сохранились реальные возможности для защиты. Принцип процессуальной экономии направлен на то, чтобы процесс был эффективным и не затягивался без необходимости. Добросовестность здесь работает так: участники должны действовать оперативно, не создавать искусственных препятствий, своевременно представлять доказательства. Если кто-то умышленно затягивает процесс, это противоречит и принципу процессуальной экономии, и требованию добросовестности [16].

Содержание процессуальной добросовестности может быть раскрыто через ряд взаимосвязанных элементов, каждый из которых отражает определённый аспект процессуального поведения.

Информационная добросовестность представляет собой обязанность сообщать суду и иным участникам процесса достоверные сведения, не утаивать юридически значимую информацию, не вводить суд в заблуждение относительно фактических обстоятельств дела. Данный элемент наиболее тесно связан с конституционной основой добросовестности — недопустимостью нарушения прав других лиц при осуществлении собственных прав. Информационная недобросовестность может выражаться в предоставлении ложных сведений, замалчивании обстоятельств, имеющих значение для дела, предоставлении подложных доказательств.

Поведенческая добросовестность охватывает недопустимость противоречивого и непоследовательного процессуального поведения (принцип эстоппеля), а также запрет на использование процессуальных прав с исключительной целью затягивания разбирательства. Принцип

эстоппеля, сформировавшийся в международном коммерческом арбитраже и получивший закрепление в п. 3 и 5 ст. 166, п. 2 ст. 431.1 ГК РФ, активно применяется судами в гражданском и арбитражном процессе и означает утрату права на возражение вследствие предшествующего поведения. Именно эстоппель выступает наиболее ярким проявлением межотраслевого характера процессуальной добросовестности, подтверждая единство процессуально-правовой логики независимо от вида судопроизводства [17].

Темпоральная добросовестность предполагает обязанность совершать процессуальные действия своевременно, без неоправданных задержек. К проявлениям недобросовестности в данном контексте можно отнести затягивание процесса, несвоевременное представление доказательств, неоднократное заявление необоснованных ходатайств с целью отсрочки разбирательства. Такие действия прямо названы в процессуальных кодексах в качестве оснований для применения санкций.

Процессуальная недобросовестность обладает собственной спецификой санкций, отличной от материально-правовой. Если материально-правовым последствием недобросовестности выступает отказ в защите права (п. 2 ст. 10 ГК РФ), то процессуальные последствия образуют самостоятельный санкционный ряд, как, например, отнесение судебных расходов на недобросовестную сторону (ч. 2 ст. 111 АПК РФ), наложение судебного штрафа, отказ в удовлетворении ходатайства, признание доказательства недопустимым. Разграничение этих санкционных режимов по отраслевому критерию не отражает их действительной правовой природы, поскольку процессуальные санкции могут применяться за материально-правовую недобросовестность и наоборот. Фиксируемое переплетение санкционных режимов является дополнительным аргументом в пользу межотраслевого понимания добросовестности.

Открытый перечень форм злоупотребления процессуальными правами, закреплённый в процессуальных кодексах (наиболее полно в ч. 7 ст. 45 КАС РФ), делегирует суду дискреционные полномочия по квалификации поведения как недобросовестного. В результате в условиях объективной невозможности детальной законодательной регламентации всех форм недобросовестного поведения в процессуальном праве категория добросовестности выполняет компенсаторную функцию. Это делает добросовестность оценочной категорией, требующей выработки единообразных критериев на уровне высших судебных инстанций [18].

Для понимания механизма процессуальной недобросовестности необходимо учитывать специфику самих процессуальных прав. В отличие от субъективных гражданских прав, реализуемых в условиях равенства и автономии воли участников частноправового оборота, значительная часть гражданских процессуальных прав имеет природу правомочий на одностороннее волеизъявление. То есть сторона обеспечивается законом возможностями

совершать процессуальные действия, порождающие правовые последствия независимо от согласия или несогласия иных участников. Именно способность односторонним действием влиять на динамику процесса создаёт благоприятную почву для злоупотреблений. Сторона процесса может использовать принадлежащее ей правомочие не для защиты действительного интереса, а для затягивания разбирательства, дезориентации суда или создания процессуальных препятствий оппоненту.

Структура процессуального правоотношения также накладывает отпечаток на понимание добросовестности. В процессуальной сфере субъективному праву истца, ответчика или иного участника неизменно корреспондирует обязанность суда. Также наоборот, правам суда соответствуют обязанности остальных субъектов процесса. Суд, реализуя властные правомочия по отношению к сторонам, обеспечивает своими действиями осуществление прав всех лиц, участвующих в деле. При этом общая система процессуальных правоотношений, как между судом и сторонами, так и между самими сторонами, подчинена единой задаче — вынесение законного и обоснованного решения, создание участникам процесса условий, гарантирующих защиту их прав, а также прав и законных интересов иных лиц.

В этой системе координат, как указывает Р. Е. Коренченко [6, с. 38–41], добросовестность выполняет функцию своеобразного фильтра, она отсекает процессуальное поведение, несовместимое с целями правосудия. Критерием отсекающего выступает именно целевое назначение процессуального права. Если действие формально укладывается в рамки предоставленного правомочия, но по своей фактической направленности противоречит задачам судопроизводства, оно квалифицируется как злоупотребление. Таким образом, добросовестность в процессе не самостоятельное субъективное право и не отдельная обязанность. Эта категория представляет собой сквозной критерий правомерности реализации любого процессуального правомочия, имманентно присущий самой конструкции процессуального правоотношения.

Проведённый анализ позволяет сформулировать следующие выводы.

Во-первых, добросовестность в процессуальном праве обладает самостоятельным содержанием, не сводимым к материально-правовому пониманию, и функционирует как межотраслевой принцип, пронизывающий гражданское, арбитражное и административное судопроизводство.

Во-вторых, межотраслевой характер процессуальной добросовестности подтверждается единством понятийного аппарата и сходством механизмов противодействия недобросовестному поведению во всех трёх процессуальных кодексах. Вместе с тем выявленная отраслевая асимметрия, которая выражается в детальной проработанности института в АПК РФ при декларативности соответствующих норм в ГПК РФ. Эта ситуация создаёт не-

равенство в уровне процессуальных гарантий и требует законодательной унификации.

В-третьих, анализ субъектного охвата процессуальной добросовестности позволяет сделать ряд выводов. Так, добросовестность в процессе не является единообразным стандартом, она дифференцируется в зависимости от процессуальной роли субъекта, приобретая специфическое содержание для каждой категории участников судопроизводства. При этом требование добросовестности распространяется не только на стороны, но и на лиц, содействующих правосудию (примиритель, специалист, эксперт, переводчик), и на самого судью, что подтверждает универсальный, всепроникающий характер данной категории.

В-четвертых, содержание процессуальной добросовестности раскрывается через триединство информационного, поведенческого и темпорального компонентов, каждый из которых имеет собственные формы нарушения и соответствующие процессуальные последствия.

В-четвёртых, добросовестность в процессе выполняет компенсаторную функцию, восполняя невозможность исчерпывающей законодательной регламентации всех форм недобросовестного поведения, и выступает оценочной категорией, применение которой требует выработки единообразных критериев на уровне высших судебных инстанций.

В качестве предложений по совершенствованию законодательства представляется целесообразным дополнить ГПК РФ нормой, аналогичной ч. 2 ст. 111 АПК РФ, предусматривающей возможность отнесения судебных расходов на сторону, злоупотребившую процессуальными правами; унифицировать перечни форм недобросовестного процессуального поведения в ГПК РФ, АПК РФ и КАС РФ; на уровне постановления Пленума Верховного Суда РФ выработать единые критерии квалификации поведения как недобросовестного, применимые во всех видах судопроизводства.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации, принята всенародным голосованием 12.12.1993 (с учетом поправок, внесенных Законами Российской Федерации о поправках к Конституции Российской Федерации от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ, от 14.03.2020 № 1-ФКЗ) // Российская газета. 1993. № 237.
2. Федин, И. Г. Добросовестность в российской правовой культуре: эволюция и роль: специальность 5.1.1. «Теоретико-исторические правовые науки»: диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Федин Илья Геннадьевич; ФГБОУ ВО «Уральский гос. юридический ун-т им. В. Ф. Яковлева». — Барнаул, 2025. — 233 с. — Текст: непосредственный.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации от 30.11.1994 г. N 51-ФЗ (ред. от 10.07.2026) Часть первая // Собрание законодательства РФ. 1994. N 32. ст. 3301.
4. Проблемы реализации принципов гражданского судопроизводства в правоприменительной деятельности: монография / коллектив авторов; отв. ред. В. М. Жуйков, С. С. Завриев — М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: Норма: ИНФРА-М, 2026. — 416 с. — Текст: непосредственный.
5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 г. N 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2015. N 8.
6. Коренченко, Р. Е. Добросовестность в гражданском судопроизводстве: специальность 5.1.3. «Частноправовые (цивилистические) науки»: диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Коренченко Роман Евгеньевич; ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия»; — Саратов, 2024. — 209 с. — Текст: непосредственный.
7. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 г. N 138-ФЗ (ред. от 04.07.2026) // Собрание законодательства РФ. 2002. N 46 ст. 4532.
8. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 г. N 95-ФЗ (ред. от 15.02.2025) // Собрание законодательства РФ. 2002. N 30 ст. 3012.
9. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 08.03.2015 г. N 21-ФЗ (ред. от 09.04.2026) // Собрание законодательства РФ. 2015. N 10. ст. 1391.
10. Горлатых, И. А. Принцип добросовестности в арбитражном процессе / И. А. Горлатых, Ю. В. Худякова. — Текст: непосредственный // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Право.. — 2023. — № Т. 8, вып. 4. — С. 10–14.
11. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.12.2021 г. N 46 «О применении Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации при рассмотрении дел в суде первой инстанции» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2022. N 3.
12. Коренченко, Р. Е. Нормативное закрепление добросовестности в гражданском процессуальном законодательстве Российской Федерации / Р. Е. Коренченко. — Текст: непосредственный // Конституционные основы и ме-

- ждународные стандарты гражданского судопроизводства: история, современное состояние и пути совершенствования: сборник статей по материалам XIII Международной научно-практической конференции студентов, магистрантов и аспирантов, Саратов, 23 апреля 2022 года. — Саратов: Саратовская ГЮА, 2022. — С. 55–57.
13. Решетникова, И. В. Многоликая добросовестность в процессуальном праве / И. В. Решетникова. — Текст: непосредственный // Законы России: опыт, анализ, практика. — 2024. — № 2. — С. 54–60.
 14. Кодекс судейской этики, утв. УШ Всероссийским съездом судей 19.12.2012 г. (ред. от 01.12.2022) — Текст: электронный // СПС ГАРАНТ. — URL: <https://internet.garant.ru/#/document/70301432/paragraph/1:34> (дата обращения: 09.07.2026).
 15. Определение СК по гражданским делам Верховного Суда РФ от 14.04.2015 г. N 33-КГ15-5 — Текст: электронный // ЮИС Легалакт. — URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-16022016-n-33-kg15-25/> (дата обращения: 09.07.2026).
 16. Качмарев, М. В. Определение и классификация понятия «злоупотребления процессуальными правами» в гражданском, арбитражном и административном судопроизводстве / М. В. Качмарев — Текст: непосредственный // Закон и власть. — 2022. — № 4. — С. 54–59.
 17. Новикова, Е. П. Принцип «эстоппель» в российском праве: понятие, особенности использования в правоприменительной практике / Е. П. Новикова — Текст: непосредственный // Правовое регулирование экономической деятельности. — 2022. — № 1. — С. 45–49.
 18. Евлампьева, А. В. Злоупотребление процессуальными правами в цивилистическом процессе: понятие, способы и сравнительно-правовой анализ / А. В. Евлампьева. — Текст: непосредственный // Молодой ученый. — 2025. — № 25 (576). — С. 199–202.

Понимание добросовестности в судебной практике: объективный и субъективный аспекты

Горбачева Юстина Юрьевна, студент магистратуры

Липецкий филиал Московского финансово-юридического университета (МФЮА)

Научный руководитель: Иерусалимская Елена Александровна, кандидат юридических наук, доцент
Московский финансово-юридический университет МФЮА

Статья посвящена сопоставительному анализу понимания объективного и субъективного аспектов добросовестности в двух плоскостях: при разрешении материально-правовых споров (на базе ст. 1, 10 ГК РФ) и при применении добросовестности как процессуально-правовой категории (на базе ГПК РФ, АПК РФ, КАС РФ). Выявляются как общие закономерности, так и принципиальные различия в функционировании объективного и субъективного критериев добросовестности в зависимости от отраслевой принадлежности правоотношения. Обосновывается, что в материальном праве доминирует субъективно-объективный тест, тогда как в процессуальном — объективный стандарт с элементами субъективной квалификации. Формулируются предложения по унификации подходов к разграничению аспектов добросовестности в судебной практике.

Ключевые слова: добросовестность, объективный аспект, субъективный аспект, злоупотребление правом, судебная практика, материальное право, процессуальное право, презумпция добросовестности, эстоппель, стандарт поведения.

Императив статьи 17 Конституции РФ [1] формирует смысл категории добросовестности для всей российской правовой системы, сообщая ей качество универсального поведенческого стандарта, применяемого равным образом для материальных и процессуальных отношений. В правовой доктрине добросовестность раскрывается как многоаспектное правовое понятие, с указанием на неразрывную связь с фундаментальными категориями разумности, справедливости, вины, ответственности, правоотношения, субъективного права, злоупотребления правом и так далее. Такая многоаспектность выступает гносеологическим источником дуализма добросовест-

ности, что проявляется в её применении и в качестве одного из основополагающих начал гражданского права, и в роли оценочной правовой категории. В результате наблюдается «размытость» законодательных формулировок, отсутствие единой дефиниции и, как обоснованно полагает А. В. Абросимов, принципиальная невозможность её выработки единого всеобъемлющего определения без коренного пересмотра функционального назначения и правил применения данного правового понятия. В цивилистическом дискурсе добросовестность допустимо трактовать и как правовое понятие, и как правовой принцип, и как оценочную категорию. Выбор конкретной

квалификации определяется исследовательским контекстом — рассматривается ли она в качестве общеправового феномена либо как структурный элемент отдельного правового института [2].

Таким образом, констатируем, что категория добросовестности занимает уникальное положение в системе российского права. С одной стороны, она возведена в ранг основного начала гражданского законодательства (п. 3 ст. 1 Гражданского кодекса РФ, далее — ГК РФ) [3] и выступает универсальным регулятором поведения участников оборота. С другой — она пронизывает множество конкретных институтов: от приобретательной давности и виндикации до недействительности сделок и злоупотребления правом. При этом в одних нормах добросовестность отсылает к внешнему стандарту поведения («действовать добросовестно»), в других — к внутреннему состоянию осведомлённости лица («не знал и не должен был знать»). Законодатель использует один и тот же термин для обозначения принципиально разных правовых явлений. Эта терминологическая недифференцированность приводит к дуализму добросовестности.

Отечественная судебная практика вырабатывает собственные подходы к интерпретации добросовестности придавая ей характер стандартизации. Так такое поведение участника гражданского оборота, которое существенно отклоняется от сложившейся деловой практики и «требований разумности и добросовестности», закономерно попадает под сомнение. При этом в цивилистической доктрине общепризнанным является разграничение добросовестности на объективную (стандарт честного, разумного поведения, оцениваемый по внешним, наблюдаемым критериям) и субъективную (извинительное незнание лица об определённых юридически значимых обстоятельствах). Однако ни ГК РФ, ни руководящие разъяснения высших судебных инстанций не проводят данного разграничения с необходимой последовательностью. В правоприменительной практике нередко происходит смешение данных аспектов. Суд, установив несоответствие поведения лица объективному стандарту, автоматически делает вывод о его субъективной недобросовестности. Или, напротив, констатируя неосведомлённость лица, заключает о добросовестности его поведения в целом, без оценки последнего по объективному стандарту.

Достаточно сложная картина открывается при обращении к процессуальному праву, в котором добросовестность законодателем закреплена в качестве категории в нормах Гражданского процессуального кодекса РФ [4] (далее — ГПК РФ), Арбитражного процессуального кодекса РФ [5] (далее — АПК РФ), Кодекса административного судопроизводства РФ [6] (далее — КАС РФ). Категория процессуальной добросовестности в результате приобретает самостоятельное содержание, не сводимое к материально-правовому пониманию.

Как указывает П. А. Непомнящий, в общем виде объективная добросовестность представляет собой внешний

стандарт поведения — требование действовать так, как это ожидается от любого разумного и честного участника правоотношений в сопоставимых обстоятельствах. Данный аспект оценивает не внутреннее психическое состояние лица, а внешнюю, наблюдаемую сторону его поведения и соответствие этого поведения определённому нормативному эталону. Субъективная добросовестность, напротив, характеризует внутреннее интеллектуально-волевое состояние лица — его осведомлённость или неосведомлённость об определённых юридически значимых обстоятельствах. Классической формулой субъективной добросовестности выступает критерий «не знал и не должен был знать» [7].

Рассматриваемые объективные и субъективные аспекты добросовестности не относятся к понятиям одного уровня (одному порядку), их соотношение далеко от равноположенности. Объективная и субъективная добросовестность, безусловно, взаимодополняющие категории, но при этом очевидна их иерархическая неравность. Объективная добросовестность выступает в качестве общего принципа-стандарта, применение его во многом носит универсальный характер. Субъективная добросовестность выступает как специальный критерий, применяемый в конкретных, прямо предусмотренных законом ситуациях. При этом объективный и субъективный аспекты находятся в отношении взаимной обусловленности. Объективная добросовестность образует такие условия, с учетом которых оценивается и субъективная. Поведение, отклоняющееся от объективного стандарта, одновременно ставит под вопрос и субъективную добросовестность действующего лица.

В гражданском законодательстве (материальном праве) добросовестность выступает в качестве одного из фундаментальных отраслевых начал. Пункт 3 ст. 1 ГК РФ императивно предписывает участникам гражданского оборота действовать добросовестно на всех стадиях правоотношения — от установления прав через их осуществление, вплоть до судебной защиты, включая стадию исполнения корреспондирующих обязанностей. Пункт 4 той же статьи формулирует безусловный запрет. Извлечение выгоды из собственного противоправного или недобросовестного поведения не допускается ни при каких обстоятельствах. Конкретизируя рассматриваемый принцип законодатель в норме ст. 10 ГК РФ включает указания на действия, отнесённые к злоупотреблениям правом — от шиканы (действий, движимых исключительно намерением причинить вред) и обхода закона с противоправной целью до любых иных форм заведомо недобросовестной реализации гражданских прав [8]. Постановление Пленума ВС РФ от 23 июня 2015 г. № 25 содержательно раскрывает стандарт добросовестности в материально-правовой плоскости (п. 1), указывая, что эталоном выступает поведение, ожидаемое от всякого разумного участника оборота, который принимает во внимание права и законные интересы контрагента и оказывает ему содействие, в том числе информационное [9]. Анализ приведённых норм позволяет

заклучить, что в материальном гражданском праве объективный и субъективный аспекты добросовестности присутствуют одновременно, однако их удельный вес различен в зависимости от конкретного института.

Так, статьи 1 и 10 ГК РФ закрепляют преимущественно объективный стандарт, поскольку поведение лица оценивается с точки зрения его соответствия ожидаемой модели (учитывает ли оно интересы контрагента, не действует ли в обход закона, не преследует ли исключительно цель причинения вреда). При этом указание в статье 10 ГК РФ на заведомый характер недобросовестных действий привносит в оценку поведения субъективный аспект поскольку значимым становится не только внешнее несоответствие поведения стандарту, но и внутреннее отношение лица к совершаемому, а именно его осведомлённость о противоправном характере собственных действий. Полная квалификация злоупотребления правом, таким образом, требует установления как объективного несоответствия поведения стандарту, так и субъективного элемента — осознания лицом недобросовестного характера своих действий либо, по крайней мере, возможности такого осознания.

Статья 302 ГК РФ (истребование имущества от добросовестного приобретателя), оперирует преимущественно субъективным критерием, поскольку добросовестность приобретателя законодатель предлагает определять через его неосведомлённость о том, что отчуждатель был неуправомочен на отчуждение вещи. Однако и здесь усматривается присутствие объективного аспекта через конструкцию «не знал и не должен был знать», где «должен был знать» отсылает к объективному стандарту осмотрительности, ожидаемой от любого участника оборота. Таким образом, в материальном праве судебной практикой вырабатывается модель оценки, сочетающая субъективный и объективный аспекты. Суд устанавливает не действительное психическое отношение лица к содеянному (что процессуально труднодоказуемо), а осознание лицом того стандарта поведения, которого придерживался бы любой разумный участник оборота в сопоставимых обстоятельствах. Данный подход, по существу, объективирует субъективную добросовестность. Вместо доказывания действительной осведомлённости суд оценивает, должно ли было лицо, действуя разумно и осмотрительно, знать о соответствующих обстоятельствах. Это смещает фокус доказывания с внутреннего состояния на такие внешние индикаторы, как типичное поведение участников оборота в сопоставимых условиях.

Презумпция добросовестности, закреплённая в п. 5 ст. 10 ГК РФ, действует в отношении обоих аспектов. Однако её процессуальное значение различно. Применительно к объективной добросовестности данная презумпция означает, что бремя доказывания отклонения поведения ответчика от стандарта лежит на истце. Применительно к субъективной, что лицо предполагается не знавшим об определённых обстоятельствах, пока заинтересованная

сторона не докажет обратное. Перенос бремени доказывания происходит только при предоставлении истцом достаточных доказательств, ставящих добросовестность под сомнение. В этом состоит важнейшая процессуальная гарантия, выработанная судебной практикой.

Показательным примером одновременного использования обоих аспектов выступает нашумевшее Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 16 декабря 2025 г. № 5-КГ25-174-К2 (по делу Ларисы Долиной) [10], в котором сформулирована правовая позиция: оспаривание сделки при безупречном поведении стороны с точки зрения, как объективной, так и субъективной добросовестности по общему правилу по мотиву заблуждения другой стороны не допускается. Данная формулировка значима тем, что Верховный Суд прямо связывает защиту сделки от оспаривания с одновременным наличием обоих аспектов. Лицо должно не только не знать о пороке (субъективный аспект), но и вести себя безупречно с точки зрения внешнего стандарта (объективный аспект).

В Определении Судебной коллегии по гражданским делам от 14 апреля 2015 г. № 33-КГ15-5 Верховный Суд РФ характеризует злоупотребление правом как действие лица в пределах предоставленных ему прав, но совершённое недозволенным образом [11]. Л. Р. Борецкая указывает: анализ содержания данного Определения Судебной коллегии позволяет сформулировать вывод о понимании добросовестности как дозволенного поведения, осуществляемого в границах предоставленных законом прав. Также в аргументах Верховного Суда РФ прослеживается сопряжение объективного и субъективного элементов, где «в пределах предоставленных прав» характеризует объективную границу, а «недозволенным образом» — характеристика, предполагающая осознание лицом недозволенности своего поведения (субъективный аспект) [12].

Рассматривая специфику объективного и субъективного аспектов добросовестности в процессуальном праве, стоит отметить публично-правовую природу процессуальных правоотношений. В отличие от частноправовой сферы, где свобода усмотрения сторон выступает определяющим началом, судебный процесс носит жёстко регламентированный характер: форма и содержание действий участников ограничены рамками процессуального закона. Суд при этом наделён властными полномочиями по руководству ходом разбирательства, обеспечению состоятельности и равноправия сторон, а также по пресечению злоупотреблений процессуальными правами. Данная специфика накладывает существенный отпечаток на понимание объективного и субъективного аспектов добросовестности в процессуальной сфере.

Принципиальный вопрос, возникающий при анализе процессуальной добросовестности, состоит в следующем: применим ли к ней дуализм объективного и субъективного аспектов, характерный для материального права. Сущность недобросовестного процессуального поведения составляет злоупотребление принадлежащими участ-

никам судопроизводства процессуальными правами, что вступает в противоречие с целью правосудия. Внешне недобросовестность объективируется в действиях, подрывающих нормальную работу суда и тем самым создающих помехи для законного, обоснованного и своевременного разрешения дела. Субъективно недобросовестность характеризуется виновностью, то есть умышленным противоправным поведением, при котором лицо осознаёт (или заведомо способно осознать) несоответствие своих действий правовым нормам. Ключевой признак злоупотребления в процессе — расхождение между формой действия (внешне законное ходатайство, отвод, заявление) и его реальной целью. Здесь добросовестность выступает критерием оценки поведения участников судопроизводства по реализации ими процессуальных прав, в том числе своевременности, полноты, непротиворечивости процессуальных действий. Важно отметить, что добросовестное поведение в процессе и есть такое использование процессуальных прав, которое не выходит за пределы их целевого назначения [13].

Сопоставление материально-правового и процессуального понимания добросовестности обнаруживает закономерность. В материальном праве объективный и субъективный аспекты относительно равновесны. Статьи 1 и 10 ГК РФ задают объективный стандарт, статья 302 ГК РФ — субъективный критерий, судебная практика вырабатывает подход, в котором синтезируются оба аспекта. В процессуальном праве наблюдается доминирование объективного аспекта, что объясняется природой процессуальных отношений. Суд оценивает прежде всего внешнее поведение участников, его соответствие процессуальному регламенту, а не их внутреннее психическое состояние. Субъективный элемент (умысел, осознание) присутствует, но он, как правило, выводится из таких объективных индикаторов, как характер и последовательность процессуальных действий, их своевременность, согласованность позиции стороны.

Особенность процессуальных прав также накладывает отпечаток на понимание добросовестности. В отличие от субъективных гражданских прав, реализуемых в условиях равенства и автономии воли, значительная часть процессуальных прав имеет природу правомочий на одностороннее волеизъявление, которые понимаются как обеспеченные законом возможности совершать процессуальные действия, порождающие правовые последствия независимо от согласия иных участников. Эта способность односторонним действием влиять на динамику процесса создаёт благоприятную почву для злоупотреблений. Сторона может использовать принадлежащее ей правомочие не для защиты действительного интереса, а для затягивания разбирательства, дезориентации суда или создания процессуальных препятствий оппоненту. Здесь добросовестность выполняет функцию фильтра. Она отсекает процессуальное поведение, несовместимое с целями правосудия, причём критерием отсекающего выступает именно целевое назначение процессуального права.

Содержание процессуальной добросовестности можно рассматривать через ряд взаимосвязанных элементов, которые по-разному соотносятся с объективным и субъективным аспектами. Так, например, в информационной добросовестности, понимаемой как обязанность сообщать суду и иным участникам процесса достоверные сведения, не утаивать юридически значимую информацию, не вводить суд в заблуждение относительно фактических обстоятельств дела, объективный и субъективный аспекты переплетены наиболее тесно. Предоставление ложных сведений или сокрытие информации — это объективно наблюдаемое поведение. При этом его квалификация как недобросовестного требует установления субъективного элемента, а именно осознания лицом ложности предоставляемых сведений или умышленного характера сокрытия.

Недопустимость противоречивого и непоследовательного процессуального поведения (принцип эстоппеля, поведенческая добросовестность), запрет на использование процессуальных прав с исключительной целью затягивания разбирательства, получил закрепление в п. 3 и 5 ст. 166, п. 2 ст. 431.1 ГК РФ. Данный алгоритм активно применяется судами в процессе и для недобросовестной стороны означает утрату права на возражение вследствие предшествующего поведения. В данном элементе доминирует объективный аспект. Суд оценивает внешнюю противоречивость поведения, не углубляясь в исследование психического состояния лица, поскольку достаточно самого факта непоследовательности.

К обязанностям участников процесса относят совершение процессуальных действий своевременно, без неоправданных задержек. Затягивание процесса, несвоевременное представление доказательств, неоднократное заявление необоснованных ходатайств с целью отсрочки разбирательства — всё это формы темпоральной недобросовестности, прямо названные в процессуальных кодексах в качестве оснований для применения санкций. Здесь также преобладает объективный критерий. Задержка сама по себе является объективным фактом, а её умышленный характер презюмируется из обстоятельств дела.

Правовые последствия недобросовестности дифференцируются в зависимости от того, о каком аспекте идёт речь, и от того, в какой плоскости (материальной или процессуальной) применяется категория. В материальном праве объективная недобросовестность влечёт отказ в защите права (п. 2 ст. 10 ГК РФ), лишение заявления о недействительности сделки правового значения (п. 5 ст. 166 ГК РФ), признание условия ненаступившим или наступившим (п. 3 ст. 157 ГК РФ). Отсутствие субъективной добросовестности влечёт иные последствия, как, например, невозможность признания лица добросовестным приобретателем (ст. 302 ГК РФ), признание сделки недействительной по мотиву заблуждения (ст. 178 ГК РФ). При этом одно и то же поведение может быть квалифицировано как нарушающее и объективный, и субъективный ас-

пекты. Однако квалифицировав недобросовестность в неверном аспекте, суд рискует применить последствия, не соответствующие действительному характеру нарушения.

Процессуальные последствия образуют самостоятельный санкционный ряд: отнесение судебных расходов на недобросовестную сторону (ч. 2 ст. 111 АПК РФ), судебный штраф, отказ в удовлетворении ходатайства, признание доказательства недопустимым. Примечательно, что разграничение этих санкционных режимов по отраслевому критерию не отражает их действительной правовой природы, поскольку процессуальные санкции могут применяться за материально-правовую недобросовестность и наоборот. Данное переплетение санкционных режимов подтверждает межотраслевую природу добросовестности.

Следует особо отметить, что согласно п. 2 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23 декабря 2021 г. № 46 [14], поведение стороны может быть квалифицировано как злоупотребление правом не только по обоснованному заявлению другой стороны, но и по инициативе самого суда при очевидном отклонении действий участников процесса от стандарта добросовестного поведения. Данное полномочие суда подчёркивает объективный характер процессуальной добросовестности. Инициатива суда возможна тогда, когда отклонение от стандарта очевидно, усматривается из внешних, объективных индикаторов поведения, без необходимости исследования субъективного отношения лица к совершаемым действиям.

Несмотря на выявленные различия, добросовестность и в материальном, и в процессуальном праве функционирует как оценочная категория, выполняющая компенсаторную функцию в условиях объективной невозможности исчерпывающей законодательной регламентации всех форм недобросовестного поведения. Открытый перечень форм злоупотребления процессуальными правами (наиболее явно выраженный в ч. 7 ст. 45 КАС РФ) делегирует суду дискреционные полномочия по квалификации поведения как недобросовестного, что роднит процессуальную добросовестность с материально-правовой, где аналогичную роль играет открытый перечень форм злоупотребления правом в ст. 10 ГК РФ.

Общей закономерностью для обеих сфер является и то, что вопрос о недобросовестном поведении, о наличии в действиях лица признаков злоупотребления правом возникает как следствие нарушения нормативного предписания, которое может быть выражено с разной степенью определённости и относящегося к способам реализации принадлежащих лицу прав. Недобросовестность не существует в вакууме. Она всегда производна от конкретной правовой нормы, устанавливающей границы дозволенного поведения. Отсюда следует единое для обеих сфер определение добросовестности: добросовестное поведение есть не что иное, как использование прав строго в пределах их целевого назначения, без выхода за установленные законом рамки [7]. Ещё одна общая закономерность состоит в том, что добросовестность рас-

пространяется на всех без исключения субъектов, как материальных, так и процессуальных правоотношений, включая суд. Применительно к судье добросовестность раскрывается через положения Кодекса судейской этики (пп. 1, 2 ст. 11) [15].

Проведённое исследование позволяет сформулировать следующие выводы. Дуализм объективного и субъективного аспектов добросовестности проявляется как в материальном, так и в процессуальном праве, однако соотношение этих аспектов различно. Обращение суда к категории добросовестности при рассмотрении дела не является произвольным. Оно обусловлено возникновением в процессе конкретных обстоятельств, ставящих под сомнение правомерность поведения участника судопроизводства. Такие обстоятельства могут носить как материально-правовой, так и процессуальный характер.

В материально-правовой плоскости необходимость оценки добросовестности возникает, как правило, при разрешении споров, в которых одна из сторон ссылается на злоупотребление правом со стороны контрагента (ст. 10 ГК РФ), оспаривает действительность сделки по мотиву недобросовестности её участника, либо, когда разрешение дела требует установления факта добросовестности приобретения имущества (ст. 302 ГК РФ), добросовестности давностного владения (ст. 234 ГК РФ) и иных подобных обстоятельств. В этих случаях суд вынужден обращаться к обоим аспектам добросовестности. Объективный аспект проявляется в сопоставлении поведения лица с эталоном, ожидаемым от разумного участника оборота в аналогичных условиях (п. 1 постановления Пленума ВС РФ № 25). Субъективный же аспект требует установления признака заведомости, как осознания лицом характера собственных действий и их расхождения с принятым стандартом. На стыке этих двух аспектов и формируется итоговая судебная оценка. Суд устанавливает, могло ли и должно ли было лицо, действуя разумно и осмотрительно, осознавать недобросовестный характер своего поведения.

В процессуальной плоскости обстоятельства, побуждающие суд обратиться к категории добросовестности, связаны преимущественно с действиями участников, которые формально укладываются в рамки предоставленных им процессуальных прав, однако по своей фактической направленности противоречат целям судопроизводства. Речь идёт о ситуациях затягивания процесса (неоднократное заявление необоснованных ходатайств, уклонение от явки, непредставление доказательств в срок), введения суда в заблуждение, срыва судебных заседаний, предъявления заведомо неосновательных исков и иных формах процессуальных злоупотреблений. Принципиально важно, что при оценке процессуальной добросовестности суды значительно чаще оперируют именно объективным аспектом, оставляя субъективный критерий без самостоятельного анализа. Данная закономерность имеет рациональное объяснение, корнящееся в самой природе процессуальных полномочий суда. Судья, руководя ходом

разбирательства, располагает арсеналом оперативных процессуальных средств, позволяющих купировать недобросовестное поведение непосредственно в момент его проявления, не погружаясь в исследование внутреннего психического отношения лица к совершаемым действиям. Так, отказ в удовлетворении необоснованного ходатайства, отклонение запоздало представленного доказательства и другие меры применяются судом исходя из внешней, объективной оценки поведения участника, без необходимости доказывать его субъективную направленность на злоупотребление. Отправной точкой для суда в данных обстоятельствах служит презумпция, согласно которой объективная направленность действия участника на затягивание процесса или создание препятствий для его нормального хода является достаточным основанием для его пресечения. Устанавливать прямой умысел лица на злоупотребление при этом не требуется. Данный подход объясняется и сугубо прагматическим соображением. Установление субъективной стороны (умысла, заведомости) требует отдельного доказательственного процесса, что может дополнительно затянуть разбирательство и тем самым усугубить тот вред, на предотвращение которого и направлено применение категории добросовестности.

Субъективный приобретает значение в тех случаях процессуальной оценки, когда от квалификации поведения зависит применение наиболее серьезных санкций (например, при констатации злоупотребления правом, влекущего отказ в судебной защите). В подобных ситуациях суды обращаются к оценке субъективного элемента. Однако, как правило, выводят его не из прямых доказательств умысла (получить которые крайне затруднительно), а из совокупности объективных индикаторов (систематичности нарушений, характера совершённых действий, их очевидной несостоятельности с точки зрения целей судопроизводства).

Роль добросовестности в исследовании обстоятельств дела для вынесения справедливого решения в рамках цивилистического процесса может быть охарактеризована как двойственная. С одной стороны, добросовестность выступает критерием отбора юридически значимых фактов: суд, оценивая поведение участников сквозь призму добросовестности, отсекает те действия и те доказательства, которые являются плодом злоупотребления, не допуская их влияния на формирование внутреннего убеждения. С другой стороны, добросовестность служит инструментом восполнения нормативной неопределённости: в ситуациях, где законодатель не даёт прямого ответа на вопрос о правомерности того или иного поведения, именно категория добросовестности позволяет суду вынести решение, соответствующее не только букве,

но и духу закона, обеспечивая тем самым достижение справедливого результата.

Таким образом, рассматриваемые в настоящей статье объективный и субъективный аспекты добросовестности применяются судом в разном объёме и с разной интенсивностью в зависимости от того, в какой сфере (материальной или процессуальной) возникает необходимость их применения. В материально-правовых спорах оба аспекта находятся в относительном равновесии, образуя субъективно-объективный критерий оценки. В процессуальной сфере объективный аспект доминирует, что обусловлено наличием у суда оперативных средств реагирования на недобросовестное поведение, позволяющих корректировать процесс без погружения в зачастую избыточный анализ субъективной стороны. Субъективный элемент в процессе актуализируется лишь при применении наиболее строгих санкций и, как правило, устанавливается опосредованно, через систему объективных индикаторов недобросовестности.

Общей закономерностью для обеих сфер выступает понимание добросовестности как использования прав строго в пределах их целевого назначения. Критерием недобросовестности в обоих случаях служит расхождение между формально правомерным действием и его действительной целью, противоречащей задачам правового регулирования, будь то задачи гражданского оборота или задачи судопроизводства.

Презумпция добросовестности (п. 5 ст. 10 ГК РФ) действует в обоих аспектах, но её процессуальное значение дифференцировано. Применительно к объективной добросовестности она возлагает бремя доказывания отклонения от стандарта на истца, применительно к субъективной — презюмирует неосведомлённость лица. Данная дифференциация должна учитываться судами при распределении бремени доказывания. Однако на практике она нередко игнорируется, что ведёт к судебным ошибкам.

Практическая значимость разграничения объективного и субъективного аспектов состоит в следующем. Позволяет более точно формулировать иски и возражения, указывая, какой именно аспект добросовестности нарушен. Способствует правильному распределению бремени доказывания. Дает возможность прогнозировать правовые последствия, зная, что нарушение объективной добросовестности влечёт отказ в защите права, а отсутствие субъективной — иные, специальные последствия. Для судебной практики данное разграничение служит инструментом повышения определённости и предсказуемости судебных актов, снижая риск произвольного применения ст. 10 ГК РФ и корреспондирующих процессуальных норм без надлежащей аргументации того, какой именно аспект добросовестности нарушен и какие доказательства это подтверждают.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации, принята всенародным голосованием 12.12.1993 (с учетом поправок, внесенных Законами Российской Федерации о поправках к Конституции Российской Федерации от 30.12.2008

- № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2 ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ, от 14.03.2020 № 1-ФКЗ) // Российская газета. 1993. № 237.
2. Абросимов, А. В. К вопросу о принципе добросовестности в материальном и процессуальном праве / А. В. Абросимов. — Текст: непосредственный // Общество и право. — 2023. — № 3 (85). — С. 140–147.
 3. Гражданский кодекс Российской Федерации от 30.11.1994 г. N 51-ФЗ (ред. от 10.07.2026) Часть первая // Собрание законодательства РФ. 1994. N 32. ст. 3301.
 4. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 г. N 138-ФЗ (ред. от 04.07.2026) // Собрание законодательства РФ. 2002. N 46 ст. 4532.
 5. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 г. N 95-ФЗ (ред. от 15.02.2025) // Собрание законодательства РФ. 2002. N 30 ст. 3012.
 6. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 08.03.2015 г. N 21-ФЗ (ред. от 09.04.2026) // Собрание законодательства РФ. 2015. N 10. ст. 1391.
 7. Непомнящий, П. А. Дуалистическое понимание добросовестности в средневековом каноническом общем праве и его значение для современного налогового права. / П. А. Непомнящий. — Текст: непосредственный // Скиф. Вопросы студенческой науки. — 2025. — № 12 (112). — С. 216–220.
 8. Кравченко, А. А. Механизм реализации принципа добросовестности в сфере несостоятельности (банкротства): монография /Кравченко А. А. — М.: Юстицинформ, 2022. — 320 с. —Текст: непосредственный.
 9. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 г. N 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2015. N 8.
 10. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 16.12.2025 № 5-КГ25–174-К2 // ЮИС Легалакт. — URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-grazhdanskim-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-16122025-n-5-kg25-174-k2-2-3872025-uid-77rs0030-02-2024-006532-55/> (дата обращения: 09.07.2026).
 11. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 14 апреля 2015 г. N 33-КГ15–5 // Кодекс: архив решений арбитражных судов и судов общей юрисдикции — URL: <https://sudrf.cntd.ru/document/420308338> (дата обращения: 09.07.2026).
 12. Борецкая, Л. Р. Злоупотребление процессуальными правами в цивилистическом процессе: проблемы и пути решения в контексте международного опыта / Л. Р. Борецкая. — Текст: непосредственный // Право и государство: теория и практика. —2024. — № 10(238). — С. 355–357.
 13. Евлампьева, А. В. Злоупотребление процессуальными правами в цивилистическом процессе: понятие, способы и сравнительно-правовой анализ / А. В. Евлампьева. — Текст: непосредственный // Молодой ученый. — 2025. — № 25 (576).
 14. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.12.2021 г. N 46 «О применении Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации при рассмотрении дел в суде первой инстанции» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2022. N 3.
 15. Кодекс судейской этики, утв. УШ Всероссийским съездом судей 19.12.2012 г. (ред. от 01.12.2022) — Текст: электронный // СПС ГАРАНТ. — URL: <https://internet.garant.ru/#/document/70301432/paragraph/1:34> (дата обращения: 09.07.2026).

Актуальные вопросы прокурорского надзора за исполнением законов при реализации национальных проектов

Горюшкин Владимир Сергеевич, студент магистратуры
Научный руководитель: Маматов Максим Владимирович, кандидат юридических наук, доцент
Университет прокуратуры Российской Федерации (г. Москва)

В статье рассматриваются актуальные вопросы прокурорского надзора за исполнением законов при реализации национальных проектов. На основе анализа статистических данных Генеральной прокуратуры Российской Федерации за 2021–2025 гг., положений организационно-распорядительных актов Генеральной прокуратуры Российской Федерации и практики выявления нарушений уточнены объект и предмет надзора, дана характеристика типичным нарушениям законов на различных стадиях реализации национальных проектов и сформулированы предложения по совершенствованию надзорной деятельности. Обосновано разграничение законности и управленческой целесообразности как критерия определения пределов надзора.

Ключевые слова: прокурорский надзор, национальные проекты, исполнение законов, законность, бюджетные средства, контрактная система, надзорное сопровождение.

Current issues of prosecutorial supervision over the execution of laws in the implementation of national projects

Goryushkin Vladimir Sergeevich, master's student

Scientific advisor: Mamatov Maksim Vladimirovich, candidate of legal sciences, associate professor
University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation (Moscow)

The article discusses current issues of prosecutorial supervision of the implementation of laws in the implementation of national projects. Based on the analysis of statistical data from the Prosecutor General's Office of the Russian Federation for 2021–2025, the provisions of the organizational and administrative acts of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation and the practice of detecting violations, the object and subject of supervision are clarified, typical violations of laws at various stages of the implementation of national projects are characterized, and proposals for improving oversight activities are formulated. The differentiation of legality and managerial expediency as a criterion for determining the limits of supervision is substantiated.

Keywords: prosecutorial supervision, national projects, execution of laws, rule of law, budget funds, contract system, supervisory support.

Реализация национальных проектов выступает одним из ключевых инструментов достижения национальных целей развития, определённых Указом Президента Российской Федерации от 07.05.2024 № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» [7] (далее — Указ № 309). Одновременно продолжается исполнение мероприятий, начатых в рамках Указа Президента Российской Федерации от 07.05.2018 № 204 [6]. Масштабность задач, значительные объёмы перераспределённых бюджетных средств и широкий круг участников предопределили отнесение надзорного сопровождения национальных проектов к числу приоритетных направлений деятельности органов прокуратуры [8; 14; 20].

Между тем приоритетность этого направления опережает его правовую и методическую определённость. Объём поставленных перед прокурорами задач постоянно расширяется, тогда как предмет надзора, пределы полномочий и критерии оценки результативности применительно к данной сфере остаются предметом научной дискуссии. Возникает противоречие: надзор за реализацией национальных проектов ведётся интенсивно, но единое понимание его границ — что именно проверяет прокурор и где заканчивается законность и начинается управленческая целесообразность — пока не выработано. Это противоречие в значительной мере и определяет круг рассматриваемых ниже вопросов.

О практической остроте проблемы свидетельствуют данные прокурорской практики. Только в 2025 г. прокурорами выявлено 37 836 нарушений законов в сфере реализации национальных проектов [21]. По сообщениям Генеральной прокуратуры Российской Федерации, нарушения фиксируются на всех этапах — от распределения бюджетных средств до приёмки готовых объектов [17]. Столь широкий спектр нарушений требует уточнения теоретических оснований надзора и его организационных форм.

Следует отметить, что долгое время правовой статус национальных проектов характеризовался неопределённостью: Федеральный закон от 28.06.2014 № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» [3] первоначально не относил их к документам стратегического планирования. Ситуация изменилась с принятием Федерального закона от 13.07.2024 № 177-ФЗ [5], которым национальные проекты прямо включены в систему таких документов. Данное изменение значимо для надзора: оно устраняет неопределённость относительно объекта проверки и распространяет на национальные проекты требования законодательства о стратегическом планировании, исполнение которых становится самостоятельным предметом прокурорской оценки [10].

Финансовую основу реализации национальных проектов образуют нормы Бюджетного кодекса Российской Федерации [2] и ежегодно принимаемых законов о федеральном бюджете, а размещение заказов осуществляется по правилам Федерального закона от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» [4]. Именно концентрация значительных бюджетных средств и сложность закупочных процедур превращают национальные проекты в зону повышенного риска нарушений и, как следствие, в приоритетное направление надзора. Поэтому национальные проекты следует рассматривать не только как управленческий механизм, но и как самостоятельный объект правового регулирования, требующий особого внимания при осуществлении надзорной деятельности.

Правовое регулирование прокурорского надзора в рассматриваемой сфере носит многоуровневый характер. Его основу составляют ст. 129 Конституции Российской Федерации, ст. 21 и 22 Федерального закона от 17.01.1992 № 2202-I «О прокуратуре Российской Федерации» [1] (далее — Закон о прокуратуре), а также приказ

Генерального прокурора Российской Федерации от 14.03.2019 № 192 (далее — приказ № 192), предметно посвящённый надзору при реализации национальных проектов [8]. Названный приказ расширил круг адресатов надзора до всех участников реализации проектов — от федеральных и региональных органов власти до организаций-исполнителей и получателей бюджетных средств; в литературе эта деятельность рассматривается как самостоятельное направление надзора за исполнением законов [9].

Определение предмета надзора требует, на наш взгляд, разграничения законности и целесообразности. Предмет надзора за исполнением законов при реализации национальных проектов целесообразно определять как исполнение федеральных законов и законов субъектов Рос-

сийской Федерации участниками соответствующих правоотношений, а также соответствие закону издаваемых ими правовых актов [12]. Такой подход позволяет отграничить надзор от оценки управленческой эффективности: прокурор проверяет исполнение закона, а не хозяйственную целесообразность принимаемых решений и не достижение целевых показателей. Такое разграничение принципиально — его несоблюдение ведёт к подмене ведомственного контроля и выходу прокурора за пределы предоставленных полномочий.

Динамика выявляемых нарушений за 2021–2025 гг. неоднородна (табл. 1). С 2021 г. по 2024 г. число нарушений, выявленных при реализации национальных проектов, поступательно увеличивалось — с 61 115 до 91 403, а их доля в общем массиве нарушений выросла с 1,4 до 2,1 %.

Таблица 1. Динамика нарушений законов, выявленных прокурорами при реализации национальных проектов в 2021–2025 гг

Год	Выявлено всех нарушений законов	из них при реализации национальных проектов	Доля, в %
2021	4 251 163	61 115	1,4
2022	4 212 828	71 647	1,7
2023	4 275 841	83 544	2,0
2024	4 343 306	91 403	2,1
2025	4 421 417	37 836	0,9

Особого внимания заслуживает строка за 2025 г.: число выявленных нарушений снизилось до 37 836, а их доля — до 0,9 %. Эти данные сложно интерпретировать как прямое свидетельство улучшения законности, поскольку соответствующий временной период пришёлся уже на переход к национальным проектам нового поколения, утверждённым Указом № 309: паспорта проектов формировались и обновлялись, часть мероприятий находилась на начальной стадии, что объективно сузило базу для проверок и изменило порядок учёта. Поэтому показатели 2025 г. напрямую несопоставимы с предыдущими периодами, и снижение отражает прежде всего переходный характер года, а не уменьшение числа нарушений по существу.

Структура нарушений распределяется по проектам неравномерно. Наибольшее их число в 2025 г. пришлось на проекты «Инфраструктура для жизни» (12 885), «Молодёжь и дети» (7048) и «Продолжительная и активная жизнь» (6747) [17]. Концентрация нарушений в инфраструктурном и социальном блоках закономерна: именно эти проекты сопряжены с наибольшим объёмом строительных работ и закупок, то есть с теми процедурами, где риск нарушений традиционно выше.

По характеру нарушения носят стадийный и межотраслевой характер, возникая при распределении и расходовании бюджетных средств, проведении закупок, изменении условий контрактов, строительстве и приёмке объектов. Наиболее распространённую группу образуют нарушения законодательства о контрактной системе: по

оценке Д. Ю. Данилова и Н. Д. Бут, на них приходится до 35–40 % всех выявляемых в данной сфере нарушений [11]. К типичным относятся необоснованное изменение существенных условий контрактов после их заключения, приёмка и оплата фактически невыполненных работ, завышение объёмов и стоимости.

В качестве иллюстрации можно привести конкретные примеры. Прокуратурой Карачаево-Черкесской Республики в 2024–2025 гг. установлены факты приёмки невыполненных строительных работ по объектам национального проекта «Образование», повлёкшие ущерб федеральному бюджету свыше 47 млн руб. [19]. По материалам прокурорских проверок в 80 субъектах Российской Федерации возбуждались уголовные дела, общее число которых превысило 500 [18]. Подобные случаи подтверждают, что наибольший ущерб причиняется на стадии исполнения и приёмки контрактов, что и определяет точки приложения надзорных усилий прокуроров.

Особенности анализируемой поднадзорной сферы — межотраслевой характер правоотношений, множественность объектов и непрерывность реализации проектов — обуславливают потребность в модели непрерывного надзорного сопровождения. Такая модель предполагает риск-ориентированный мониторинг, персональное распределение ответственности прокурорских работников, межведомственный обмен информацией и использование материалов органов финансового контроля, прежде всего Счётной палаты Российской Федерации [11]. Тогда как результативность должна определяться не количеством

актов реагирования, а реальным устранением нарушений и возмещением причинённого ущерба.

Из этого следует, что оценка работы прокуроров не должна сводиться только к количественным показателям. Рост числа внесённых представлений или принесённых протестов сам по себе не свидетельствует об эффективности надзора; ключевым критерием выступает фактическое восстановление законности — отмена незаконных актов, устранение нарушений, возмещение ущерба бюджету [13]. Этот вывод согласуется с позицией, согласно которой статистические показатели отражают активность, но не итоговый результат надзорной деятельности [16].

На основе вышеизложенного представляется обобщённым предложить ряд направлений совершенствования надзора. Прежде всего целесообразно конкретизировать в приказе Генерального прокурора Российской Федерации № 192 полномочия прокуроров на подготовительном, основном и завершающем этапах реализации проектов, что обеспечит системность сопровождения [8]. Наряду с этим необходимо обеспечить прокурорам доступ к государственным информационным системам управления проектной деятельностью для своевременного выявления отклонений, а также шире использовать предостережение о недопустимости нарушения закона (ст. 25¹ Закона о прокуратуре) в превентивных целях, что позволяет предотвращать нарушения на стадии их подготовки и снижать объём ущерба. Отдельного внимания заслуживает разработка методик проверок с учётом специфики отдельных проектов и характерных для них нарушений [15].

Указанные меры имеют то ограничение, что расширение доступа к информационным системам и превентивных полномочий не должно приводить к вмешательству прокурора в оперативно-хозяйственную деятельность поднадзорных субъектов и подмене иных контролирующих органов. Поэтому конкретизация полномочий должна сопровождаться чётким закреплением пределов надзора, удерживающих его в рамках проверки законности.

Проведённый анализ позволяет вернуться к исходной гипотезе о противоречии между интенсивностью надзора и неопределённостью его границ. Разрешение этого аспекта требует четкого размежевания законности и целесообразности: предметом надзора является исполнение законов участниками реализации национальных проектов и соответствие закону издаваемых ими актов, но не оценка управленческой эффективности. Именно в этих пределах, на наш взгляд, надзор сохраняет собственную правовую природу и не подменяет ведомственный контроль.

Практическим следствием станет окончательное закрепление смещения акцента с количественных показателей реагирования на реальное устранение нарушений и непрерывность надзорного сопровождения проектов нового поколения начиная с этапа их формирования. За рамками настоящей статьи остаётся детальная разработка методик проверки отдельных национальных проектов, что составляет самостоятельную задачу дальнейших исследований.

Литература:

1. Федеральный закон от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. — 1995. — № 47. — Ст. 4472.
2. Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31.07.1998 № 145-ФЗ // Собрание законодательства РФ. — 1998. — № 31. — Ст. 3823.
3. Федеральный закон от 28.06.2014 № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. — 2014. — № 26 (ч. I). — Ст. 3378.
4. Федеральный закон от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» // Собрание законодательства РФ. — 2013. — № 14. — Ст. 1652.
5. Федеральный закон от 13.07.2024 № 177-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О стратегическом планировании в Российской Федерации»» // Официальный интернет-портал правовой информации (pravo.gov.ru), 15.07.2024.
6. Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2018 № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» // Собрание законодательства РФ. — 2018. — № 20. — Ст. 2817.
7. Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2024 № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» // Собрание законодательства РФ. — 2024. — № 20. — Ст. 2584.
8. Об организации прокурорского надзора за исполнением законодательства при реализации национальных проектов: приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 14.03.2019 № 192 // Законность. — 2019. — № 5.
9. Борисенко Е. А. Деятельность прокуратуры по надзору за исполнением законов при реализации национальных проектов // Искусство правоведения. — 2024. — № 3. — С. 25–34.
10. Бухвальд Е. М. Национальные проекты в системе стратегического планирования в Российской Федерации // Теория и практика общественного развития. — 2019. — № 2 (132). — С. 50–54.

11. Данилов Д. Ю., Бут Н. Д. Обеспечение законности в сфере реализации национальных проектов средствами прокурорского надзора // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. — 2021. — № 1 (81). — С. 12–18.
12. Добрецов Д. Г. Предмет и пределы прокурорского надзора за исполнением законов при реализации национальных проектов // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. — 2022. — № 5 (91). — С. 33–37.
13. Дубовиченко Е. Е., Кравцова О. В. Понятие и пути повышения эффективности прокурорского надзора // Молодой ученый. — 2024. — № 3 (502). — С. 359–361.
14. Нухова Л. С. Прокурорский надзор как важнейшее условие для успешной реализации национальных проектов // Молодой ученый. — 2025. — № 10 (561). — С. 116–119.
15. Рябова П. А. Актуальные вопросы прокурорского надзора за исполнением законодательства при реализации национального проекта «Демография» // Интерактивная наука. — 2023. — № 2 (78).
16. Ульянов В. С. Реализация приоритетных национальных проектов: новое в практике прокурорского надзора // Законность. — 2012. — № 11 (937). — С. 20–21.
17. Надзор за состоянием законности в сфере реализации национальных проектов // Генеральная прокуратура Российской Федерации: [сайт]. 10.07.2024. URL: <https://epp.genproc.gov.ru/ru/web/gprf/mass-media/news?item=96226976> (дата обращения: 08.04.2026).
18. В 80 регионах России возбуждено более 500 дел из-за нарушений при реализации нацпроектов // ТАСС: [сайт]. 18.07.2023. URL: <https://tass.ru/proisshestiya/18835527> (дата обращения: 23.07.2025).
19. Надзорное сопровождение реализации национальных проектов // Прокуратура Карачаево-Черкесской Республики: [сайт]. 27.02.2025. URL: <https://epp.genproc.gov.ru/> (дата обращения: 08.04.2026).
20. Выступление Генерального прокурора Российской Федерации И. В. Краснова на расширенном заседании коллегии по итогам работы органов прокуратуры за 2023 год // Генеральная прокуратура Российской Федерации: [сайт]. URL: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/mass-media/news?item=80942119> (дата обращения: 08.04.2026).
21. Статистические данные об основных показателях деятельности органов прокуратуры Российской Федерации // Генеральная прокуратура Российской Федерации: [сайт]. URL: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/activity/statistics> (дата обращения: 08.04.2026).

Соотношение договора аренды и иных договорных конструкций по российскому праву

Даниленко Фаина Юрьевна, студент магистратуры
Московский финансово-юридический университет МФЮА

В настоящей статье исследуется соотношение договора аренды с иными договорными конструкциями российского гражданского права. В частности, исследуется соотношение договора аренды с такими договорными конструкциями как договор безвозмездного пользования, найм жилого помещения, договор финансовой аренды (лизинга), договоры отчуждения имущества и договор возмездного оказания услуг.

На основе анализа законодательного регулирования, ключевых доктринальных подходов и правовых позиций судов высшего звена обосновываются критерии разграничения указанных договоров (переход или сохранение права собственности, возмездность, направленность интереса кредитора, характер обязанности по возврату имущества, а также степень императивности регулирования той или иной договорной конструкции по действующему законодательству).

Кроме того, в статье наглядно показано, что при квалификации договоров решающее значение имеет их реальное экономико-правовое содержание, а не наименование, что обуславливает необходимость переквалификации спорных конструкций в арендные отношения при наличии соответствующих признаков.

Ключевые слова: гражданское право, вещное право, обязательственное право, квалификация договоров, разграничение договоров, договор аренды, безвозмездное пользование, лизинг, найм жилого помещения, правовая природа аренды, практика Верховного Суда РФ.

Введение

Институт аренды занимает центральное место в системе обязательств по передаче имущества во временное владение и (или) пользование в российском гражданском

праве, что прямо закреплено в ст. 606 ГК РФ [1], определяющей договор аренды как соглашение, по которому арендодатель обязуется предоставить арендатору имущество за плату во временное владение и пользование либо во временное пользование.

Вместе с тем в гражданском обороте используются и иные договорные конструкции, обеспечивающие доступ к чужому имуществу или к результату его эксплуатации, в том числе договор безвозмездного пользования, договор найма жилого помещения, договор финансовой аренды (лизинга), договоры отчуждения имущества и договор возмездного оказания услуг.

Данные обстоятельства обуславливают необходимость точного разграничения аренды и смежных договоров, поскольку от правильной квалификации зависят применимые нормы, объём прав и обязанностей сторон, порядок защиты нарушенного права и последствия недействительности либо незаключённости договора.

Согласно ст. 606 ГК РФ сущность аренды состоит именно в предоставлении имущества за плату и на время, что позволяет выделить её базовые юридические признаки: возмездность, срочность, возвратность и сохранение титула собственника за арендодателем.

Объект аренды определяется в рамках ст. 607 ГК РФ, в силу которой в аренду могут передаваться земельные участки и другие обособленные природные объекты, предприятия и иные имущественные комплексы, здания, сооружения, оборудование, транспортные средства и иные непотребляемые вещи. Уже из системного толкования ст. 606 и 607 ГК РФ следует, что аренда направлена не на отчуждение вещи, а на предоставление её полезных свойств во временное извлечение арендатором.

В научной литературе правовая природа аренды традиционно рассматривается через спор обязательственно-правовой и вещно-правовой концепций.

Так, сторонники обязательственно-правового подхода исходят из того, что право арендатора представляет собой относительное право требования к арендодателю, вытекающее из договора, а не самостоятельное вещное право. Данной позиции, в частности, придерживается ведущий современный российский цивилист — Е. А. Суханов [2].

Иной подход акцентирует внимание на том, что арендатор как законный владлец получает особую правовую защиту своего владения, а потому его положение не может быть сведено исключительно к обязательственному правоотношению. Именно поэтому в современной доктрине всё чаще говорится о смешанной или усиленной обязательственной природе арендного права, с обязательным анализом вещно-правовых признаков.

Представляется, что сторонники вещноправового подхода, исходя из ключевого значения передачи вещи во владение, квалифицируют правомочия арендатора как ограниченное вещное право, сопоставимое по своей природе с сервитутом либо правом хозяйственного ведения.

Уже в дореволюционной цивилистике эту позицию последовательно отстаивал видный отечественный правовед — К. П. Победоносцев, который в своих трудах трактовал аренду как установление вещного права на чужую вещь и подчёркивая, что наниматель приобретает самостоятельное, обособленное от собственника владение, подлежащее защите даже против последнего [3, с. 798].

Однако в современной российской цивилистике всё же преобладает обязательственноправовой подход к договору аренды. Представители этого направления, в частности М. И. Брагинский и В. В. Витрянский, справедливо подчёркивают, что арендные отношения носят сугубо относительный характер и возникают исключительно из соглашения сторон, а не из факта установления вещного господства над имуществом.

Соответственно, арендатор приобретает не вещное право на объект аренды, а обязательственное требование к арендодателю о предоставлении ему вещи в пользование на согласованных условиях [4, с. 380].

Подобного рода дискуссия о правовой природе арендных правоотношений как таковых имеет непосредственное значение для разграничения аренды с иными договорными конструкциями, поскольку показывает, что аренда занимает промежуточное положение между чисто обязательственными договорами об оказании услуг и вещно-правовыми механизмами использования имущества.

Прежде всего договор аренды необходимо отграничивать от договоров, направленных на передачу имущества в собственность, — купли-продажи, мены, дарения и иных отчуждательных конструкций. В отличие от аренды, по которой право собственности сохраняется за арендодателем, договоры отчуждения направлены на окончательный переход титула к приобретателю.

На это указывает и ст. 606 ГК РФ, в которой отсутствует какой-либо элемент перехода права собственности, тогда как смысл аренды сводится к временному владению и пользованию вещью.

Если стороны предусматривают возможность выкупа арендованного имущества, применяется ст. 624 ГК РФ, согласно которой законом или договором может быть предусмотрено, что арендованное имущество переходит в собственность арендатора по истечении срока аренды или до его истечения при условии внесения всей обусловленной выкупной цены.

Следовательно, даже аренда с правом выкупа не утрачивает своей арендной природы на первоначальном этапе, однако на завершающей стадии включает элементы отчуждательного обязательства, что делает её смешанной конструкцией.

Отдельного внимания заслуживает соотношение аренды и договора безвозмездного пользования (ссуды). Их сходство проявляется в том, что в обоих случаях имущество передаётся во временное пользование с обязанностью возврата той же вещи [5, с. 284].

Однако, важно учитывать, что здесь ключевое различие заключается в наличии встречного предоставления: аренда по смыслу ст. 606 и 614 ГК РФ всегда предполагает внесение арендной платы, тогда как договор ссуды строится на безвозмездной основе.

Статья 614 ГК РФ прямо закрепляет обязанность арендатора своевременно вносить плату за пользование имуществом, а формы такой платы могут быть различными — твёрдая сумма, доля продукции, предоставление

услуг, передача вещи в собственность или возложение на арендатора затрат на улучшение имущества.

Вместе с тем п. 2 ст. 689 ГК РФ допускает субсидиарное применение ряда правил об аренде к договору безвозмездного пользования, что подтверждает близость указанных конструкций при одновременном сохранении их самостоятельности. Именно поэтому мы видим, что в доктрине и судебной практике основным критерием разграничения аренды и ссуды на сегодняшний день признаётся возмездность отношений, а не их внешнее наименование.

С договором найма жилого помещения аренду сближает общая идея предоставления имущества за плату во временное владение и пользование, однако здесь действует специальный правовой режим. В силу ст. 671 ГК РФ по договору найма жилого помещения собственник жилого помещения или уполномоченное им лицо обязуется предоставить гражданину жилое помещение за плату во владение и пользование для проживания в нём.

Уже из содержания данной нормы следует, что в отличие от общей аренды по ст. 606 ГК РФ наем жилого помещения имеет специальную социальную цель — удовлетворение жилищной потребности гражданина, а не универсальное использование имущества в гражданском обороте.

Таким образом, именно поэтому договор найма жилого помещения в доктрине обоснованно рассматривается как специальная конструкция по отношению к аренде, хотя и основанная на общей модели предоставления имущества во временное пользование.

Самостоятельное место в системе смежных договоров занимает договор финансовой аренды (лизинга). Общие положения о том, что особенности отдельных видов аренды и аренды отдельных видов имущества могут устанавливаться специальными нормами, закреплены в ст. 625 ГК РФ.

Это означает, что лизинг, оставаясь разновидностью арендных отношений в рамках главы 34 ГК РФ, регулируется специальными правилами, которые модифицируют общую арендную модель.

В научной доктрине справедливо подчёркивается, что лизинг сочетает в себе элементы аренды и купли-продажи, поскольку имущество специально приобретается лизингодателем для передачи лизингополучателю, нередко с последующим выкупом [6, с. 563–565].

Такой подход поддерживается в Обзоре судебной практики по спорам, связанным с договором финансовой аренды (лизинга), утверждённом Президиумом ВС РФ 27.10.2021 [7], где судом прямо подчёркивается необходимость исходить из реального экономического содержания отношений, а не только из их формального обозначения.

Существенные проблемы возникают и при разграничении аренды с договором возмездного оказания услуг. Здесь принципиальным становится вопрос о том, что именно составляет основной интерес контрагента: получение доступа к вещи как самостоятельной ценности либо совершение обязанным лицом определённых действий или деятельности.

Если лицо получает возможность самостоятельно использовать индивидуально-определённое имущество и извлекать его полезные свойства, отношения тяготеют к аренде по смыслу ст. 606 ГК РФ. Если же имущество выступает лишь средством исполнения обязанностей другой стороны, а для контрагента важен именно результат действий исполнителя, отношения подлежат квалификации как услуги.

Данный подход согласуется с судебной практикой Верховного Суда РФ, последовательно ориентирующей суды на выявление действительной правовой природы отношений, а не на буквальное название договора [8].

При этом для квалификации арендных отношений важны не только нормы о предмете и плате, но и правила о форме и сроке договора. Так, ст. 609 ГК РФ устанавливает требования к форме договора аренды и государственную регистрацию в случаях, предусмотренных законом, а ст. 610 ГК РФ закрепляет правило о сроке договора аренды.

Указанные нормы имеют не только техническое, но и квалификационное значение. Так, например, долгосрочная передача недвижимости во владение и пользование при отсутствии необходимых формальных признаков может повлечь спор о том, имела ли место аренда либо иная конструкция фактического пользования имуществом.

Наряду с этим ст. 611 ГК РФ возлагает на арендодателя обязанность предоставить имущество в состоянии, соответствующем условиям договора и назначению имущества, а ст. 615 ГК РФ определяет пределы пользования арендованным имуществом в соответствии с условиями договора и назначением вещи. Эти положения также отличают аренду от договоров услуг, где акцент переносится с состояния вещи на характер действий исполнителя.

Важным элементом разграничения выступают и нормы о возврате имущества, распределении рисков и улучшениях арендованной вещи. Общая логика главы 34 ГК РФ исходит из того, что имущество передаётся временно и подлежит возврату арендодателю по окончании срока договора, что соответствует возвратному характеру аренды как обязательства.

В этой части аренда принципиально отличается от договоров отчуждения имущества и от обязательств, где предметом выступают родовые вещи либо результат деятельности. Кроме того, именно временный характер пользования позволяет объяснить особенности регулирования арендных улучшений, ответственности за ухудшение вещи и порядка прекращения арендного обязательства.

Таким образом, соотношение договора аренды с иными договорными конструкциями по российскому праву строится на совокупности критериев, закреплённых как в общих положениях главы 34 ГК РФ, так и в специальных нормах ГК РФ.

К числу таких критериев относятся: отсутствие перехода права собственности при аренде в отличие от отчуждательных договоров; обязательная возмездность

аренды по ст. 606 и 614 ГК РФ в отличие от безвозмездного пользования по ст. 689 ГК РФ; специальная социальная цель найма жилого помещения по ст. 671 ГК РФ; наличие специальных правил об отдельных видах аренды по ст. 625 ГК РФ; возможность выкупа по ст. 624 ГК РФ как признак смешанной конструкции.

Доктринальные дискуссии о правовой природе аренды и правовые позиции Верховного Суда РФ подтверждают, что при квалификации спорных отношений решающее значение имеет не название договора, а его действительное экономико-правовое содержание, выявляемое через предмет, цель, распределение правомочий и встречное предоставление.

Заключение

Соотношение договора аренды с иными договорными конструкциями в российском праве демонстрирует, что аренда выступает базовой моделью предоставления непотребляемого имущества во временное владение и (или) пользование, вокруг которой выстраивается целая система смежных договоров — ссуды, найма жилого помещения, лизинга, договоров отчуждения имущества и возмездного оказания услуг.

Критическими для квалификации выступают наличие либо отсутствие перехода права собственности, возмездность либо безвозмездность предоставления, направленность интереса контрагента (на доступ к вещи либо на

результат услуг), характер обязанности по возврату и степень императивности регулирования.

В доктрине это отражается в дискуссии об обязательственноправовой и вещноправовой природе арендных прав, а также о месте аренды в системе обязательств по передаче имущества, где всё большее распространение получает идея приоритета экономикоправового содержания договора и «усиленной» защиты прав законного владельца.

Правоприменительная практика, в первую очередь позиции Верховного Суда РФ, фактически консолидирует эти доктринальные подходы, подчёркивая недопустимость формального подхода к наименованию договора и необходимость перекалфикации притворных и смешанных конструкций.

Обзоры практики по спорам об аренде и лизинге, а также отдельные определения по делам о разграничении аренды и договоров оказания услуг подтверждают, что при квалификации договоров ключевым является реальный распределённый между сторонами комплекс прав и обязанностей, а не терминология, выбранная сторонами при составлении проекта договора.

Все указанные выше обстоятельства придают институту аренды системообразующее значение в сфере обязательств по использованию чужого имущества и обеспечивает относительную устойчивость регулирования в условиях высокой степени разнородности договорной практики.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 24.06.2025, с изм. от 09.06.2026) // СЗ РФ. 1996. № 5. Ст. 410.
2. Гражданское право: учебник: в 4 т. / отв. ред. Е. А. Суханов. 2-е изд., перераб. и доп. Т. 1 (Общая часть). М.: Статут. 2019. 576 с.
3. Победоносцев К. П. Курс гражданского права. Часть 1: Вотчинные права [Электронный ресурс] / К. П. Победоносцев. Москва: Статут. 2002. 798 с.
4. Брагинский М. И., Витрянский В. В. Договорное право. Книга 2: Договоры о передаче имущества. 5-е изд., стер. М.: Статут. 2011. С. 380–385.
5. Маркова С. В. Проблема разграничения реальной и консенсуальной моделей договора безвозмездного пользования // Молодой ученый. 2024. № 5 (504). С. 283–285.
6. Стегура Е. А. Правовая природа договора финансовой аренды (лизинга) // Молодой ученый. 2025. № 20 (571). С. 563–565.
7. Обзор судебной практики по спорам, связанным с договором финансовой аренды (лизинга) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 27.10.2021) // СПС «КонсультантПлюс». 2026.
8. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 04.04.2023 № 305ЭС2224429 по делу № А4067639/2021 // СПС «КонсультантПлюс». 2026.

Отношение к сирийским женщинам-мигранткам в разных принимающих странах

Игнатьева Дарья Андреевна, студент магистратуры

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России

В статье проводится сравнительный анализ правового положения сирийских женщин-беженек в семи ключевых принимающих странах (Турция, Ливан, Иордания, Германия, Швеция, Ирак, Египет). Рассматриваются различия в миграционном законодательстве, доступе к рынку труда, образованию и защите от гендерного насилия, а также роль медийного дискурса в формировании условий интеграции. На основе сопоставления делаются выводы о прямой зависимости уровня защищённости женщин от типа правового статуса и эффективности антидискриминационных механизмов в конкретной стране.

Ключевые слова: Сирия, сирийцы, миграция, мигранты, женщины-мигранты.

Вооружённый конфликт в Сирии, начавшийся в 2011 году, привёл к крупнейшему гуманитарному кризису XXI века. По данным Управления Верховного комиссара ООН по делам беженцев (УВКБ ООН), к началу 2026 года за пределами Сирии находилось около 4,9 миллиона беженцев, причём женщины и дети составляли более 75 % этой категории [6]. После падения режима Асада в декабре 2024 года начался массовый возвратный поток — около 1,3 миллиона сирийцев вернулись на родину в 2025 году, однако миллионы продолжают оставаться в странах убежища, сталкиваясь с новыми экономическими, правовыми и социальными вызовами [8]. В этой системе особое место занимают женщины-беженки, которые несут основную нагрузку по сохранению семей и воспитанию детей в условиях крайней нестабильности.

Изучение их положения в принимающих странах представляет собой как научный, так и практический интерес, поскольку позволяет оценить эффективность действующих миграционных политик и выработать рекомендации для улучшения интеграционных процессов.

Вопросы адаптации и интеграции сирийских беженцев уже становились предметом научного анализа. Жуни Ханин (2025) рассмотрел социально-психологические механизмы, с помощью которых сирийцы приспосабливаются к новым условиям, включая факторы культурного шока, языкового барьера и изменения социального статуса [1, с. 170]. О. Потемкина (2019) проанализировала распределение мигрантов по странам Европейского Союза и особенности их правового статуса, отмечая, что

Германия, Франция, Испания, Греция и Великобритания приняли 72 % всех заявителей из Сирии в странах ЕС+ [2, с. 7].

Абдулатиф Ахмедов (2026) исследовал гендерные аспекты миграционного законодательства Турции, показывая, как правовые нормы обуславливают уязвимость женщин в сферах образования, занятости и семейных отношений [3]. Е. М. Савичева и К. А. Каур (2019) детально описала специфику пребывания сирийских беженцев в Ливане, включая ограничения в доступе к рынку труда, жилью и медицинским услугам, а также растущее социальное напряжение между местным населением и приезжими [4, с. 122]. Указанные исследования закладывают теоретическую и эмпирическую базу для дальнейшего сравнительного анализа. Однако, как видно из представленных работ, общее сравнение и более детальное исследование не проводилось, что также подчеркивает актуальность и новизну данной статьи.

После начала гражданской войны в Сирии основные потоки беженцев направились в соседние государства Ближнего Востока, а затем — в Европу. Наибольшее количество сирийских беженцев приняли следующие страны из тех, где сосредоточено более 90 % всей сирийской диаспоры (Таблица 1).

Именно эти семь стран выступают основными реципиентами сирийского миграционного потока. При этом каждая из них демонстрирует принципиально различный подход к правовому регулированию статуса беженцев, что напрямую отражается на положении женщин.

Таблица 1. Количество сирийских беженцев (на 2025–2026 гг.)

Страна	Кол-во
Турция	3,1 млн.
Ливан	785 тыс.
Германия	650 тыс.
Иордания	645 тыс.
Ирак	265 тыс.
Швеция	190 тыс.
Египет	155 тыс.

Примечание: данные составлены на основе статистики УВКБ ООН, EUAA, World Vision и Statista.

Доступ к источникам осуществлён 01.07.2026.

В Турции сирийцы находятся под статусом временной защиты, предоставляющим доступ к медицинским услугам и начальному образованию, но существенно ограничивающим возможности официального трудоустройства. Получение разрешения на работу связано с бюрократическими сложностями, поэтому значительная часть сирийцев, особенно женщины, работают в неформальном секторе без социальной защиты [3]. Занятость среди сирийских женщин в Турции составляет около 12 %, а это значительно ниже, чем среди мужчин, а языковой барьер и нехватка программ профессиональной подготовки усугубляют ситуацию [3].

В Ливане положение ещё сложнее: сирийские беженцы рассматриваются как временные мигранты без чёткого правового статуса, регистрация затруднена, доступ к официальному рынку труда практически отсутствует. Женщины здесь наиболее уязвимы, редко имеют возможность легально зарабатывать и часто остаются полностью зависимыми от родственников-мужчин или гуманитарной помощи [4, с. 125]. В Иордании действует система «кебала» (спонсорства), привязывающая беженца к конкретному работодателю, что создаёт почву для злоупотреблений, в том числе в отношении женщин.

В Германии и Швеции сирийские беженцы получают статус международной защиты с доступом к рынку труда, социальному обеспечению и программам интеграции. Женщины здесь имеют больше возможностей для получения образования и профессиональной переподготовки, однако уровень занятости среди сирийских женщин всё равно ниже, чем среди местных жительниц — сказываются языковой барьер, нехватка мест в детских садах и сохранившиеся культурные установки [2, с. 10].

В Ираке (Курдский регион) и Египте ситуация неоднородна. Так, в Иракском Курдистане действуют относительно либеральные правила въезда и пребывания, но возможности трудоустройства ограничены, а женщины часто выполняют низкоквалифицированную работу.

Германия и Швеция обладают наиболее развитой антидискриминационной базой: законы запрещают дискриминацию по признаку пола, расы и происхождения, действуют государственные программы поддержки жертв домашнего насилия, доступны бесплатные курсы языка и профессиональной переподготовки. Женщины-беженки в этих странах могут самостоятельно обращаться за защитой, не будучи зависимыми от супруга или родственников [2, с. 12]. Турция приняла Закон об иностранцах и международной защите (2013) и Положение о временной защите, которые формально гарантируют доступ к образованию и медицине, однако на практике женщины сталкиваются с серьёзными барьерами: случаи гендерного насилия часто остаются без должного рассле-

дования, предоставление убежища отдельно от мужа затруднено [3; 5].

В Ливане и Иордании правовая защита женщин-беженок минимальна, отсутствуют специализированные законы о противодействии домашнему насилию в отношении мигранток, доступ к правосудию ограничен высокими судебными издержками и страхом депортации [4, с. 128].

Отдельного внимания заслуживает освещение проблем сирийских женщин-беженок в медиапространстве принимающих стран. В Германии и Швеции пресса в целом придерживается сбалансированного подхода: публикуются материалы как о трудностях интеграции, так и об успешных случаях адаптации. В Турции медийный дискурс за последние годы сместился в негативную сторону, риторика в отношении беженцев стала более жёсткой, в обществе растут антимигрантские настроения, а это напрямую отражается на безопасности женщин — участились случаи нападений и словесных оскорблений [10].

На основании проведённого сравнения можно сделать три основных вывода.

1) Правовой статус сирийских женщин-беженок напрямую определяет их возможности в сфере занятости, образования и личной безопасности. В странах, где действует полноценная система международной защиты (Германия, Швеция), женщины имеют значительно больше шансов на успешную интеграцию, чем в государствах с временными или неопределёнными статусами (Турция, Ливан, Иордания).

2) Законодательство о защите от гендерного насилия и дискриминации является критическим фактором, но само по себе недостаточно без эффективного правоприменения. Даже в Турции, где приняты соответствующие законы, реальная защита женщин-беженок остаётся слабой из-за бюрократических барьеров и предвзятого отношения со стороны правоохранительных органов.

3) Медийный дискурс и общественное мнение в принимающих странах существенно влияют на повседневную жизнь сирийских женщин, формируя либо среду терпимости и поддержки, либо атмосферу враждебности и страха. Страны Европейского Союза демонстрируют более сбалансированный подход, тогда как на Ближнем Востоке, а именно там сосредоточено большинство беженок, их положение остаётся наиболее сложным из-за сочетания правовых ограничений, экономических трудностей и нарастающих антимигрантских настроений.

Дальнейшие исследования в этой области должны быть направлены на разработку конкретных механизмов улучшения доступа женщин-беженок к рынку труда, правовой защите и социальным услугам с учётом специфики каждой принимающей страны.

Литература:

1. Жуни, Ханин. Социальная адаптация сирийских беженцев / Ханин Жуни // Гуманитарий Юга России. — 2025. — Т. 14, № 3 (73). — С. 169–181. — DOI 10.18522/2227-8656.2025.3.14.

2. Потемкина, О. Ю. Сирийские беженцы в Европе / О. Ю. Потемкина // Научно-аналитический вестник Института Европы РАН. — 2019. — № 3. — С. 5–14.
3. Ahmedov, A. Syrian Refugee Women in Turkey: Migration Law, Human Rights and Gendered Inequalities in Education, Employment and Family Life / A. Ahmedov // Sotsiologiya va huquq / Социология и право. — 2026. — № 1.
4. Савичева, Е. М. Сирийская миграция в Ливан: особенности и проблемы / Е. М. Савичева, К. А. Каур // Вестник Томского государственного университета. История. — 2019. — № 60. — С. 120–130.
5. 5 Закон Турецкой Республики об иностранцах и международной защите от 04.04.2013 № 6458 // Official Gazette. — 2013. — № 28615. — URL: <https://www.mevzuat.gov.tr> (дата обращения: 01.07.2026).
6. UNHCR. Global Trends: Forced Displacement in 2025 [Электронный ресурс] / United Nations High Commissioner for Refugees. — 2026. — URL: <https://www.unhcr.org/globaltrends> (дата обращения: 01.07.2026).
7. EUAA. Latest Asylum Trends — 2025 Overview [Электронный ресурс] / European Union Agency for Asylum. — 2026. — URL: <https://www.euaa.europa.eu> (дата обращения: 01.07.2026).
8. World Vision. Syrian Refugee Crisis: Facts, FAQs, and How to Help [Электронный ресурс]. — 2026. — URL: <https://www.worldvision.org> (дата обращения: 01.07.2026).
9. Statista. Number of Syrian Refugees in Turkey in 2025, by Age Group [Электронный ресурс]. — 2025. — URL: <https://www.statista.com> (дата обращения: 01.07.2026).
10. Human Rights Watch. Turkey: Hundreds of Refugees Deported to Syria [Электронный ресурс]. — 2022. — URL: <https://www.hrw.org> (дата обращения: 01.07.2026).
11. İçduygu, A. Syrian Refugees in Turkey: The Long Road Ahead / A. İçduygu // Migration Policy Institute. — 2015.

Понятие соотечественников в российской правовой доктрине и законодательстве

Иманов Аслан Эльшан оглы, студент магистратуры
Санкт-Петербургский государственный аграрный университет

В статье исследуется содержание понятия «соотечественник» в российской правовой доктрине и действующем законодательстве. Выявляется многоуровневая структура легальной дефиниции, объединяющая гражданскую принадлежность, происхождение, историко-культурную общность и самоидентификацию личности. Разграничиваются общий статус соотечественника, положение гражданина Российской Федерации, постоянно проживающего за рубежом, и специальный административно-правовой статус участника Государственной программы переселения. Обосновывается необходимость унификации критериев и процедур подтверждения принадлежности к соотечественникам в случаях, когда от нее зависит предоставление конкретных мер государственной поддержки.

Ключевые слова: соотечественники, соотечественники за рубежом, правовой статус, самоидентификация, государственная политика, миграционное право, культурная идентичность.

Категориальный аппарат юридической науки выполняет системообразующую функцию: через правовые понятия определяются границы регулируемых отношений, устанавливается соотношение смежных институтов и формируются ориентиры для единообразного применения норм. Неточность терминологии создает риск расширительного либо ограничительного толкования, особенно когда законодательная конструкция соединяет формально-юридические и оценочные признаки [5, с. 55–56]. Доктринальное понятие способно охватывать теоретические противоречия и перспективы развития института, тогда как легальная дефиниция приобретает обязательное значение для публичной администрации и суда [6, с. 40–42]. По данной причине содержание категории «соотечественник» следует раскрывать одновременно в нормативном, конституционном и доктринальном измерениях.

Правовая природа рассматриваемой категории имеет межотраслевой характер. Она связана с конституцион-

ными обязанностями государства, гражданством, миграционными процедурами, защитой культурной идентичности и поддержанием гуманитарных связей с лицами, проживающими за пределами Российской Федерации. Соотечественник не тождественен гражданину Российской Федерации: гражданство выражает устойчивую политико-правовую связь лица и государства, тогда как принадлежность к соотечественникам может основываться на происхождении, прежней государственной принадлежности, языке, культуре, семейной истории и свободном выборе в пользу связи с Россией.

Нормативную основу института составляет Федеральный закон от 24 мая 1999 г. № 99-ФЗ «О государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом» (далее — Закон № 99-ФЗ). Статья 1 данного акта содержит не единую, а многоуровневую конструкцию. В пункте 1 закреплено общее социокультурное понимание: соотечественниками при-

знаются лица, родившиеся в одном государстве, проживающие либо проживавшие в нем и обладающие общностью языка, истории, культурного наследия, традиций и обычаев, включая потомков по прямой нисходящей линии. Пункт 2 относит к соотечественникам за рубежом граждан Российской Федерации, постоянно проживающих вне ее территории. Пункт 3 распространяет категорию на иных лиц и их потомков, проживающих за рубежом, относящихся, как правило, к народам, исторически проживающим в России, либо сделавших свободный выбор в пользу духовной, культурной и правовой связи с Российской Федерацией [2].

Законодательная модель соединяет объективные и субъективные элементы. К объективным относятся гражданская принадлежность, проживание за рубежом, происхождение, родство по прямой восходящей линии, прежнее проживание на территории Российского государства, Российской республики, РСФСР, СССР или Российской Федерации. Субъективный компонент выражается в свободном выборе духовной и культурной связи с Россией. Подобное сочетание позволяет учитывать сложные исторические процессы распада государств, изменения границ и гражданства, однако одновременно затрудняет установление юридически значимой степени связи конкретного лица с Российской Федерацией. О. В. Кудин обоснованно указывает, что широта нормативного понятия осложняет определение устойчивого круга его носителей и требует более последовательного согласования критериев [10, с. 144].

Конституционное значение института определяется частью 3 статьи 69 Конституции Российской Федерации, возлагающей на государство обязанность поддерживать соотечественников, проживающих за рубежом, в осуществлении прав, защите интересов и сохранении общероссийской культурной идентичности [1]. Данная норма выводит рассматриваемую сферу за пределы обычного миграционного регулирования. Государственная политика адресуется лицам, которые могут не намереваться переселяться в Россию, но сохраняют языковые, культурные, общественные или семейные связи с ней. В научной литературе подчеркивается самостоятельное конституционно-правовое значение данной поддержки, направленной на защиту прав и развитие устойчивого взаимодействия с зарубежными сообществами [7, с. 129].

Особое значение имеет статья 3 Закона № 99-ФЗ, разграничивающая способы признания и подтверждения принадлежности к соотечественникам. Для граждан Российской Федерации, постоянно проживающих за рубежом, принадлежность возникает в силу гражданства и подтверждается документом, удостоверяющим его наличие. Для лиц, указанных в пункте 3 статьи 1, признание принадлежности представляет собой акт самоидентификации, который должен подкрепляться общественной либо профессиональной деятельностью по сохранению русского языка и родных языков народов России, развитию российской культуры, укреплению дружественных отношений, поддержке объединений соотечественников,

защите их прав или иными свидетельствами свободного выбора [2]. Следовательно, самоидентификация не является произвольным заявлением: законодатель требует ее объективирования через поведение, документы и иные юридически оцениваемые обстоятельства.

Одновременно Закон № 99-ФЗ не устанавливает универсального административного порядка, в рамках которого уполномоченный орган принимал бы общеобязательное решение о принадлежности лица к соотечественникам для всех возможных правоотношений. Подобная особенность отчасти объясняется природой института: он ориентирован на гуманитарную и культурную связь, не сводимую к регистрационному статусу. Однако при предоставлении конкретных мер поддержки критерии подтверждения переносятся в специальные нормативные акты и административные процедуры. В результате одно и то же лицо может соответствовать общему понятию соотечественника, но не отвечать условиям отдельной программы, льготы или миграционного режима.

Наиболее наглядно указанное разграничение проявляется в Государственной программе по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом. Участие в программе регулируется Указом Президента Российской Федерации от 22 июня 2006 г. № 637, а специальный статус подтверждается свидетельством, форма и порядок выдачи которого определены Правительством Российской Федерации [3; 4]. Свидетельство участника программы удостоверяет право на предусмотренный ею комплекс мер, но не создает принадлежность к соотечественникам как общую правовую связь. Отождествление двух категорий необоснованно сужает сферу действия Закона № 99-ФЗ и исключает из нее лиц, сохраняющих устойчивую связь с Россией без намерения переселения.

Доктринальные подходы к определению соотечественников различаются в зависимости от того, какой признак признается основным. Историко-правовой подход акцентирует прежнюю государственную принадлежность лица или его предков; культурно-идентификационный — язык, традиции, историческую память и участие в сохранении общероссийского культурного пространства; административно-правовой — формы государственной поддержки и процедуры взаимодействия с органами власти. Ш. М. Нурадинов, С. Л. Нечай и Н. В. Белецкий связывают конституционную поддержку прежде всего с сохранением общероссийской культурной идентичности [8, с. 171]. Н. А. Кондукторова обращает внимание на юридическое значение свободного выбора в пользу духовной, культурной и правовой связи с Российской Федерацией [11, с. 119].

Административно-правовой подход раскрывает соотечественников как участников государственной миграционной и гуманитарной политики. О. А. Сазонова характеризует зарубежных соотечественников в качестве значимого демографического, профессионального, интеллектуального и культурного ресурса государства [9, с. 2]. Данная оценка отражает стратегический интерес Россий-

ской Федерации, но не должна приводить к утилитарному восприятию человека исключительно как потенциального переселенца или трудового ресурса. Конституционная обязанность поддержки предполагает приоритет прав, достоинства и добровольного выбора лица, а публичные интересы могут реализовываться только посредством юридически определенных и недискриминационных процедур.

Для правоприменения принципиально важно разграничивать несколько смежных положений. Гражданин Российской Федерации, постоянно проживающий за рубежом, является соотечественником непосредственно в силу гражданства. Иностраный гражданин или лицо без гражданства может быть признано соотечественником на основании происхождения, прежней гражданской принадлежности, родства и подтвержденного свободного выбора связи с Россией. Член общественного объединения соотечественников получает документ, удостоверяющий членство, но данный документ не равнозначен государственному удостоверению универсального статуса. Участник Государственной программы переселения обладает специальным административно-правовым положением, ограниченными целями и условиями программы.

Системное толкование позволяет определить соотечественника за рубежом как лицо, постоянно проживающее вне территории Российской Федерации и связанное с Россией гражданством либо совокупностью историко-родственных, языковых, культурных и самоидентификационных признаков, которые объективно подтверждают свободный выбор в пользу сохранения данной связи. Подобная конструкция исключает два крайних подхода: све-

дение понятия исключительно к российскому гражданству и признание достаточным любого декларативного заявления без подтверждающих обстоятельств.

Совершенствование регулирования целесообразно направить не на введение единого обязательного удостоверения соотечественника, способного чрезмерно формализовать гуманитарную связь, а на унификацию минимальных доказательственных и процедурных стандартов. В статье 3 Закона № 99-ФЗ возможно закрепить положение, согласно которому при предоставлении мер государственной поддержки федеральные органы исполнительной власти обязаны оценивать совокупность документов и сведений о происхождении, прежней гражданской принадлежности, родстве, языковой и культурной деятельности, не требуя обязательного участия в программе переселения. Порядок оценки должен предусматривать мотивированное решение, возможность представления дополнительных доказательств и судебного обжалования отказа.

Проведенный анализ показывает, что понятие соотечественников формируется на пересечении гражданства, исторической преемственности, происхождения, культурной идентичности и самоопределения личности. Закон № 99-ФЗ закрепляет широкую материально-правовую рамку, но механизмы ее реализации остаются дифференцированными по отдельным направлениям государственной политики. Разграничение общего понятия соотечественника и специальных административных статусов позволяет сохранить гуманитарное содержание института и одновременно повысить правовую определенность процедур предоставления поддержки.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) (ред. от 04.10.2022) // Официальный интернет-портал правовой информации. — URL: <http://pravo.gov.ru/constitution/> (дата обращения: 03.06.2026).
2. О государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом: Федеральный закон от 24.05.1999 № 99-ФЗ (ред. от 23.03.2026) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 1999. — № 22. — Ст. 2670.
3. О мерах по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом: Указ Президента Российской Федерации от 22.06.2006 № 637 (ред. от 08.09.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2006. — № 26. — Ст. 2820.
4. О свидетельстве участника Государственной программы по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом: Постановление Правительства Российской Федерации от 28.12.2006 № 817 (ред. от 26.06.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2007. — № 1 (ч. 2). — Ст. 323.
5. Чернова Э. Р. Роль и значение юридической терминологии в современном законодательстве // Право и государство: теория и практика. — 2022. — № 4 (208). — С. 54–57.
6. Зяблова Т. Е. О содержании понятия «правовая доктрина» // Вестник Московского университета МВД России. — 2024. — № 4. — С. 39–45.
7. Лебедева Н. В., Огурцов А. Ю. Конституционно-правовые основы политики Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом // Общество: политика, экономика, право. — 2016. — № 12. — С. 128–131.
8. Нурадинов Ш. М., Нечай С. Л., Белецкий Н. В. Конституционно-правовые основы поддержки соотечественников, проживающих за рубежом, в сохранении общероссийской культурной идентичности // Аграрное и земельное право. — 2024. — № 3. — С. 170–174.

9. Сазонова О. А. Соотечественники за рубежом: проблемы государственного управления // *Studia Humanitatis*. — 2020. — № 2. — С. 1–13.
10. Кудин О. В. Российские соотечественники за рубежом: кто они? // *Вестник Московского университета МВД России*. — 2022. — № 4. — С. 143–148.
11. Кондукторова Н. А. К вопросу о свободном выборе в пользу духовной, культурной и правовой связи с Российской Федерацией соотечественников за рубежом // *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право*. — 2023. — Т. 23, вып. 1. — С. 118–122.

Права, гарантии, льготы и меры государственной поддержки соотечественников

Иманов Аслан Эльшан оглы, студент магистратуры
Санкт-Петербургский государственный аграрный университет

В статье исследуется система прав, гарантий, льгот и мер государственной поддержки соотечественников, проживающих за рубежом и участвующих в Государственной программе добровольного переселения в Российскую Федерацию. Рассматриваются компенсация расходов на переезд, выплата подъемных, возмещение затрат на оформление правового статуса, таможенные преимущества и региональные меры адаптации. Отдельное внимание уделяется правовому положению репатриантов после изменения Государственной программы в 2025 году, судебным спорам, возникающим вследствие формального подхода к документам и срокам, и направлениям совершенствования подзаконного регулирования.

Ключевые слова: соотечественники, Государственная программа переселения, репатрианты, государственные гарантии, социальная поддержка, компенсация расходов, подъемные, таможенные льготы.

Права, гарантии, льготы и меры государственной поддержки образуют практическое содержание конституционно-правового статуса соотечественников. Само признание исторической, культурной, языковой или гражданско-правовой связи лица с Российской Федерацией не обеспечивает его реальной защищенности без конкретных механизмов осуществления прав, возмещения расходов, социальной адаптации и судебного обжалования решений публичной администрации. По этой причине рассматриваемый институт имеет многоуровневую структуру, включающую конституционные предписания, федеральное законодательство, акты Президента Российской Федерации и Правительства Российской Федерации, региональные программы переселения и правоприменительную практику.

Исходным нормативным основанием выступает часть 3 статьи 69 Конституции Российской Федерации, согласно которой государство оказывает поддержку соотечественникам, проживающим за рубежом, в осуществлении их прав, защите интересов и сохранении общероссийской культурной идентичности [1]. Конституционная формула значительно шире миграционного содействия, поскольку распространяется на гуманитарную, культурную, образовательную, информационную и дипломатическую деятельность. Федеральный закон от 24 мая 1999 г. № 99-ФЗ закрепляет государственную политику в отношении соотечественников как составную часть внутренней и внешней политики Российской Федерации, реализуемую посредством правовых, социальных, экономических, организационных и иных мер [2]. Следовательно, переселение представляет лишь одно из направлений под-

держки и не исчерпывает содержание конституционной обязанности государства.

Наиболее детализированная система гарантий предусмотрена Государственной программой по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 22 июня 2006 г. № 637 [3]. Участник программы и члены его семьи получают специальный административно-правовой статус, подтверждаемый свидетельством. Данный документ служит основанием для обращения за установленными компенсациями и выплатами, однако реализация каждой меры требует соблюдения самостоятельной процедуры, сроков и доказательственных требований. Наличие свидетельства не порождает автоматического перечисления бюджетных средств, поскольку уполномоченный орган обязан проверить действительность статуса, состав семьи, территорию вселения, факт несения расходов и соответствие заявления условиям соответствующего нормативного акта.

После внесения изменений Указом Президента Российской Федерации от 8 сентября 2025 г. № 634 особое значение приобрело разграничение общего порядка участия в программе и участия в качестве репатрианта [4]. Репатриант вправе избрать для переселения любой субъект Российской Федерации, включая регион, не участвующий в Государственной программе, однако по общему правилу не получает государственные гарантии и социальную поддержку, предусмотренные пунктом 20 программы, за исключением компенсации расходов, указанной в подпункте «б» данного пункта. Субъект Российской Феде-

рации вправе установить для репатриантов собственные финансовые и иные меры. В результате расширение свободы выбора территории сопровождается сужением федерального пакета поддержки, вследствие чего региональное регулирование приобретает определяющее значение для фактических условий переселения.

Систему федеральной поддержки участников Государственной программы можно разделить на несколько взаимосвязанных направлений. Финансовое направление включает компенсацию переезда, расходов на провоз имущества, затрат на оформление документов и выплату пособия на обустройство. Миграционно-правовые гарантии связаны с оформлением разрешительных документов и последующим приобретением устойчивого правового положения в Российской Федерации. Социально-адаптационные меры предусматриваются региональными программами и могут охватывать содействие занятости, временное жилищное устройство, медицинскую помощь, профессиональную адаптацию и включение переселенца в принимающее сообщество. Эффективность данной модели зависит от согласованности федеральных выплат и региональной инфраструктуры, поскольку денежная компенсация без доступа к жилью и трудоустройству не обеспечивает устойчивого обустройства.

Центральное место среди денежных гарантий занимает пособие на обустройство, традиционно обозначаемое как «подъемные». Порядок его выплаты установлен Постановлением Правительства Российской Федерации от 27 марта 2013 г. № 270 [7]. Правовая природа пособия определяется его целевым адаптационным назначением: средства компенсируют часть расходов первоначального периода, связанного с регистрацией, поиском жилья, бытовым устройством и включением семьи в новую социальную среду. Размер и порядок выплаты дифференцируются с учетом территории вселения, категории участника и этапа переселения. Судебная практика подтверждает, что право на подъемные реализуется только при документально подтвержденном обращении и проверке юридически значимых обстоятельств. В делах № 2–642/2025 и № 2–3571/2025 суды оценивали наличие действующего статуса, состав семьи и соблюдение установленной процедуры [11; 12].

Строгая формализация порядка выплаты подъемных создает риск возложения на добросовестного заявителя негативных последствий административной задержки. На практике свидетельство участника программы может прекратить действие после подачи заявления, но до завершения межведомственной проверки. Отказ, основанный исключительно на состоянии документа в момент принятия решения, не учитывает, что материальные и процедурные условия были выполнены заявителем своевременно. Для устранения указанного дефекта Правила выплаты подъемных целесообразно дополнить нормой, согласно которой последующее истечение срока действия свидетельства в период административного рассмотрения не является самостоятельным основанием для отказа, если

на дату обращения документ был действующим, необходимые материалы представлены, а задержка возникла по причинам, не зависящим от участника программы.

Компенсация расходов на переезд к будущему месту проживания регулируется Постановлением Правительства Российской Федерации от 10 марта 2007 г. № 150 [5]. Возмещению подлежат фактические документально подтвержденные расходы на проезд участника программы и членов его семьи, перевозку багажа и личного имущества в установленных пределах. Доказательственный характер данной меры обусловлен требованиями бюджетной дисциплины: орган власти должен установить маршрут, дату, плательщика, стоимость и непосредственную связь расходов с переселением. Вместе с тем подтверждение не может ограничиваться первоначальным бумажным билетом, поскольку современные перевозки оформляются электронными маршрутными квитанциями, посадочными талонами, банковскими выписками и справками перевозчиков.

Показательным является решение Центрального районного суда г. Калининграда по делу № 2–1127/2020, в котором оценивалась законность отказа в компенсации при наличии билетов, посадочных талонов, кассовых чеков и справок авиакомпании [10]. Значение данной позиции состоит в необходимости исследовать совокупность доказательств, а не формальное наличие одного документа. Для закрепления этого подхода в Постановлении Правительства Российской Федерации № 150 целесообразно предусмотреть возможность возмещения расходов на основании электронных дубликатов билетов, маршрутных и багажных квитанций, официальных справок перевозчиков, архивных сведений транспортных организаций и банковских документов, если их совокупность достоверно подтверждает факт поездки и размер затрат. Отсутствие первоначального бумажного носителя не должно самостоятельно исключать компенсацию.

Предложенная модель сохраняет контроль за целевым расходованием бюджетных средств, поскольку заявитель по-прежнему обязан подтвердить фактическое несение затрат. Изменяется не стандарт доказанности, а допустимый перечень средств доказывания. Подобный подход соответствует цифровизации транспортных и платежных операций, снижает вероятность необоснованного отказа и устраняет зависимость права от сохранения единственного бумажного документа. Уполномоченный орган должен оценивать внутреннюю согласованность сведений, совпадение маршрута с территорией переселения, даты поездки, личность плательщика и соответствие заявленной суммы документам.

Самостоятельной мерой является компенсация расходов на уплату государственных пошлин, консульского сбора и сборов, связанных с оформлением документов, определяющих правовой статус переселенцев. Ее предоставление регулируется Постановлением Правительства Российской Федерации от 25 сентября 2008 г. № 715 [6]. Мера снижает финансовую нагрузку на семью в период,

когда требуется одновременно оформить миграционные документы, регистрацию и иные юридические основания проживания. Значение данной компенсации дополнительно возросло для репатриантов, поскольку именно право, предусмотренное подпунктом «б» пункта 20 Государственной программы, сохранено за ними на федеральном уровне.

Правоприменение в данной сфере также подвержено чрезмерному формализму. Незначительная ошибка в наименовании платежа, неполное отражение назначения операции либо особенности электронной квитанции способны стать основанием для отказа, хотя плательщик, получатель, сумма и связь расхода с оформлением статуса устанавливаются из совокупности материалов. Правила, утвержденные Постановлением № 715, целесообразно дополнить положением, запрещающим отказывать исключительно вследствие формального недостатка платежного документа, если представленные сведения позволяют достоверно определить плательщика, получателя, назначение платежа, сумму, дату операции и связь с оформлением правового положения переселенца. Такая норма не освобождает заявителя от доказывания расходов, но ориентирует орган власти на содержательную проверку.

Имущественное обустройство переселенцев связано и с таможенными преимуществами при перемещении товаров и транспортных средств для личного пользования. Данные отношения регулируются Таможенным кодексом Евразийского экономического союза и Решением Совета Евразийской экономической комиссии от 20 декабря 2017 г. № 107 [8; 9]. В отличие от федеральных компенсаций, таможенные льготы имеют наднациональную правовую природу, поэтому Российская Федерация не вправе единолично изменять сроки и условия их предоставления. Несоблюдение порядка ввоза транспортного средства, срока нахождения или условий освобождения от платежей способно повлечь значительные имущественные последствия, что подтверждает повышенную конфликтность соответствующих споров.

В решении Подольского городского суда Московской области по делу № 2А-9068/2024 рассматривалась законность действий таможенного органа применительно к транспортному средству для личного пользования и последствиям несоблюдения установленного режима [13]. Подобные дела демонстрируют практическую несогласованность двух регулятивных целей: таможенное право обеспечивает единообразие перемещения товаров на территории Евразийского экономического союза, а национальная политика стремится создать благоприятные условия для обустройства переселенцев. Устранение воз-

никающих проблем возможно посредством инициатив Российской Федерации в Евразийской экономической комиссии, предусматривающих учет объективных причин пропуска срока, невозможности своевременного оформления либо иных обстоятельств, не зависящих от переселенца.

Региональный уровень поддержки выполняет компенсаторную и адаптационную функции. Субъекты Российской Федерации определяют востребованные профессии, требования к участникам, территории вселения, формы содействия занятости, временного размещения и профессионального обучения. После изменения режима репатриантов региональные решения способны частично восполнить отсутствие большинства федеральных выплат, однако дискреция субъектов порождает территориальную дифференциацию. Объем фактически доступной поддержки зависит не только от правового статуса лица, но и от бюджетных возможностей выбранного региона. Для обеспечения минимальной определенности целесообразно закрепить обязательное публичное информирование репатрианта о полном перечне федеральных и региональных мер до принятия решения о территории переселения.

Судебная защита завершает систему гарантий, поскольку позволяет проверить законность отказа, соблюдение процедуры, полноту исследования документов и соразмерность последствий допущенного нарушения. Анализ практики свидетельствует, что основные конфликты возникают не вследствие отсутствия нормативных мер поддержки, а из-за узкого толкования доказательств, жесткой привязки к формальным срокам и недостаточной согласованности различных уровней регулирования. Судебный контроль должен обеспечивать содержательную оценку обстоятельств, не подменяя установленный порядок выплат и не освобождая заявителя от подтверждения юридически значимых фактов.

Система поддержки соотечественников сочетает конституционные гарантии, специальные миграционные процедуры, бюджетные выплаты, таможенные преимущества и региональные механизмы адаптации. Ее дальнейшее развитие связано с переходом от документального формализма к оценке достоверной совокупности доказательств, защитой своевременно обратившегося участника от последствий административной задержки, унификацией требований к электронным документам и предварительным информированием репатриантов о реальном объеме доступной поддержки. Предлагаемые изменения сохраняют бюджетную дисциплину и одновременно повышают правовую определенность положения добросовестного переселенца.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) (ред. от 04.10.2022) // Официальный интернет-портал правовой информации. — URL: <http://pravo.gov.ru/constitution/> (дата обращения: 03.06.2026).

2. О государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом: Федеральный закон от 24.05.1999 № 99-ФЗ (ред. от 23.03.2026) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 1999. — № 22. — Ст. 2670.
3. О мерах по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом: Указ Президента Российской Федерации от 22.06.2006 № 637 (ред. от 08.09.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2006. — № 26. — Ст. 2820.
4. О внесении изменений в Государственную программу по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом, утвержденную Указом Президента Российской Федерации от 22 июня 2006 г. № 637: Указ Президента Российской Федерации от 08.09.2025 № 634 // Официальный интернет-портал правовой информации. — 08.09.2025. — № 0001202509080017.
5. О порядке выплаты компенсации расходов на переезд к будущему месту проживания участникам Государственной программы по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом, и членам их семей: Постановление Правительства Российской Федерации от 10.03.2007 № 150 (ред. от 26.06.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2007. — № 12. — Ст. 1415.
6. Об утверждении Правил выплаты компенсации расходов на уплату государственных пошлин, консульского сбора и сбора в счет возмещения фактических расходов, связанных с оформлением документов, определяющих правовой статус переселенцев на территории Российской Федерации, участникам Государственной программы по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом, и членам их семей: Постановление Правительства Российской Федерации от 25.09.2008 № 715 (ред. от 26.06.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2008. — № 40. — Ст. 4539.
7. О порядке выплаты подъемных участникам Государственной программы по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом, и членам их семей: Постановление Правительства Российской Федерации от 27.03.2013 № 270 (ред. от 26.06.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2013. — № 14. — Ст. 1705.
8. Договор о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза (подписан в г. Москве 11.04.2017) // Официальный интернет-портал правовой информации. — 09.01.2018. — № 0001201801090004.
9. Об отдельных вопросах, связанных с товарами для личного пользования: Решение Совета Евразийской экономической комиссии от 20.12.2017 № 107 (ред. от 24.02.2026) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 29.05.2026).
10. Решение Центрального районного суда г. Калининграда Калининградской области от 26.02.2020 по делу № 2–1127/2020 // СудАкт. — URL: <https://sudact.ru/regular/doc/4onfjvofHYZx/> (дата обращения: 29.05.2026).
11. Решение Благовещенского городского суда Амурской области от 26.03.2025 по делу № 2–642/2025 // СудАкт. — URL: <https://sudact.ru/regular/doc/q8YMPmPpwmV/> (дата обращения: 29.05.2026).
12. Решение Советского районного суда г. Челябинска Челябинской области от 20.07.2025 по делу № 2–3571/2025 // СудАкт. — URL: <https://sudact.ru/regular/doc/inRjvFkl3UWp/> (дата обращения: 29.05.2026).
13. Решение Подольского городского суда Московской области от 08.01.2025 по делу № 2А-9068/2024 // СудАкт. — URL: <https://sudact.ru/regular/doc/HhnzHMAItIo0/> (дата обращения: 29.05.2026).

Иностранные работодатели в Российской Федерации: проблемы правового регулирования

Карташова Алёна Евгеньевна, студент

Национальный исследовательский Томский государственный университет

В статье автор исследует правовые проблемы регулирования трудовых отношений с иностранными работодателями, осуществляющими деятельность на территории Российской Федерации. Анализируются особенности правового статуса транснациональных корпораций, дискуссионные вопросы применения коллизионных норм, а также концепция транснационального права как возможного механизма регулирования трансграничных трудовых отношений.

Ключевые слова: иностранный работодатель, транснациональная корпорация, трудовые отношения, транснациональное право, коллизионные нормы, локальные договоры.

Для решения многих вопросов, возникающих при регулировании трудовых отношений с иностранными работодателями на территории Российской Федерации,

недостаточно применения исключительно национального законодательства — необходим учет международных норм и особенностей правового статуса транснацио-

нальных корпораций. В настоящее время в Российской Федерации отсутствуют специальные нормы, регулирующие трудовые отношения с иностранными работодателями, что создает правовую неопределенность и требует обращения к доктринальным подходам и международному опыту.

Многонациональные предприятия представляют собой хозяйствующие субъекты, обладающие обособленными структурными единицами (филиалами, дочерними компаниями) на территориях иностранных государств. Критерием отнесения к данной категории является наличие подразделений за пределами страны происхождения или регистрации головной организации [1, с. 316].

Можно выделить ряд особенностей регулирования трудовых отношений с иностранным работодателем в Российской Федерации. Во-первых, правовое регулирование деятельности таких организаций осуществляется комплексно: внутренним законодательством страны, на территории которой они осуществляют свою деятельность, а также международными договорами. Во-вторых, отсутствуют специальные нормы для трудовых отношений с иностранными работодателями, что усиливает роль локальных договоров [2, с. 608]. В-третьих, наличие государственных границ усложняет процесс, требуя учета коллизий между правовыми порядками. Например, заключение коллективного договора в транснациональной компании требует решения вопросов о представительстве сторон, выборе применимого права, гарантиях для участников переговоров и согласовании действия договора в разных странах. Особую сложность представляют переводы сотрудников между филиалами, что влечет необходимость изменения трудовых договоров, соблюдения миграционных норм и обеспечения непрерывности социальных гарантий [3, с. 22].

В связи с необходимостью решения вышеупомянутых вопросов в правовой среде ведется дискуссия о порядке применения того или иного правового порядка при их столкновении в рамках регулирования трудовых отношений на территории двух и более государств. В связи с этим возникла и разрабатывается (Л. Н. Галенская, М. Гутцвиллер, Ф. Джессоп) идея транснационального права как

особой правовой категории, которая выходит за рамки национальных и международных правовых систем и объединяет механизмы регулирования, включающие как частные, так и публичные нормы, создавая тем самым иной правовой порядок, отличный от конкурирующих правовых порядков государств-участников транснациональных отношений [1, с. 316].

Критики, такие как Н. Л. Лютов, предупреждают о рисках признания транснационального права как равноправной системы. Это, по их мнению, может привести к усилению влияния транснациональных корпораций, которые, формально подчиняясь национальному праву, будут манипулировать нормами в своих интересах, усугубляя проблему «гонки на дно» (снижение социальных стандартов) [4, с. 569].

Дискуссия сводится к противоречию между необходимостью глобализации (через транснациональные механизмы) и защитой государственного суверенитета. Транснациональное право пока остается теоретической конструкцией, а практическое регулирование трансграничных трудовых отношений требует развития коллизионных норм в национальных законодательствах и создания межгосударственных объединений (например, ЕАЭС).

Представляется, что для совершенствования правового регулирования трудовых отношений с иностранными работодателями в Российской Федерации целесообразно:

- разработать и принять специальные нормы в Трудовом кодексе РФ, учитывающие особенности трудовых отношений с иностранными работодателями;
- закрепить коллизионные нормы, определяющие применимое право к трудовым отношениям с иностранным элементом;
- активизировать участие России в международных договорах, регулирующих трудовые отношения в транснациональных корпорациях;
- развивать механизмы социального партнерства на уровне транснациональных компаний с учетом международного опыта.

Литература:

1. Актуальные проблемы трудового права: учебник для магистров / отв. ред. Н. Л. Лютов. — М.: Проспект, 2018. — 688 с.
2. Ведерникова Л. А. Правовое регулирование трансграничных трудовых отношений в рамках Евразийского экономического союза / Л. А. Ведерникова // Журнал международного права и международных отношений. — 2016. — № 3–4 (78–79). — С. 22–27.
3. Галенская Л. Н. Правовое регулирование транснациональных отношений / Л. Н. Галенская. — СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2022. — 316 с.
4. Киселев И. Я. Трудовое право России и зарубежных стран. Международные нормы труда: учебник / И. Я. Киселев, А. М. Лушников; под ред. М. В. Лушниковой. — М.: Эксмо, 2008. — 608 с.

Преимущества и недостатки примирительных процедур в гражданском процессе

Комбикова Ева Ренатовна, студент

Национальный исследовательский Томский государственный университет

В статье анализируются преимущества и недостатки примирительных процедур в гражданском судопроизводстве.

Ключевые слова: примирительные процедуры, медиация, судебное примирение, гражданский процесс, альтернативное разрешение споров, мировое соглашение.

К числу основных преимуществ примирительных процедур относится их способность обеспечить оперативное и экономичное разрешение конфликта. По сравнению с традиционным судебным процессом, который часто затягивается из-за процессуальных сроков и многоступенчатости инстанций, примирительные механизмы позволяют сторонам урегулировать спор в значительно более короткие сроки. Примирительные процедуры способствуют снижению нагрузки на суды, уменьшению судебных издержек и повышению эффективности правосудия за счет переноса акцента с формальной состязательности на диалог сторон [1].

Еще одним преимуществом является сохранение или восстановление отношений между сторонами. Особенно ярко это проявляется в семейных, трудовых и наследственных делах, где конфликт часто выходит за рамки правовых вопросов. В таких ситуациях примирительные процедуры позволяют устранить не только юридические, но и личные противоречия. Примирение сторон не просто прекращает спор, но и выполняет важную социальную функцию, способствуя укреплению правопорядка и снижению конфликтности в обществе.

Следующее преимущество заключается в добровольности и равноправии сторон. В отличие от судебного решения, навязанного извне, примирительное соглашение основывается на свободном волеизъявлении участников. Это повышает вероятность его исполнения и снижает риск возникновения новых споров. Кроме того, в случае медиации сохраняется конфиденциальность переговоров, что особенно важно для споров, затрагивающих коммерческие или личные интересы сторон [2].

Применение примирительных процедур способствует формированию новой модели правосознания, основанной на идее правового диалога. Судопроизводство, ориентированное исключительно на вынесение решения, не всегда обеспечивает справедливое разрешение конфликта, тогда как примирительные процедуры позволяют достичь «живого» согласия между сторонами, придавая правосудию более социально ориентированный характер [3].

Однако, несмотря на очевидные достоинства, практика применения примирительных процедур выявляет и ряд существенных недостатков. Один из них связан с низким уровнем правовой информированности населения. Большинство граждан воспринимают обращение в суд как средство «выиграть спор», а не как возможность урегулировать его мирным путем. Отсутствие устойчивых тра-

диций медиативного поведения существенно ограничивает распространение примирительных механизмов.

Не менее значимой проблемой является недостаточная готовность судов активно использовать примирительные процедуры. В ряде случаев судьи формально предлагают сторонам возможность примирения, но фактически не предпринимают действий для организации переговоров или привлечения медиатора. Это связано как с высокой загруженностью судебной системы, так и с отсутствием стимулирующих механизмов для судей, способствующих мирному урегулированию споров [4].

Определенные сложности вызывает и вопрос профессиональной подготовки медиаторов и судебных примирителей. Несмотря на наличие Федерального закона № 193-ФЗ «О медиации», система сертификации специалистов в этой области остается несовершенной. Отсутствие единых стандартов подготовки и контроля качества деятельности медиаторов снижает доверие участников процесса к результатам примирения [5].

Кроме того, примирительные процедуры не всегда подходят для всех категорий споров. Их применение ограничено в случаях, когда затронуты публичные интересы, права третьих лиц или когда одна из сторон занимает заведомо недобросовестную позицию. В таких ситуациях попытки примирения могут привести к затягиванию процесса или ущемлению интересов другой стороны.

Несмотря на существующие трудности, многие исследователи сходятся во мнении, что недостатки примирительных процедур носят не системный, а организационный характер и могут быть устранены при дальнейшем совершенствовании законодательства и правоприменительной практики. Необходимыми условиями для этого являются повышение уровня правовой культуры граждан, активная позиция судов, развитие института судебных примирителей и внедрение в процесс цифровых технологий, упрощающих коммуникацию сторон [6].

Подводя итог, можно сделать вывод, что преимущества примирительных процедур значительно перевешивают их недостатки. Они позволяют достигать реального согласия между сторонами, экономить судебные ресурсы, способствуют формированию культуры правового сотрудничества и укреплению доверия к суду. Вместе с тем дальнейшее развитие этого института требует комплексного подхода, включающего совершенствование нормативной базы, подготовку квалифицированных медиаторов и повышение заинтересованности судов в содействии примирению.

Таким образом, примирительные процедуры в гражданском процессе можно рассматривать как одно из наиболее перспективных направлений развития отечественного правосудия. Их эффективное применение обеспечивает баланс

между интересами государства и личности, способствует укреплению правовой стабильности и формированию современного правосознания, основанного на идеях уважения, взаимопонимания и социальной справедливости.

Литература:

1. Голованов Н. М. Роль суда в обеспечении эффективного применения примирительных процедур // Актуальные проблемы российского права. — 2023. — № 12. — С. 146–157.
2. Альтернативное разрешение споров: учебник / под ред. Е. А. Борисовой. М.: Городец, 2019
3. Момотов В. В. Примирительные процедуры в цивилистическом процессе: законодательные новеллы и перспективы развития // КиберЛенинка. — 2024.
4. Трезубов Е. С. Проблемы эффективности судебного примирения в российском цивилистическом процессе // Журнал российского права. 2023. № 4.
5. Аболонин В. О. Судебная медиация: теория, практика, перспективы. М.: Инфотропик Медиа, 2014.
6. Верещагина Г. П. Современные проблемы развития примирительных процедур в гражданском судопроизводстве // Вестник гражданского процесса. — 2022. — № 4. — С. 88–97.

Тайна усыновления ребенка и средства ее сохранения

Комбикова Ева Ренатовна, студент

Национальный исследовательский Томский государственный университет

В статье исследуется институт тайны усыновления в российском праве, а также комплекс процессуальных, организационных и материально-правовых средств ее сохранения.

Ключевые слова: тайна усыновления, семейная тайна, усыновление, охрана прав ребенка, средства сохранения тайны.

Институт тайны усыновления является одной из уникальных черт отечественного семейного законодательства, поскольку в большинстве зарубежных стран аналогичный институт не предусмотрен. Тайна усыновления — это запрет раскрывать сведения о том, что ребенок был усыновлен, без согласия усыновителей. Согласно части 1 статьи 139 Семейного кодекса Российской Федерации, тайна усыновления ребенка охраняется законом [2]. Сведения об усыновлении можно рассматривать в качестве как семейной, так и личной тайны, что корреспондирует со статьей 23 Конституции РФ, гарантирующей право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну [1].

Значение тайны усыновления обусловлено прежде всего необходимостью защиты психологического состояния усыновляемого ребенка и создания подлинно родственных отношений между усыновителем и усыновленным. Внезапное раскрытие тайны усыновления может неблагоприятно повлиять на еще не устоявшуюся психику ребенка, что отразится как на приемных родителях, так и на усыновленном [8]. Разглашение сведений об усыновлении в большинстве случаев причиняет нравственные страдания ребенку, может затруднить его общение и воспитание.

Законодатель устанавливает круг лиц, обязанных сохранять тайну усыновления: судьи, вынесшие решение об усыновлении ребенка, должностные лица, осущес-

твлявшие государственную регистрацию усыновления, а также лица, иным образом осведомленные об усыновлении [2]. При этом Семейный кодекс не ограничивает обязанность соблюдения тайны усыновления какими-либо сроками.

В современной доктрине отмечается, что тайна усыновления не является абсолютной. Конституционный Суд РФ в Постановлении от 16 июня 2015 г. № 15-П указал, что при наличии определенных обстоятельств сведения о родителях усыновленного могут быть раскрыты для заинтересованных лиц, но только по решению суда. Потомки усыновленного после его смерти и смерти усыновителей могут получить сведения об усыновлении в объеме, необходимом для раскрытия генетической истории семьи [5].

Законодательством предусмотрен комплексный механизм средств сохранения тайны усыновления.

Процессуальные средства. В целях обеспечения охраняемой законом тайны усыновления суд рассматривает все дела данной категории в закрытом судебном заседании, включая объявление решения. Как разъясняет Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 20 апреля 2006 г. № 8, участвующие в рассмотрении дела лица должны быть предупреждены о необходимости сохранения в тайне ставших им известными сведений об усыновлении, а также о возможности привлечения к уголовной ответственности за разглашение тайны усыновления вопреки воле усыно-

вителя, что отражается в протоколе судебного заседания и подтверждается подписями указанных лиц [6].

Изменение актов записей. В целях обеспечения тайны усыновления закон предоставляет усыновителям право на изменение имени, фамилии, отчества ребенка, а также даты (в пределах трех месяцев) и места его рождения [2; 5].

Ограничение доступа к документам. Согласно статье 47 Федерального закона от 15 ноября 1997 г. № 143-ФЗ «Об актах гражданского состояния», работники органов записи актов гражданского состояния не вправе без согласия усыновителей сообщать какие-либо сведения об усыновлении и выдавать документы, из содержания которых видно, что усыновители не являются родителями усыновленного ребенка [4].

Подписка о неразглашении. На практике участники процесса дают подписку о неразглашении сведений, получаемых ими во время слушания дела, что является своеобразной гарантией сохранения тайны [7].

Также сохранению тайны усыновления способствует предусмотренная статьей 155 Уголовного кодекса Российской Федерации ответственность за ее разглашение вопреки воле усыновителя [3]. Непосредственным объектом данного преступления являются интересы семьи, родителей и детей, право на неприкосновенность частной жизни, личной и семейной тайны.

Объективная сторона состоит в разглашении тайны усыновления хотя бы одному лицу (в том числе самому усыновленному), сделанном без согласия усыновителя. Преступление считается оконченным с момента разглашения. Разглашение тайны усыновления возможно только в форме действия.

Субъект преступления может быть как общим (вменяемое лицо, достигшее 16 лет, разгласившее тайну из корыстных или иных низменных побуждений), так и специальным (лицо, обязанное хранить факт усыновления как служебную или профессиональную тайну). К специальным субъектам относятся судьи, работники органов опеки и попечительства, органов ЗАГС, а также руководители и работники воспитательных, образовательных и медицинских учреждений, где до усыновления находился ребенок.

Кроме того, за разглашение тайны усыновления может наступать гражданско-правовая ответственность в виде компенсации морального вреда.

Таким образом, институт тайны усыновления представляет собой комплексный межотраслевой правовой механизм, обеспечивающий защиту прав и законных интересов ребенка и усыновителей. Действующее законодательство предусматривает достаточный арсенал средств сохранения тайны усыновления, который служит важным инструментом охраны семейной тайны и предотвращения причинения вреда психологическому здоровью ребенка.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации: Основной закон от 12.12.1993 г.: в ред. от 01.07.2020 г.
2. Семейный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 29.12.1995 № 223-ФЗ: в ред. от 23.03.2026 г.
3. Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ: в ред. от 20.02.2026 г.
4. Федеральный закон от 15.11.1997 № 143-ФЗ «Об актах гражданского состояния».
5. Постановление Конституционного Суда РФ от 16.06.2015 № 15-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 139 Семейного кодекса Российской Федерации и статьи 47 Федерального закона «Об актах гражданского состояния» в связи с жалобой граждан Г. Ф. Гущина и Т. Г. Гущиной».
6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 20.04.2006 № 8 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел об усыновлении (удочерении) детей».
7. Акатов А. А. К вопросу о тайне усыновления // Вестник Саратовской государственной юридической академии. — 2018. — № 4 (123). — С. 119–124.
8. Романовская О. В. Тайна усыновления в российском праве // Гражданин и право. — 2015. — № 12.

Санация недействительного брака

Комбикова Ева Ренатовна, студент

Национальный исследовательский Томский государственный университет

В статье исследуется институт санации (конвалидации) недействительного брака в российском семейном праве.

Ключевые слова: санация брака, конвалидация, недействительность брака, фиктивный брак, стабильность семейных отношений.

Институт недействительности брака традиционно рассматривается как санкция за нарушение установленных законом условий и порядка его заключения. Однако

наряду с механизмом признания брака недействительным семейное законодательство закрепляет и обратный по направленности инструмент — возможность суда отказать

в таком признании и сохранить брак, если препятствовавшие ему обстоятельства к моменту рассмотрения дела отпали. В доктрине это явление получило наименование санации (оздоровления, конвалидации) недействительного брака и закреплено в статье 29 Семейного кодекса Российской Федерации [1]. Санация напрямую служит принципам стабильности семейных отношений и приоритетной защиты прав добросовестного супруга и несовершеннолетних детей, позволяя суду не разрушать фактически сложившуюся семью по формальным основаниям. При этом сам термин «санация» носит исключительно доктринальный характер: законодатель механизм закрепляет, но не именует его и не раскрывает его правовой природы. Обобщение практики применения статьи 29 СК РФ на высшем судебном уровне сформировано сравнительно недавно — в Обзоре судебной практики по делам о признании брака недействительным, утвержденном Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 14 декабря 2022 года [2].

Санация неотделима от самого понятия недействительности брака, а потому требует его предварительного уяснения. Согласно статье 27 СК РФ брак признается недействительным при нарушении условий его заключения, установленных статьями 12–14 и пунктом 3 статьи 15 Кодекса, а также при заключении фиктивного брака, то есть без намерения создать семью [1]. Недействительный брак следует отграничивать как от расторгнутого, так и от несостоявшегося. В отличие от расторжения, прекращающего действительный брак на будущее время, признание брака недействительным аннулирует его с обратной силой — с момента заключения, вследствие чего у супругов по общему правилу не возникает вытекающих из брака прав и обязанностей [6]. Именно ретроспективный характер недействительности и объясняет потребность в санации: закон допускает, что порок, имевшийся при заключении брака, может быть впоследствии устранен, и тогда сохранение брака оказывается более отвечающим интересам семьи, нежели его аннулирование.

Под санацией (конвалидацией) недействительного брака в науке семейного права понимается признание судом действительным брака, заключенного с нарушением закона, в случае отпадения к моменту рассмотрения дела обстоятельств, препятствовавших его заключению [4]. Институт этот близок по своей идее конвалидации недействительных сделок в гражданском праве, в основе которой лежат теории защиты доверия и видимости права, однако в семейно-правовой сфере он приобретает особое содержание, обусловленное личным характером брачных отношений и повышенной защитой интересов детей [5]. Существенно, что статья 29 СК РФ формулирует санацию как право, а не обязанность суда: закон уполномочивает суд признать брак действительным, но не предписывает этого во всех случаях, оставляя вопрос на усмотрение суда с учетом конкретных обстоятельств дела.

Перечень обстоятельств, устраняющих недействительность брака, вытекает из содержания статьи 29 СК РФ. Санация возможна прежде всего тогда, когда отпали пре-

пятствия к заключению брака: расторгнут или прекращен ранее заключенный другой брак; несовершеннолетний супруг достиг брачного возраста; восстановлена дееспособность лица, признанного недееспособным. Особый случай образует фиктивный брак: в силу пункта 3 статьи 29 СК РФ суд не может признать брак фиктивным, если лица, зарегистрировавшие его, до рассмотрения дела судом фактически создали семью, — в этом случае отпадает сам порок, то есть отсутствие намерения создать семью, вследствие чего брак не может быть признан недействительным по данному основанию [1]. Специальное правило действует и в отношении брака с несовершеннолетним: суд вправе отказать в иске о признании такого брака недействительным, если этого требуют интересы несовершеннолетнего супруга, а также при отсутствии его согласия на признание брака недействительным. Вместе с тем санация имеет пределы: она невозможна там, где порок в принципе не может отпасть, — прежде всего при заключении брака между близкими родственниками, поскольку такое родство неустранимо. Кроме того, в силу пункта 4 статьи 29 СК РФ расторгнутый брак по общему правилу вообще не может быть признан недействительным, за исключением случаев наличия между супругами запрещенной законом степени родства либо состояния одного из супругов в момент регистрации брака в другом нерасторгнутом браке [1]. Тем самым закон очерчивает круг наиболее серьезных нарушений, которые не поддаются оздоровлению и сохраняют значение даже после прекращения брака.

Практика применения статьи 29 СК РФ получила системное закрепление в Обзоре Верховного Суда РФ от 14 декабря 2022 года. Верховный Суд подтвердил, что суд может признать брак действительным, если к моменту рассмотрения дела отпали обстоятельства, препятствовавшие его заключению; при этом брак признается действительным с момента его регистрации, что подчеркивает ретроактивный, оздоравливающий эффект санации [2]. Так, действительным был признан брак, заключенный при наличии у одного из супругов прежнего нерасторгнутого брака, после того как этот первый брак был расторгнут. Аналогичным образом допускается санация брака с лицом, ранее признанным недееспособным, если его дееспособность впоследствии восстановлена, а супруги действовали добросовестно и создали семью. Обзор одновременно очерчивает и гарантии добросовестного супруга: вопросы его добросовестности и раздела имущества разрешаются судом лишь при заявлении соответствующих требований, а сам добросовестный супруг вправе требовать компенсации морального вреда в связи с нарушением его личных неимущественных прав [2, 3].

Несмотря на достаточно определенное нормативное регулирование, применение института санации сопряжено с рядом проблем. Прежде всего, отсутствие в законе самого термина и легального определения санации порождает доктринальные разночтения и затрудняет единообразное понимание природы этого механизма. Оценочный характер ряда оснований — в частности, установление факта «создания

семьи» при фиктивном браке или определение того, требуют ли санкции «интересы несовершеннолетнего супруга», — расширяет пределы судейского усмотрения и повышает риск непоследовательности практики. В литературе справедливо отмечается, что формирование единой правовой базы способно снизить число браков, признаваемых недействительными в судебном порядке [3, с. 140]. С учетом изложенного представляется целесообразным закрепление в семейном законодательстве понятия обстоятельств, устраняющих недействительность брака, с уточнением их перечня и критериев оценки, что обеспечило бы большую предсказуемость правоприменения при сохранении необходимой гибкости.

Проведенный анализ позволяет заключить, что санкция недействительного брака представляет собой са-

мостоятельный институт семейного права, выступающий исключением из общего правила о недействительности и направленный на охрану стабильности семьи и прав добросовестного супруга. Ее правовая природа определяется тем, что при отпадении порока, имевшегося при заключении брака, сохранение брака становится предпочтительнее его аннулирования, а реализация этого механизма отнесена законом к дискреции суда. Действующее правовое регулирование, дополненное правовыми позициями Верховного Суда РФ, в целом обеспечивает функционирование данного института, однако нуждается в терминологическом и содержательном уточнении, что и составляет основное направление его дальнейшего совершенствования.

Литература:

1. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (в ред. от 23.03.2026). Ст. 27–30 // СПС «КонсультантПлюс».
2. Обзор судебной практики по делам о признании брака недействительным (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 14.12.2022) // СПС «КонсультантПлюс».
3. Бондаренко И. В., Махиборода М. Н., Фроловская Ю. И. Правовые особенности признания брака недействительным (на основе Обзора судебной практики по делам о признании брака недействительным) // Закон и право. 2023. № 11. С. 136–140.
4. Михайлова М. А., Ерохина Е. В. Недействительность брака: проблемы правового регулирования // Мировая наука. 2020.
5. Тужилова-Орданская Е. М., Лукьяненко В. Е. Конвалидация недействительных сделок в российском праве // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2019. Вып. 45. С. 519–539.
6. Никогосян С. А. Отличия правовой природы недействительного брака от брака расторгнутого // Вестник экономики, права и социологии. 2011. № 2.

Собирание доказательств в уголовном процессе

Линкина Ирина Сергеевна, студент
Московский университет «Синергия»

В статье рассматривается собирание доказательств как начальный элемент процесса доказывания по уголовным делам. Раскрывается нормативное содержание статьи 86 УПК РФ, анализируются полномочия властных и невластных субъектов собирания доказательств, характеризуется научная дискуссия о соотношении понятий «собрание» и «формирование» доказательств. Отдельное внимание уделено неравенству процессуальных возможностей стороны защиты, работе с электронными носителями информации и использованию результатов оперативно-розыскной деятельности в доказывании. По итогам исследования сформулированы предложения по совершенствованию уголовно-процессуального законодательства.

Ключевые слова: уголовный процесс, доказывание, собирание доказательств, следственные действия, защитник, электронные носители информации, результаты оперативно-розыскной деятельности.

Evidence gathering in criminal proceedings

The article examines the collection of evidence as the initial element of the process of proving in criminal cases. The normative content of Article 86 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation is disclosed, the powers of state and non-state subjects of evidence collection are analyzed, and the scientific discussion on the relationship between the concepts of «collection»

and «formation» of evidence is characterized. Special attention is paid to the inequality of procedural capabilities of the defense, the handling of electronic media and the use of the results of operational-search activities in proving. Based on the results of the study, proposals for improving criminal procedure legislation are formulated.

Keywords: criminal procedure, proving, collection of evidence, investigative actions, defense counsel, electronic media, results of operational-search activities.

Доказывание образует сердцевину уголовного судопроизводства: от полноты и точности установления обстоятельств дела зависят законность итогового решения и в конечном счёте судьба конкретного человека. Согласно статье 85 УПК РФ доказывание состоит в собирании, проверке и оценке доказательств в целях установления обстоятельств, предусмотренных статьёй 73 УПК РФ [2]. Собираение доказательств открывает эту цепочку и во многом предопределяет её результат: ошибки и нарушения, допущенные на начальном этапе, как правило, невосполнимы и влекут признание полученных сведений недопустимыми в силу статьи 75 УПК РФ.

Актуальность обращения к данной теме объясняется несколькими обстоятельствами. Во-первых, законодатель, подробно регламентировав порядок отдельных следственных действий, так и не сформулировал легального определения собирания доказательств, что порождает разночтения в теории и на практике. Во-вторых, продолжает обостряться проблема фактического неравенства сторон: полномочия защитника по собиранию доказательств, закреплённые в части 3 статьи 86 УПК РФ, не подкреплены действенным механизмом их реализации. В-третьих, цифровизация всех сфер жизни привела к тому, что значительная часть доказательственной информации существует сегодня в электронной форме, к работе с которой классические процессуальные конструкции приспособлены не в полной мере.

Часть 1 статьи 86 УПК РФ устанавливает, что собирание доказательств осуществляется в ходе уголовного судопроизводства дознавателем, следователем, прокурором и судом путём производства следственных и иных процессуальных действий, предусмотренных законом [2]. Приведённая норма описывает круг субъектов и общий способ деятельности, однако не раскрывает её содержания. В доктрине на этот счёт сложилось несколько подходов. Согласно традиционной точке зрения собирание доказательств охватывает обнаружение, получение и процессуальное закрепление сведений, имеющих значение для дела. Ещё М. С. Строгович рассматривал собирание и закрепление доказательств как первую стадию доказательственной деятельности, за которой следуют их проверка и оценка [11].

Принципиально иную трактовку предложил С. А. Шейфер, обративший внимание на то, что доказательства не существуют в природе в готовом виде: следователь не «собирает» их подобно грибку, а формирует, придавая сведениям, содержащимся в следах преступления, надлежащую процессуальную форму [6]. Отсюда вывод о том, что термин «формирование доказательств»

точнее отражает существо рассматриваемой деятельности. Данную концепцию развивает С. Б. Россинский, подчёркивающий, что доказательство появляется лишь в момент облечения познанной информации в предусмотренную законом форму, а потому невластные участники процесса в строгом смысле слова доказательств не собирают — они лишь представляют предметы и документы, которые могут стать доказательствами [7]. Не отрицая познавательной ценности этой дискуссии, отметим, что для правоприменителя она имеет вполне практическое измерение: от ответа на вопрос, когда именно сведения приобретают статус доказательства, зависит оценка допустимости материалов, полученных вне следственных действий.

Круг субъектов собирания доказательств законодателем дифференцирован. Первую группу образуют властные субъекты — дознаватель, следователь, прокурор и суд, которые собирают доказательства путём производства следственных и иных процессуальных действий. Именно следственные действия — допрос, осмотр, обыск, выемка, следственный эксперимент, назначение судебной экспертизы и другие — остаются основным способом собирания доказательств, поскольку их процедура детально урегулирована законом и снабжена системой гарантий достоверности получаемых сведений. К иным процессуальным действиям принято относить истребование документов и предметов, требования, поручения и запросы, направляемые в порядке части 4 статьи 21 УПК РФ, а также получение объяснений и изъятие предметов и документов в ходе проверки сообщения о преступлении по статье 144 УПК РФ.

Вторую группу составляют невластные участники. В соответствии с частью 2 статьи 86 УПК РФ подозреваемый, обвиняемый, потерпевший, гражданский истец, гражданский ответчик и их представители вправе собирать и представлять письменные документы и предметы для приобщения их к уголовному делу в качестве доказательств. Часть 3 той же статьи наделяет защитника правом собирать доказательства путём получения предметов, документов и иных сведений, опроса лиц с их согласия, а также истребования справок, характеристик и иных документов от органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных объединений и организаций [2]. Схожие полномочия закреплены и в статье 6 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» [4].

Вместе с тем формальное признание за защитником права собирать доказательства не сопровождается созданием равных со стороной обвинения условий. Материалы, полученные адвокатом, становятся доказа-

тельствами не в момент их получения, а лишь после приобщения к делу следователем, дознавателем или судом, то есть по усмотрению процессуального оппонента либо органа, разрешающего дело. Результаты опроса лица защитником не имеют заранее установленной процессуальной формы, и на практике такой опрос нередко служит лишь основанием для заявления ходатайства о допросе соответствующего лица. Определённым шагом вперёд стало введение Федеральным законом от 17 апреля 2017 г. № 73-ФЗ части 2.2 статьи 159 УПК РФ, запретившей отказывать защитнику в приобщении доказательств, если обстоятельства, об установлении которых он ходатайствует, имеют значение для уголовного дела. Однако оценка значимости этих обстоятельств по-прежнему отнесена к усмотрению следователя, что сохраняет за стороной обвинения контроль над формированием доказательственной базы.

Самостоятельный блок проблем связан с собиранием доказательств, существующих в электронной форме. Информация, размещённая в памяти компьютеров и смартфонов, в облачных хранилищах, мессенджерах и социальных сетях, всё чаще оказывается ключевым источником сведений о преступлении. Законодатель отреагировал на эти изменения точно: статья 164.1 УПК РФ урегулировала порядок изъятия электронных носителей информации и копирования с них данных, предусмотрев по общему правилу участие специалиста. Тем не менее целостной концепции электронных доказательств уголовно-процессуальный закон не содержит: цифровые сведения приходится «втискивать» в традиционные категории вещественных доказательств и иных документов, что не всегда отражает их природу. Открытыми остаются вопросы удостоверения тождества копии и оригинала цифровых данных, фиксации сведений, находящихся на удалённых серверах, в том числе за пределами российской юрисдикции, а также сохранения свойства достоверности при многократном копировании.

Значительные сложности вызывает и использование в доказывании результатов оперативно-розыскной деятельности. Статья 89 УПК РФ сформулирована как запретительная: результаты ОРД не могут использоваться в доказывании, если они не отвечают требованиям, предъявляемым к доказательствам [2]. Из этой нормы, а также из положений статьи 11 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» [3] практика вывела механизм так называемой легализации: оперативные материалы представляются органу расследования и вводятся в дело посредством следственных и иных процессуальных действий — осмотра, приобщения в качестве вещественных доказательств или иных документов, до-

проса оперативных сотрудников. Как отмечается в литературе, уязвимость такой схемы состоит в ограниченной проверяемости происхождения оперативной информации, ведь условия её получения нередко составляют государственную тайну [12; 13]. Пленум Верховного Суда РФ ориентирует суды на то, что обвинительный приговор может быть основан лишь на достоверных доказательствах, когда по делу исследованы все возникшие версии, а имеющиеся противоречия выяснены и оценены [5], однако общих критериев допустимости результатов ОРД судебная практика так и не выработала.

Проведённый анализ даёт основания для ряда предложений. Первое: в статье 5 УПК РФ целесообразно закрепить легальное определение собирания доказательств как деятельности уполномоченных субъектов по обнаружению, получению и процессуальному закреплению сведений, имеющих значение для уголовного дела. Это сняло бы часть терминологических разногласий и задало единый масштаб оценки допустимости материалов, полученных вне рамок следственных действий. Второе: следует детализировать порядок реализации полномочий защитника, предусмотрев процессуальную форму фиксации опроса лица (протокол опроса с удостоверением личности опрашиваемого и его подписью) и установив, что отказ в приобщении представленных защитником материалов допускается только по мотивированному постановлению, подлежащему судебному обжалованию в порядке статьи 125 УПК РФ. Третье: назрела системная регламентация работы с цифровой информацией — от закрепления понятия электронного доказательства до унифицированных правил копирования данных и удостоверения их целостности. Четвёртое: процедуру представления результатов ОРД органу расследования следует перенести из ведомственных актов на уровень закона, установив в УПК РФ требования к оформлению и проверке таких материалов.

Подводя итог, отметим: собирание доказательств остаётся тем элементом доказывания, в котором наиболее рельефно проявляются и сильные стороны отечественной процессуальной формы, и её застарелые проблемы. Детальная регламентация следственных действий соседствует с декларативностью полномочий защиты, а точечные новеллы о цифровых носителях — с отсутствием целостного подхода к электронной информации. Дальнейшее развитие института видится не в разрушении сложившейся конструкции, а в её последовательной достройке: выравнивании возможностей сторон, законодательном освоении цифровой реальности и повышении прозрачности каналов, по которым непроцессуальная информация попадает в уголовное дело.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации. — URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 05.07.2026).

2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 2026 г.) // Собрание законодательства РФ. — 2001. — № 52 (ч. I). — Ст. 4921.
3. Федеральный закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» // Собрание законодательства РФ. — 1995. — № 33. — Ст. 3349.
4. Федеральный закон от 31.05.2002 № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. — 2002. — № 23. — Ст. 2102.
5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.11.2016 № 55 «О судебном приговоре» // Бюллетень Верховного Суда РФ. — 2017. — № 1.
6. Шейфер, С. А. Доказательства и доказывание по уголовным делам: проблемы теории и правового регулирования: монография / С. А. Шейфер. — 2-е изд., испр. и доп. — М.: Норма: ИНФРА-М, 2014. — 240 с.
7. Россинский, С. Б. Досудебное производство по уголовному делу: сущность и способы собирания доказательств: монография / С. Б. Россинский. — М.: Норма, 2021. — 408 с.
8. Лазарева, В. А. Доказывание в уголовном процессе: учебник для вузов / В. А. Лазарева. — М.: Юрайт, 2021. — 258 с.
9. Курс уголовного процесса / под ред. Л. В. Головки. — 3-е изд., испр. и доп. — М.: Статут, 2021. — 1328 с.
10. Безлепкина, Б. Т. Уголовный процесс в вопросах и ответах: учебное пособие / Б. Т. Безлепкина. — М.: Проспект, 2021. — 304 с.
11. Строгович, М. С. Курс советского уголовного процесса. Т. 1 / М. С. Строгович. — М.: Наука, 1968. — 470 с.
12. Доля, Е. А. Формирование доказательств на основе результатов оперативно-розыскной деятельности: монография / Е. А. Доля. — М.: Проспект, 2009. — 376 с.
13. Зажицкий, В. И. Результаты оперативно-розыскной деятельности в уголовном судопроизводстве: теория и практика / В. И. Зажицкий. — СПб.: Юридический центр Пресс, 2006. — 449 с.
14. Собираемые и формирование уголовных доказательств как элементы процесса доказывания: понятие, содержание, соотношение // КиберЛенинка. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sobiranie-i-formirovanie-ugolovnyh-dokazatelstv-kak-elementy-protsesssa-dokazyvaniya-ponyatie-soderzhanie-sootnoshenie> (дата обращения: 05.07.2026).
15. Представление доказательств адвокатом в уголовном судопроизводстве // КиберЛенинка. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/predstavlenie-dokazatelstv-advokatom-v-ugolovnom-sudoproizvodstve> (дата обращения: 05.07.2026).

Актуальные проблемы реализации имущества должника в рамках исполнительного производства и пути их решения

Макаров Александр Сергеевич, студент магистратуры

Уральский филиал Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева (г. Челябинск)

Оценка и реализация имущества должника — важный, но проблемный элемент исполнительного производства. На рынке много такого имущества, в судах регулярно возникают споры, а правовое регулирование содержит пробелы и противоречия. Кроме того, распространены схемы недобросовестного обогащения. При этом главная цель исполнительного производства — исполнить судебное решение, не нарушая прав граждан.

В науке теме уделяют недостаточно внимания: исследования в основном носят теоретический характер и не помогают решить практические проблемы. Цель статьи — предложить корректировки правового регулирования, которые защитят интересы всех участников процедур. В работе проанализирован действующий порядок оценки и реализации имущества, изучен зарубежный опыт, выявлены недостатки текущих процедур и сформулированы предложения по совершенствованию законодательства.

Ключевые слова: исполнительное производство, имущество должника, оценка имущества, ФССП России.

Институт реализации имущества должника имеет длительную историческую традицию в российском праве: в порядке и в настоящее время сохраняет существенное значение в системе исполнительного производства.

В рамках исполнительного производства оценке подлежит арестованное имущество должника. Действующее законодательство предусматривает два подхода к осуществлению

оценочных действий: самостоятельная оценка имущества судебным приставом-исполнителем и привлечение независимого оценщика.

Согласно положениям Федерального закона от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» (далее — ФЗ № 229-ФЗ), судебный пристав-исполнитель вправе самостоятельно произвести оценку имущества

при одновременном соблюдении следующих условий: предварительная стоимость имущества не превышает 30 000 рублей; стороны исполнительного производства согласны с оценкой, предложенной приставом.

При определении стоимости пристав исходит из рыночной цены аналогичных товаров. Обязательное привлечение оценщика предусмотрено в случаях: несогласия сторон с оценкой, произведённой приставом; необходимости оценки отдельных категорий имущества, перечисленных в п. 2 ст. 85 ФЗ № 229ФЗ (в том числе недвижимости, предметов, имеющих историческую ценность, драгоценных металлов и др.); стоимости имущества свыше 30 000 рублей.

Исудебный пристав, и привлечённый оценщик устанавливают рыночную стоимость актива, понятие которой закреплено в Федеральном законе от 29 июля 1998 г. № 135ФЗ «Об оценочной деятельности в Российской Федерации» (далее — ФЗ № 135ФЗ). В соответствии с указанным нормативным актом рыночная стоимость предполагает совершение сделки в условиях конкуренции, которая возможна при соблюдении ряда условий: добровольности сделки, достаточной информированности сторон о предмете сделки и реализации ими собственных интересов.

Результаты оценки, независимо от того, кем она была произведена, могут быть обжалованы в порядке подчинённости либо оспорены в судебном порядке. При этом если оспаривается оценка, самостоятельно произведённая приставом в отношении имущества стоимостью не более 30 000 рублей, расходы на привлечение оценщика возлагаются на сторону, заявившую несогласие.

Законодательством предусмотрены два вида реализации имущества: самореализация должником и принудительная реализация.

Право на самостоятельную реализацию имущества предоставлено должнику в отношении объектов стоимостью не более 30 000 рублей.

Принудительная реализация осуществляется специализированными организациями в одной из следующих форм: 1) на комиссионных началах; 2) посредством публичных торгов (аукциона).

На комиссионных началах реализуется имущество стоимостью до 500 000 рублей включительно, за исключением отдельных категорий, прямо указанных в ФЗ № 229ФЗ (недвижимость, ценные бумаги, предметы, имеющие историческую ценность, и иные объекты особого рода). Имущество стоимостью свыше 500 000 рублей, а также объекты, перечисленные в п. 2 ст. 85 ФЗ № 229ФЗ, подлежит реализации иным способом — преимущественно через публичные торги.

Во всех случаях принудительной реализации имущество передаётся Росимуществу, которое вправе заключить договор комиссии со специализированными организациями для его дальнейшей реализации. Сведения о реализуемом имуществе размещаются на официальных интернет-ресурсах Росимущества и Федеральной службы судебных приставов (ФССП России), а при проведении торгов — также в печатных изданиях.

Срок реализации имущества составляет два месяца. В случае если по истечении первого месяца имущество (за исключением реализуемого на торгах) не было продано, судебный пристав вправе снизить его стоимость на 15 % относительно установленной рыночной стоимости. Если в течение второго месяца реализация не состоялась, пристав предлагает взыскателю принять имущество по цене, сниженной на 25 % от рыночной стоимости. При отказе взыскателя от принятия имущества оно возвращается должнику.

В российском законодательстве отсутствует легальное определение понятия «торги». В научной среде исследователи предлагают различные подходы. Например, О. М. Фоминых, анализируя разные концепции, определяет торги через их ключевую функцию: они способствуют заключению договора на наиболее выгодных условиях благодаря конкуренции между, как минимум, двумя потенциальными контрагентами. В правовой доктрине торги также рассматривают с разных сторон: как способ заключения договора (М. И. Брагинский, В. В. Витрянский), как правовой механизм, упорядочивающий взаимодействие участников, или как особый юридический факт, влекущий возникновение правоотношений.

В контексте исполнительного производства используется термин «публичные торги». Их отличают специфические признаки. Во-первых, открытость: к участию допускается неопределённый круг лиц. Во-вторых, публичный интерес — организация и проведение таких торгов направлены на реализацию задач исполнительного производства, то есть на обеспечение исполнения судебного решения или исполнительного документа. В правовой литературе дополнительно акцентируют такие принципы, как законность, гласность процедуры, исключение необоснованного влияния организатора на выбор победителя, а также стремление к тому, чтобы итоговая сделка отвечала интересам общества и государства. По форме в исполнительном производстве публичные торги, как правило, проводятся в виде аукциона: победителем становится участник, предложивший наибольшую цену путём пошагового её увеличения.

Что касается процедурных правил, они действительно важны для понимания рисков и механизмов корректировки. Закон устанавливает, что торги должны быть проведены в течение двух месяцев со дня передачи имущества организатору. Основаниями для признания торгов несостоявшимися выступают несколько обстоятельств: участие менее двух лиц, отсутствие предложений о повышении цены над начальной (в этом случае на повторных торгах цена снижается на 15 %), а также неоплата победителем стоимости имущества в установленный срок. Если и повторные торги не состоялись, закон предоставляет взыскателю право оставить имущество за собой — по цене, сниженной на 25 % относительно рыночной.

Таким образом, природа публичных торгов в исполнительном производстве двойственна: с одной стороны, это гражданско-правовой механизм выявления наиболее выгодного предложения через конкуренцию, с другой —

инструмент реализации публично-правовых задач, обеспечивающий законность и прозрачность обращения взыскания на имущество должника.

Изучение зарубежного опыта регулирования процедур реализации имущества должника позволяет выявить альтернативные модели принудительного исполнения, отличающиеся по степени вовлечённости публичных органов, формам продажи и гарантиям прав участников. Ниже приведён анализ подходов ряда государств, представляющих интерес с точки зрения возможных заимствований и сравнительной оценки эффективности механизмов обращения взыскания.

Французская Республика. Во Франции законодательство предоставляет должнику месячный срок для самостоятельной реализации имущества. Если в течение этого времени объект не продан, он подлежит принудительной реализации, которую осуществляют негосударственные лицензированные фирмы. Такой подход отражает баланс между правом должника на добровольное исполнение и необходимостью принудительного взыскания при неисполнении обязательства.

Соединённые Штаты Америки. В США реализация имущества должника проводится специальными корпорациями, обладающими соответствующим разрешением на осуществление данной деятельности. Модель характеризуется высокой степенью делегирования функций по принудительному исполнению частным структурам при сохранении государственного контроля за соблюдением процедуры.

Республика Беларусь. В Республике Беларусь арестованное имущество должника (за исключением активов, продажа которых экономически нецелесообразна) реализуется судебным приставом посредством торгов либо через лицензированные торговые организации. Важной гарантией прав должника выступает право на самостоятельную реализацию имущества после наложения ареста и проведения оценки — при условии получения письменного разрешения судебного пристава и продажи по цене не ниже указанной в акте об аресте либо в отчёте специалиста. Пристав устанавливает конкретный срок реализации. Отказ в разрешении возможен, если самостоятельная продажа может воспрепятствовать правильному, полному и своевременному исполнению исполнительного документа.

Таким образом, видно, что оценка и реализация имущества должника в Российской Федерации несколько отличаются от аналогичных процедур в иностранных государствах. За рубежом расширены сроки и основания самостоятельной реализации имущества должником, разработаны эффективные подходы к решению проблемы нереализованного имущества. Анализ зарубежного опыта говорит о возможности его использования в отечественной правовой системе. Однако бездумная имплементация зарубежных инструментов нецелесообразна. Ей должно предшествовать детальное исследование существующих на сегодняшний день проблем в сфере оценки и реализации имущества должника с целью фор-

мулировки конкретных направлений развития этого института.

Исходя из раскрытой выше процедуры реализации имущества должника в Российской Федерации, ее отличительных особенностей в сравнении с практикой иностранных государств, необходимо отдельно рассмотреть вопрос о недостатках указанной процедуры, имеющих место в настоящее время. К ним можно отнести следующие:

- несоответствие процедуры оценивания понятию «рыночная стоимость», зафиксированному в ФЗ № 135-ФЗ;
- факторы, влияющие на несправедливость оценки имущества, — сжатые сроки представляют собой некое ограничение права должника реализовать имущество с соблюдением такого параметра, как конкуренция;
- нереализованное имущество, переданное взыскателю, не удовлетворяет интересы последнего;
- публичные торги в виде аукциона как способ определения покупателя имущества должника являются заимствованием зарубежного подхода, вследствие чего они не пользуются большой популярностью в нашей стране;
- отсутствует необходимая осведомленность населения о возможности приобретения имущества должников на торгах или через комиссионное начало, информация о реализуемом имуществе представлена в крайне скудном объеме.

В ст. 3 ФЗ № 135-ФЗ рыночная стоимость определяется при условии, что ни одна из сторон не обязана совершать сделку. Но в исполнительном производстве ситуация иная: и должник (при самореализации), и пристав (при принудительной реализации) по закону обязаны реализовать имущество. Уже на этом этапе возникает разрыв: процедура по своей природе предполагает вынужденность, а норма требует добровольности.

Осведомлённость и интерес. Пристав действует не в собственном коммерческом интересе, а в интересах взыскателя и для исполнения судебного акта. Его задача — скорее продать, чем максимизировать цену для должника.

Способ представления товара. На открытом рынке товар обычно выставляется через публичную оферту (например, на площадках вроде «Авито»). В исполнительном производстве механизм иной — торги, где условия задаёт организатор, и это не всегда сопоставимо с типичным рыночным представлением.

Справедливость цены и принуждение. Срочность реализации часто ведёт к тому, что цена оказывается ниже той, которую можно было бы получить в нормальных условиях. А само слово «принудительная» в названии процедуры прямо указывает на элемент принуждения, который норма исключает из определения рыночной стоимости.

На практике именно из-за этого разрыва в профессиональной среде действительно распространена позиция: в таких условиях оценщику корректнее определять не рыночную, а ликвидационную стоимость. В том же ФЗ № 135-ФЗ она прямо описана как расчётная величина для ситуации, когда продавец вынужден совершить сделку за срок, меньший типичного для рыночных условий. При

расчёте ликвидационной стоимости оценщик применяет понижающие коэффициенты, учитывающие срочность, издержки на реализацию, состояние имущества и рыночную конъюнктуру. При этом важно не впадать в крайность: не все случаи принудительной реализации автоматически означают недобросовестность должника. Причины могут быть разными (финансовый кризис, потеря дохода), поэтому подход, который всегда сводит ситуацию к «санкции» за недобросовестность, действительно может нарушать права должника.

Несогласие с оценкой. Должники нередко оспаривают отчёт, указывая на поверхностный анализ объекта, игнорирование отдельных характеристик или явное занижение.

Риск сговора. В дискуссиях действительно всплывает тема возможного сговора оценщика с приставами или другими заинтересованными лицами. Сложность доказывания здесь связана с тем, что нужно выявить прямой умысел, а на оценку влияет множество динамических факторов (экономика, спрос, износ).

Сезонность. Жёсткие сроки реализации не учитывают сезонный спрос. Это дополнительный фактор, который может исказить итоговую цену.

Нереализованное имущество. Если имущество не удалось продать даже после снижения цены, его предлагают взыскателю. При этом передача происходит по цене, сниженной ещё сильнее (на 25 % от оценочной), что тоже не всегда выгодно взыскателю.

Институт торгов в российском правовом поле имеет заимствованный характер: первое упоминание о них в отечественном законодательстве относится к XVII веку, а до этого времени подобная форма имущественных отношений в России не применялась. Это позволяет говорить о длительном процессе адаптации данного механизма к национальным правовым и социальноэкономическим условиям.

Низкая востребованность приобретения имущества на торгах среди широких слоёв населения остаётся значимой проблемой. Статистически и эмпирически подтверждается, что значительная часть граждан не обладает даже базовыми представлениями о порядке участия в публичных торгах. Фактически участие в торгах (в том числе в рамках исполнительного производства и процедур банкротства) характерно преимущественно для лиц, обладающих достаточным уровнем юридической и экономической подготовки.

Дополнительным фактором, снижающим доступность торгов для добросовестных участников, выступает вовлечение в процедуру частных организаций. На практике это создаёт риски злоупотреблений: отдельные субъекты могут использовать организационные механизмы для ограничения конкуренции и обеспечения преимуществ отдельным участникам, преследуя незаконные корыстные цели.

Таким образом, использование публичных торгов как способа определения покупателя имущества должника имеет двойственный эффект. С одной стороны, торги

объективно позволяют выявить реальную рыночную цену — ту, по которой покупатель действительно готов приобрести объект. С другой стороны, сложность процедуры, низкая информированность населения и риски недобросовестного поведения отдельных участников существенно снижают эффективность механизма и ограничивают круг потенциальных покупателей.

Последняя проблема из обозначенных выше состоит в том, что несведущему в вопросах реализации имущества должников населению не разъясняется ясно, точно и в полном объеме информация о продаже арестованного имущества. Согласно законодательству, информация должна размещаться в сетях общего пользования или в печатных изданиях, однако то, в каком объеме и порядке должна происходить публикация, не конкретизировано. Никто не будет спорить, что печатные издания ныне пользуются не очень большой популярностью, так что упоминание в законодательстве о такой форме извещения теряет свою актуальность. Как видится, такого объема информирования недостаточно, потому как узнать о возможности приобретения арестованного имущества сможет только человек, умышленно заинтересовавшийся этим вопросом. И более того, участвовать в приобретении таких товаров будет лишь гражданин, обладающий знаниями в этой сфере, о чем уже говорилось ранее.

Таким образом, рассмотренный ряд проблем в основном связан с тем, что законодательство в сфере реализации имущества должника не регламентирует формировавшиеся на протяжении всего развития общества, устоявшиеся в сознании людей, знакомые и понятные им способы взаимоотношений в социуме, а создает новые, оторванные от реальности конструкции. Это ведет к снижению эффективности исполнительного производства в целом. Уместно отметить, что указанные недостатки могут быть решены без применения каких-либо инновационных технологий или расширения участия частных организаций в процессе реализации имущества должника.

Анализ выявленных недостатков процедур оценивания и реализации имущества должника позволил сформулировать ряд направлений по их устранению:

- конкретизация обязанностей лиц, оценивающих имущество должника, по определению рыночной стоимости;
- развитие института самореализации должником своего имущества, увеличение сроков принудительной реализации в этой связи;
- поэтапное снижение цены на имущество при принудительной реализации как способ решения проблемы нереализованного имущества;
- просвещение населения в области продажи имущества должников, увеличение объема информации, предоставляемой для потенциальных покупателей;
- унификация процедуры торгов на электронных площадках с целью повышения их законности и доступности для населения;

Анализ действующего правового регулирования позволяет констатировать наличие коллизии между положениями Федерального закона от 2 октября 2007 г. № 229ФЗ «Об исполнительном производстве» и Федерального закона от 29 июля 1998 г. № 135ФЗ «Об оценочной деятельности в Российской Федерации» в части определения стоимости имущества должника. Для устранения указанной коллизии представляется целесообразным закрепить приоритет норм ФЗ № 135ФЗ при определении стоимости имущества в исполнительном производстве. Это обеспечит единообразное понимание категории «рыночная стоимость» и исключит подмену её ликвидационной стоимостью в качестве общего правила. С целью преодоления противоречий в правоприменении необходимо внести изменения в ФЗ № 229ФЗ, прямо предусматривающие, что судебный пристависполнитель и привлечённый оценщик обязаны определять рыночную стоимость имущества в соответствии с дефиницией, закреплённой в ФЗ № 135ФЗ. Потребность в определении ликвидационной стоимости может сохраняться лишь в исключительных случаях, обусловленных объективными обстоятельствами, и должна быть специально оговорена в законе. При этом снижение цены в ходе реализации следует обеспечивать не за счёт изначального занижения стоимости, а посредством поэтапного уменьшения начальной цены при отсутствии спроса.

Для минимизации рисков недобросовестной оценки целесообразно предусмотреть следующие гарантии: отсутствие верхнего предела цены при самостоятельной реализации имущества должником — это стимулирует продажу по максимально возможной цене; право должника оспаривать результаты оценки в порядке подчинённости либо в судебном порядке, если он полагает, что стоимость завышена либо занижена; усиление контроля за деятельностью оценщиков, включая обязанность подробного обоснования применяемых методов и корректировок.

Самостоятельная реализация имущества должником обладает рядом преимуществ по сравнению с принудительной продажей: должник как собственник и заинтересованное лицо мотивирован продать имущество по максимально возможной цене, чтобы быстрее погасить долг. Кроме того, это снижает риски злоупотреблений со стороны третьих лиц (в том числе специализированных организаций и организаторов торгов).

В целях развития данного института предлагается:

- предоставить должнику право реализовывать любое принадлежащее ему имущество любым законным способом (в том числе путём прямой продажи, размещения объявлений и т. п.) при условии документального подтверждения факта и условий сделки;

- установить срок самостоятельной реализации в раз-
мере одного года с момента передачи имущества на реализацию. При этом судебный пристависполнитель должен иметь право ходатайствовать о сокращении срока при наличии достаточных оснований (например, риск утраты или существенного снижения стоимости имущества). Ре-

шение пристава подлежит обжалованию в порядке подчинённости или в суде;

- предусмотреть право должника ходатайствовать о снижении цены имущества при отсутствии спроса, при условии соблюдения минимальных гарантий (цена не должна быть ниже стоимости, определённой оценщиком или приставом, без надлежащего обоснования);

- ввести систему отчётности должника о предпринятых мерах по реализации имущества. В случае бездействия должника судебный пристав вправе прекратить процедуру самостоятельной реализации, но только при наличии мотивированного решения, где отсутствие оснований должно толковаться в пользу должника;

- сохранить механизм перехода к принудительной реализации по истечении установленного срока, с поэтапным снижением цены при отсутствии спроса — это будет выступать стимулом для должника действовать активно.

Одним из наиболее действенных способов повышения вероятности продажи имущества должника выступает механизм поэтапного снижения начальной цены. Такой подход уже апробирован в процедурах банкротства и доказал свою эффективность на практике: он позволяет гибко реагировать на рыночный спрос и увеличивать шансы на реализацию объекта.

Предлагается установить следующий порядок поэтапного снижения цены при принудительной реализации: снижение цены — каждые 10 дней на 15 % от предыдущей стоимости; общий срок действия механизма — в течение двух месяцев; определение победителя — по принципу раннего поступления электронной заявки, автоматически регистрируемой системой (firstcome, firstserved). Такой подход повышает прозрачность и исключает субъективность при определении победителя. При этом взыскателю должно быть предоставлено право в любой момент остановить процедуру реализации и принять имущество в счёт погашения долга по актуальной цене. Это позволит соблюсти баланс интересов: взыскатель сможет либо дожидаться более выгодной продажи, либо получить имущество, если динамика торгов не отвечает его ожиданиям. Важно подчеркнуть, что поэтапное снижение цены предпочтительнее изначального определения ликвидационной стоимости: оно сохраняет потенциал для продажи по более высокой цене, если спрос проявится на ранних этапах, и лишь при отсутствии интереса постепенно адаптирует цену к рыночным условиям.

Недостаточный объём и низкое качество информации о реализуемом имуществе существенно ограничивают круг потенциальных покупателей и снижают конкуренцию на торгах. Для повышения прозрачности и доступности процедур предлагается комплекс мер: расширить каналы информирования о торгах за счёт использования популярных медиаресурсов (телевидение, крупные паблики в социальных сетях), ориентированных на широкую аудиторию; повысить детализацию сведений об объектах реализации: обязательно размещать

фотографии, достоверные данные о техническом и качественном состоянии имущества, а также иную значимую информацию, влияющую на принятие решения о покупке; использовать лучшие практики коммерческих интернет-площадок («Авито», «Циан», «Яндекс Недвижимость»), где востребованность обеспечивается именно за счёт полноты информации, удобства поиска и возможности взаимодействия с продавцом. Реализация этих мер позволит привлечь большее количество участников, повысить конкуренцию и, как следствие, итоговую цену продажи.

Таким образом, на основании проведённого исследования и анализа недостатков процедур оценки и реализации имущества должника сформулированы следующие направления совершенствования рассматриваемого института:

Конкретизация законодательства в области оценки имущества. Необходимо устранить коллизию между ФЗ № 229ФЗ и ФЗ № 135ФЗ, закрепив приоритет норм об оценочной деятельности при определении стоимости имущества в исполнительном производстве. Целесообразно прямо предусмотреть в законе, что в общем случае подлежит определению рыночная стоимость, а ликвидационная — только в специально оговорённых исключительных ситуациях.

Закрепление самостоятельной реализации должником в качестве приоритетного способа отчуждения имущества при наличии имущественных требований взыскателя. Срок самостоятельной реализации предлагается увеличить до одного года с момента передачи имущества на реализацию, предусмотрев при этом систему отчётности должника и право судебного пристава-исполнителя мотивированно сократить срок либо прекратить процедуру при бездействии должника. Решение пристава должно быть доступно для обжалования.

Литература:

1. Федеральный закон от 2 октября 2007 г. № 229ФЗ «Об исполнительном производстве».
2. Федеральный закон от 29 июля 1998 г. № 135ФЗ «Об оценочной деятельности в Российской Федерации».

Понятие, сущность и элементы состязательности сторон в уголовном судопроизводстве

Панков Даниил Юрьевич, студент магистратуры
Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина

В данной статье даются понятие, сущность и элементы состязательности в уголовном судопроизводстве Российской Федерации. Дается содержание принципа состязательности.

Ключевые слова: состязательность, правосудие, Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации, уголовное судопроизводство.

Термин «состязательность» в науке уголовного процесса употребляется достаточно широко и в первую очередь для характеристики процесса в целом. Данное еще

Внедрение механизма поэтапного снижения цены при принудительной реализации. В случае перехода к принудительной продаже целесообразно установить поэтапное снижение начальной цены каждые 10 дней на 15 % в течение двух месяцев. Определение победителя следует осуществлять по принципу автоматической регистрации первой поступившей электронной заявки, что повысит прозрачность процедуры.

Расширение объёма и унификация представления информации о реализуемом имуществе. Для повышения конкуренции и итоговой цены продажи необходимо обеспечить размещение подробных сведений об объектах (включая фотографии, данные о техническом состоянии и иные значимые характеристики) на единых информационных ресурсах. Целесообразно использовать лучшие практики коммерческих площадок в части удобства поиска и полноты данных.

Развитие альтернативных механизмов погашения задолженности при отсутствии имущества и доходов у должника. Вместо мер, предполагающих принудительный труд, следует совершенствовать инструменты, позволяющие должнику исполнять обязательства с учётом его реальных возможностей: расширение практики предоставления рассрочки или отсрочки исполнения, установление гибких графиков погашения задолженности, а также улучшение механизмов выявления иных активов (в том числе цифровых прав, долей в уставном капитале, прав требования).

Реализация данных предложений позволит повысить эффективность исполнительного производства, обеспечить прозрачность и предсказуемость процедур, а также гарантировать соблюдение баланса прав и законных интересов взыскателя и должника.

в советский период определение актуально и по сей день, так по мнению М. С. Строговича «...состязательность — это такое построение судебного разбирательства, в ко-

тором обвинение отделено от суда, решающего дело, и в котором обвинение и защита осуществляются сторонами, наделенными равными правами для отстаивания своих утверждений и оспаривания утверждений противной стороны, причем обвиняемый (подсудимый) является стороной, пользующейся правом на защиту; суду же принадлежит руководство процессом, активное исследование обстоятельств дела и решение самого дела» [3, с. 149.].

По мнению В. Г. Даева, «суть принципа состязательности заключается не просто в разделении функций участников судопроизводства, а в их противопоставлении, в выделении противоборствующих «состязующихся» групп, в обособлении особой функции обвинения как движущей силы процесса» [2, с. 71.].

Состязательность принято рассматривать как форму осуществления судопроизводства, а также как конституционный принцип. Все указанные определения сводятся к следующему, во-первых, к наличию независимых сторон, во-вторых, к обязательности установления цели противоборства между ними. «В анализе доказательств, их представлении, заявлении ходатайств об их истребовании или получении, их оценке и состоит сущность состязания» [1, с. 141–151.].

Суть принципа состязательности заключается в том, что закон предписывает участникам уголовного процесса определенные действия и способы их выполнения. Это необходимо для того, чтобы в процессе разбирательства существовало, как бы странно это не звучало, настоящее соревнование между сторонами, где каждая сторона имеет возможность отстаивать свои интересы и цели.

Существует проблема правовой незащищенности потерпевшего при расхождении его позиции с позицией государственного обвинителя. Отказ прокурора от обвинения оставляет потерпевшего один на один с процессом, при этом УПК не содержит детального порядка действий для потерпевшего лица. Единственным закрепленным инструментом защиты в данном случае остается право на апелляционное обжалование, что явно недостаточно для полноценного обеспечения интересов потерпевшего.

Анализируя элементы принципа состязательности сторон в уголовном судопроизводстве, следует подчеркнуть, что в действительности выделяют следующие компоненты: 1) разделение функций обвинения, защиты и правосудия (разрешения уголовных дел); 2) наделение сторон равными процессуальными правами для осуществления своих функций; 3) руководящее положение суда в процессе и предоставление только суду права принимать решение по делу.

Кроме указанных элементов, можно выделять еще два: 1) наличие правового спора между сторонами по поводу доказательств по уголовному делу; 2) наличие цели состязательности, такой как всестороннее, объективное и полное установление всех обстоятельств совершенного деяния для разрешения дела.

В настоящее время в соответствии с положениями УПК РФ, если уголовное дело возбуждается в отношении конкретного лица, то с этого момента он приобретает статус

подозреваемого и с этого момента к участию допускается защитник. Следовательно, уже с момента возбуждения уголовного дела прослеживается принцип состязательности сторон.

Несмотря на закрепление в УПК РФ положения о том, что функция обвинения, защиты и разрешения уголовного дела не могут быть возложены на одни и тот же орган или одно и то же должностное лицо, оно противоречит ч. 2 ст. 16 УПК РФ, согласно которой органы уголовного преследования, осуществляющие функцию обвинения, обязаны осуществлять также функцию защиты — разъяснять подозреваемому и обвиняемому их права и обеспечивать им возможность защищаться всеми не запрещенными УПК РФ способами и средствами. Кроме того, следует отметить, что в процессе доказывания по уголовным делам следователь, дознаватель обязаны установить не только событие преступления, но также и наличие обстоятельств, исключающих преступность и наказуемость деяния, обстоятельства, смягчающие наказание (ст. 73 УПК РФ) [4], что на наш взгляд, также свидетельствует о наличии в их полномочиях не только функции обвинения, но и функции защиты. Все это свидетельствует, что указанные участники со стороны обвинения должны быть выделены в самостоятельную группу участников, которые выполняют функцию уголовного преследования, которая, на наш взгляд, является более широкой, чем функция обвинения. Это подтверждается и наличием следующего элемента принципа состязательности — наличие равных процессуальных полномочий для выполнения своих функций.

Согласно ч. 4 ст. 15 УПК РФ стороны обвинения и защиты равны лишь перед судом, однако не следует полагать, что стороны наделены и пользуются равными процессуальными правами. Состязательность имеет место даже тогда, когда стороны наделены неравными правами. Практически уравнивать стороны во всех правах невозможно.

Важно понимать, что возможности судьи не одинаковы на разных этапах процесса. Если в зале суда его влияние очевидно, то на стадии предварительного следствия роль судьи выглядит куда менее определенной и вызывает немало вопросов.

Суд должен придерживаться максимально пассивной позиции в процессе доказывания, хотя в процессе исследования их в судебном разбирательстве, роль судьи меняется и становится более значимой.

Кроме указанных трех элементов состязательности, еще одним не менее важным является наличие спора или разногласий между сторонами, а в отдельных случаях и между участниками, представляющими одну из сторон.

Если между сторонами отсутствует правовой спор, то достаточно сложно говорить о наличии состязательного начала. Участники обвинения реализуют правомочия по изобличению виновных, но при этом не лишены обязанности выяснения всех имеющих для разрешения уголовного дела обстоятельств, в том числе исключающих преступность деяния, а также смягчающих наказание.

Сторона же защиты осуществляет подбор доказательств, позволяющих оправдать лицо, привлекаемое в качестве обвиняемого, либо служащих основанием для освобождения, а также смягчающих наказание.

Отдельным элементом принципа состязательности хотелось бы указать его цель. Исходя из законодательного содержания принципа состязательности, законодатель хотя и положил в основу действующего уголовного процесса состязательность сторон, но не сформулировал цель его закрепления. Состязательность призвана обеспечить всесторонность, полноту и объективность расследования.

Статья 6 УПК РФ усеченно закрепляет назначение уголовного судопроизводства. Назначение виновным справедливого наказания в той же мере отвечают назначению уголовного судопроизводства, что и отказ от уголовного преследования невиновных, освобождение от наказания, реабилитация каждого, кто необоснованно подвергся уго-

ловному преследованию. Исходя из данного положения, следует констатировать, что принцип состязательности сторон позволяет достичь устойчивого равновесия между функциями обвинения и защиты, в целях всестороннего, полного и объективного установления обстоятельств уголовного дела.

Резюмируя, стоит отметить о необходимости закрепления возможности сочетания в деятельности одного и того же органа или должностного лица функций обвинения и защиты для достижения сформулированной цели. Так, следователь должен установить событие преступления, а также выявить наличие или отсутствие обстоятельств, исключающих преступность или наказуемость деяния, а равно обстоятельства, смягчающие наказание. Выяснение данных обстоятельств свидетельствует о том, что следователь сочетает в своей деятельности несколько функций, но с преобладанием функции обвинения.

Литература:

1. Азаренок Н. В. Обусловленность состязательности в уголовном процессе // Российский юридический журнал. — 2013. — № 4. — С. 141–151.
2. Даев В. Г. Процессуальные функции и принцип состязательности в уголовном судопроизводстве // Правоведение. 1974. № 1. С. 71.
3. Строгович М. С. Курс Советского уголовного процесса. Т. I: Основные положения науки Советского уголовного процесса. М.: Наука, 1968. С. 149.
4. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 20.03.2025) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.

Эволюция принципа состязательности в российском уголовном судопроизводстве

Панков Даниил Юрьевич, студент магистратуры
Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина

В данной статье анализируются правовая природа, становление и развитие состязательности сторон в уголовном судопроизводстве. Анализ опыта состязательности в уголовном процессе охватывает время с древней Греции по современный период.

Ключевые слова: состязательность сторон в уголовном процессе, уголовное судопроизводство, уголовно-процессуальное законодательство.

На сегодняшний день традиционно считается, что наиболее подходящей внешней формой уголовного процесса для демократического государства является такая форма разрешения уголовного конфликта, как состязательность. Именно поэтому в Конституции РФ указано, что «судопроизводство осуществляется на основе состязательности и равноправия сторон» [5].

Исследователи англосаксонской правовой системы часто отмечают фундаментальное различие в принципах состязательности сторон: если в странах континентальной Европы уголовный процесс нацелен на поиск истины любой ценой, то в англосаксонской модели во главу угла становится лишь формальная доказанность. Для ан-

глосаксонской модели не существует задачи служить публичному интересу через установление абсолютной правды. Именно этот подход отразился в изменении законодательства, которое исключило установление истины из перечня целей доказывания.

Н. А. Колоколов отмечает: «Анализ зарубежного опыта показывает, что состязательность — это не борьба и даже не противостояние, а в первую очередь форма сотрудничества сторон» [4, с. 101]. И вывод данного суждения в том, что «сотрудничество сторон» — это не что иное, как содействие тому, чтобы подсудимый признавал себя виновным, а действительно ли он совершил преступление или нет, для сторон и суда не имеет значения. Говоря о со-

трудничестве сторон, автор исключает возможность обоснованного спора между сторонами, который позволил бы установить фактические обстоятельства совершенного деяния. Бесспорным должно быть то, что состязательность — это не сотрудничество, а обоснованный компромисс между сторонами, обусловленный разницей выполняемых ими функций.

Фундаментом состязательного процесса выступает не только инициативность сторон, но и непременно, их процессуальное равноправие. Роль суда заключается в поддержании баланса интересов и конечно, исключая любую предвзятость, суд выступает гарантом создания надлежащих условий для полноценного осуществления сторонами своих прав и соблюдения ими процессуальных предписаний (ч. 3 ст. 15 УПК РФ) [8].

Еще в Древней Греции судебный процесс осуществлялся на основе состязательности. В Афинском государстве, только ораторское мастерство тяжущихся сторон могло склонить судей, выбираемых по жребию и не наделенных специальными знаниями в праве, к принятию судебного решения [2, с. 65–66]. На этом этапе в Афинах выделяются стороны и независимый судья.

По соотношению структуры римского и греческого права, отмечается, что в Греции преобладал состязательный процесс, а в Риме — инквизиционное построение процесса [6].

В. А. Катомина отмечает, что в источниках древнерусского права состязательность в качестве принципа судебного разбирательства не упоминается [3, с. 76]. Но при этом производство по делу основывается на обычае. Обычай рассматривался как элемент состязательной процедуры участия сторон. В целом по обычаю общины принималось решение о виновности и невиновности лица.

В Уставе уголовного судопроизводства [10] появилось закрепление судебного состязания. Теоретическая основа Устава уголовного судопроизводства, разработанная на представлениях немецких и австрийских юридических школ, позволила сформулировать основополагающую концепцию состязательности.

Советское правительство (1917 г.) предприняло попытку формирования совершенной модели судопроизводства. Декреты о суде предусматривали принцип равенства сторон «в 1917–1922 гг. решающее значение имела именно состязательность, так как обвиняемый как субъект уголовного процесса является стороной, обладающей определенным количеством процессуальных полномочий». Так, в Декрете СНК о суде от 24 ноября 1917 г. № 1 отмечалось, что на предварительном следствии в качестве защитника допускались все безупречные граждане обоих полов, что позволяло обеспечивать участие в уголовном процессе стороны защиты. Все последующие нор-

мативные акты в той или иной степени закрепляли отдельные положения состязательности сторон, но при этом степень его реализации была различной. [1, с. 44–48].

Первый советский Уголовно-процессуальный кодекс (1922 г.) предусмотрел смешанную форму уголовного процесса, в которой стал преобладать обвинительный уклон. При подготовке к Второй мировой войне всё шире стали применяться розыскные начала уголовного процесса [7].

В последующем очередное обновление уголовно-процессуального законодательства получило в 1958–1961-е годы, связанное с необходимостью защиты в них прав личности. Следует обратить внимание на то, что законодательного закрепления термина «состязательность» не было, но это не свидетельствует об его отсутствии, предполагается, что «она еще не проверена практикой или недостаточно разработана». В 1960 г. приняли УПК РСФСР, закрепивший состязательность исключительно на судебных стадиях.

Третий период наступил после распада СССР, были внесены кардинальные изменения в уголовно-процессуальный закон, роль суда по контролю за законностью на досудебных стадиях производства по уголовному делу значительно возросла. Последовательное стремление к отказу от смешанной формы уголовного судопроизводства с преобладанием состязательного процесса привело к принятию действующего в настоящее время Уголовно-процессуального кодекса РФ, закрепившего такой конституционный принцип отправления правосудия как состязательность сторон [9].

Подводя итог, можно сделать следующие выводы, что для действующего уголовного судопроизводства является характерным состязательность сторон, которая формировалась на протяжении длительного времени. Существует обусловленный общественно-политическими переменами спиралевидный процесс формирования состязательности. Все это свидетельствует о наличии именно смешанной формы отправления правосудия в российском уголовном судопроизводстве с преобладанием либо розыскной (инквизиционной) формы, либо состязательной, в зависимости от степени подготовленности правоприменительных органов к возможности реализации равноправия и состязательности сторон при производстве по уголовным делам.

Хотя уголовно-процессуальное законодательство провозглашает принципы состязательности, но на досудебных этапах уголовного процесса фактически сохраняется смешанная модель, при которой полномочия различных субъектов процесса зачастую сосредоточены в одних руках. Полноценная состязательность, предполагающая равенство прав сторон при представлении доказательств и независимый арбитраж со стороны суда, достигается лишь в ходе судебного разбирательства.

Литература:

1. Акимов В. С. Историческое развитие состязательного уголовного процесса в России и некоторых зарубежных странах // Российский судья. 2020. № 5. С. 44–48.

2. Аристотель. Политика / пер. с гр. С. А. Жебелева, Т. А. Миллер. М.: АСТ, 2018. С. 65–66.
3. Катомина В. А. Справедливость и состязательность в российском праве: дис.... канд. юрид. наук. Саратов, 2009. С. 76.
4. Колоколов Н. А. Обвинение и защита: баланс интересов // Теория уголовного процесса: состязательность / под ред. Н. А. Колоколова. М., 2013. Ч. 1. С. 101.
5. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Собрание законодательства РФ. 2020. № 27. Ст. 4196.
6. Покровский И. А. История римского права. М.: Статут; КонсультантПлюс, 2004.
7. Постановление ВЦИК от 25 мая 1922 г. «Об Уголовно-процессуальном кодексе» // СУ РСФСР. 1922. № 20–21.
8. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 20.03.2025) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.
9. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР (утв. Законом РСФСР от 27.10.1960 «Об утверждении Уголовно-процессуального кодекса РСФСР») // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1960. № 40.
10. Устав уголовного судопроизводства — Судебные Уставы 20 ноября 1864 года, с изложением рассуждений, на коих они основаны: в 5 ч. СПб., 1866. Ч. 2.

Теоретические подходы к пониманию юридической ответственности

Пичугина Софья Константиновна, студент

Национальный исследовательский Томский государственный университет

В статье автор проводит теоретико-правовой анализ доктринальных подходов к определению юридической ответственности.

Ключевые слова: юридическая ответственность, государственное принуждение, противоправное поведение.

Разнообразные взгляды на проблему понимания юридической ответственности можно разделить на две основные группы: приверженцев традиционного понимания юридической ответственности, то есть в узком смысле, и приверженцев нетрадиционного понимания юридической ответственности, в широком смысле. Представители первой группы, сторонники негативного аспекта юридической ответственности (Л. С. Явич, М. Д. Шаргородский и другие) соотносят понимание юридической ответственности с правонарушением, противоправным поведением, которые предполагают реализацию государственного принуждения, наказания. По их мнению, правомерные действия субъектов в понимание юридической ответственности не включаются.

Юридическая ответственность считается одним из методов обеспечения правомерного поведения, борьбы с правонарушениями. Для общества в наибольшей степени востребован вариант: сознательного, добровольного исполнения, соблюдения и применения норм права. Угроза осуществления юридической ответственности и, как следствие, последующие неблагоприятные последствия — это также значимое условие в гарантировании правомерного поведения индивидов.

Часть авторов рассматривают юридическую ответственность как меру государственного принуждения либо отождествляют ее с наказанием за правонарушение.

«Государственное принуждение — это возможность государства обязать субъекта помимо его воли и желания со-

вершать определенные действия (в этом проявляется суверенитет государства). При наличии факта правонарушения государство обязывает лицо (или организацию) претерпевать определенные неблагоприятные последствия» [1].

Государственное принуждение и юридическая ответственность сопоставляются друг к другу как целое и часть соответственно. Конкретные меры государственного принуждения (то есть возложение обязанностей в отсутствии согласия иной стороны) применяются и в иных случаях, а не исключительно за совершенное правонарушение. Как мы видим, необходимо отличать юридическую ответственность как один из видов государственного принуждения от иных мер: защиты, пресечения противоправного поведения, предупредительного воздействия.

Несколько труднее представление юридической ответственности как обязанности претерпеть определенные лишения. Часть ученых расценивают юридическую ответственность как правоотношение между государством и гражданином. Правоотношением называется состояние, при котором есть обязанность кого-то перед кем-то. С одной стороны, субъектами данного своеобразного правоохранительного правоотношения выступает лицо (или организация), которое совершило правонарушение и которое должно претерпеть конкретные лишения, а с другой — государство в лице его компетентных органов, имеющие право наказать правонарушителя. Однако, это весьма идеализированное и формальное представление юридической ответственности, ведь не каждый

правонарушитель, а в особенности преступник, возлагает на себя обязанность претерпеть наказание, наоборот, он всеми способами пытается избежать его.

Юридическая ответственность сопряжена с юридической обязанностью. Определенные авторы (например, С. Н. Братусь) в целом расценивают ответственность как принудительное исполнение обязанности. С пониманием такого рода невозможно согласиться, поскольку здесь ответственность, по сути, уподобляется с мерами защиты. Юридическая ответственность действительно содержит в себе обязанность. Однако, это новая обязанность претерпеть меры принуждения за правонарушение, которой прежде не было у правонарушителя. У законопослушного субъекта не должно быть подобной обязанности. Не подвергается он и никаким негативным лишениям, последствиям, которые характерны для ответственности.

Необходимо принять эффективной основную линию, которая обозначалась в этой разработке на подход к пониманию юридической ответственности как применения к лицу санкций — мер государственно-принудительного воздействия, которые являются реакцией на совершенное правонарушение. Санкция — структурная часть нормы, которая включает указания на меры и вид государственного принуждения, которые должны настать при нарушении требований диспозиции.

Однако, принудительные меры, формально закрепленные в санкции, являются возможными до правона-

рушения. Следовательно, юридическую ответственность можно рассматривать как реализацию санкции правовой нормы по отношению к определенному лицу в конкретном случае.

Обязанность претерпевания мер государственно-принудительного воздействия правонарушителем проявляется как наиболее выраженная черта правовой ответственности.

При определении юридической ответственности подобное положение допускает, кроме выделения ее центральной черты (обязанность претерпевания государственно-принудительных мер) и точного отражения ответственности как юридического явления, к тому же такого, которое содержится в пределах особого охранительного правового отношения, также заострение внимания на сущности юридической ответственности, значение которой проявляется как государственно-принудительная мера, которая направлена, в первую очередь, на оказание влияния на правонарушителя, его волю и сознание.

В таком случае, в пределах понятия «юридическая ответственность» внимание смещается с санкций, как таковых, на непосредственную обязанность претерпевания лишений, которые отражают последовавший для правонарушителя правовой урон.

Общественным характером поведения человека определено существование ответственности, которая выражает взаимосвязи отдельного человека и общества.

Литература:

1. Лазарев В. В., Липень С. В. Теория государства и права, Учебник для бакалавров. — 4-е изд. — Москва: Юрайт, 2013. 519 с.
2. Иванова О. М. Основания, цели и задачи юридической ответственности: автореф. дис. канд. теор. и истор. прав. и гос-ва наук: 12.00.01. — Тамбов, 2009. — 22 с.
3. Коробов А. Е., Хохлов Е. Б. Правонарушение как основание юридической ответственности // Известия высших учебных заведений. Правоведение. — 2009. — № 3 (284) // Научная электронная библиотека eLIBRARY.RU URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=12946144> (дата обращения: 13.07.2026).
4. Липинский Д. А. О понятии и функциях актов применения юридической ответственности // Российская юстиция. — 2013. — № 5 // Научная электронная библиотека eLIBRARY.RU URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=19062163> (дата обращения 13.07.2026)

Понятие и субъекты толкования норм права

Полики Никита Алексеевич, студент магистратуры
Кубанский государственный университет (г. Краснодар)

В статье автор исследует понятие толкования норм права как необходимого условия их реализации и эффективного правоприменения. Отдельное внимание уделяется субъектам толкования.

Ключевые слова: толкование норм права, субъекты официального толкования, субъекты неофициального толкования.

Реализация правовых норм невозможна без их предварительного осмысления: применение закона требует ясного представления о заложенном в нём содержании,

а порой — развёрнутого пояснения отдельных положений. Профессиональное толкование выступает синтезом основательной юридической подготовки, развитого

правосознания и навыков практического использования норм. В этом контексте юридическая герменевтика, представляющая собой одновременно научную дисциплину и искусство расшифровки правовых категорий, отражает высший уровень квалификации правоведа.

Цель толкования правовых норм состоит в достижении единообразного восприятия и правоприменительной практики, а также в раскрытии изначального замысла законодателя, воплощённого в текстовой форме нормативных предписаний, и конкретизации их содержательного смысла [1].

Толкование — это двухсторонний мыслительный процесс, который объединяет внутреннее постижение содержания правовой нормы и последующее внешнее объяснение этого содержания заинтересованным лицам. Иногда данная деятельность не выходит за рамки логического осмысления, но в иных случаях она обязательно обретает форму публичного разъяснения. В юридической литературе такое явление нередко обозначают словом «интерпретация», а субъекта, занимающегося им, — термином «интерпретатор». По сути, речь идёт о познавательной аналитической работе, нацеленной на установление сути нормативных требований путем исследования лингвистических и терминологических элементов, закреплённых в официальных текстах законов.

Понимание правовой нормы в ходе её толкования — это сугубо внутренний познавательный процесс, который не выходит за пределы сознания интерпретатора. Данное явление характеризует толкование с эпистемологической (гносеологической) стороны: уяснение смысла закона предполагает творческое и волевое участие субъекта. Качество последующей реализации правового предписания напрямую зависит от того, насколько полно и юридически грамотно было проведено это внутреннее осмысление.

В ходе интерпретации правовых норм неизменно требуется их внутреннее осмысление. При этом глубина и характер такого понимания напрямую зависят от уровня правосознания и юридической грамотности конкретного интерпретатора [2]. Чем выше профессиональный уровень человека, тем реже у него возникает необходимость в получении внешних разъяснений. На процесс уяснения также влияют общая эрудиция субъекта, его профессиональные знания и сформированные навыки обращения с юридической информацией. Стоит отметить, что уяснение сопровождается изучением любых нормативных предписаний и может осуществляться кем угодно — вне зависимости от наличия образования, рода занятий, юридического опыта и целей обращения к праву.

Разъяснение как одна из сторон процесса толкования представляет собой деятельность, главная цель которой — донести до окружающих истинный смысл правовых норм. На этом этапе результаты предварительной познавательной работы облекаются в форму конкретных суждений, теоретических понятий и логических умозаключений. Основная задача разъяснительной стадии заключается в том, чтобы аргументированно раскрыть со-

держание юридических предписаний. Разъяснения могут быть как устными, так и письменными и включать в себя как аналитические оценки, так и оценочные выводы относительно сути норм. Примерами результатов подобной интерпретационной работы служат комментарии к законодательству, судебные постановления и другие правовые акты разъяснительного характера, а также лекционные материалы, научные доклады и публичные выступления.

Обобщая сказанное выше, правовое толкование допустимо рассматривать как комплекс интеллектуально-волевых действий, нацеленных на внутреннее осмысление и последующее внешнее разъяснение сути юридических норм для их корректной и полной реализации. В ходе такого процесса происходит детальное постижение правового смысла, его дешифровка и аргументация через выработку уточняющих дефиниций и логических рассуждений о намерениях законодателя. Ключевая задача интерпретации нормативных документов заключается в выявлении подлинного содержания правовых установлений, каждое из которых трактуется как выражение воли творца закона [3].

Интерпретацией правовых норм могут заниматься самые разные лица. При этом юридическая сила и значимость результатов такого толкования напрямую зависят от того, кто именно выступил в роли интерпретатора. В теории права принято подразделять всех таких субъектов на две категории: официальные и неофициальные [4].

К официальным принято относить: органы судов Российской Федерации; уполномоченные государственные органы и должностные лица Российской Федерации; управомоченные центральные органы общественных объединений.

К неофициальным относят: научноисследовательские и иные профильные юридические организации, которые посредством анализа и осмысления устанавливают содержание правовых норм (доктринальное толкование); практикующие юристы и сотрудники государственных структур, осуществляющие толкование права в силу профессиональной компетенции (профессиональное, или компетентное, толкование); обычные люди, интерпретирующие правовые нормы в рамках повседневного опыта и бытовых ситуаций (обыденное толкование).

Исходя из изложенного, толкование правовых норм представляет собой деятельность государственных органов, должностных лиц и граждан, цель которой — выявить подлинное содержание правовых предписаний и обеспечить правильное и единообразное правоприменение толкуемой нормы.

С уверенностью можно сказать, что интерпретация правовых норм представляет собой основополагающий мыслительно-волевой механизм, в отсутствие которого правоприменительный механизм утрачивает свою функциональную полноту.

Правовое толкование выходит далеко за рамки обычной технической процедуры. Речь идет о высоко-

профессиональной юридической деятельности, которая синтезирует в себе обширный объем знаний, правовую культуру и искусство применения норм. В условиях не-

прерывно эволюционирующих социальных отношений толкование становится обязательным механизмом, гарантирующим существование действующего правопорядка.

Литература:

1. Бошно С. В. Толкование норм права // Право и современные государства. — 2013 — № 4. — С. 17–25.
2. Гандалоев Р. Б. Толкование норм права // Вестник экономической безопасности. — 2020. — № 5. — С. 68–72.
3. Беляева О. М. Толкование норм права // Ученые записки Казанского государственного университета. — 2007. — № 6. — С. 39–47.
4. Ивлиева Т. А. Субъекты и виды официального толкования права // Контентус. — 2019. — № 8(85). — С. 69–81.

Проблемные аспекты амнистии и помилования в России и возможные пути их преодоления

Таранченко Инесса Павловна, студент магистратуры
Кубанский государственный университет (г. Краснодар)

В статье автором выявлены проблемы, существующие в рамках нормативной регламентации и применения институтов амнистии и помилования. Установлено, что многие из проблем существуют длительное время и требуют скорейшего разрешения путем внесения изменения и дополнений в действующее законодательство, а также требуют разработки и введения в действие специального закона об амнистии и помиловании и создания специальных органов власти.

Ключевые слова: амнистия, помилование, комиссии, Президент, Государственная Дума, ходатайство.

В науке достаточно детально исследованы многие вопросы институтов амнистии и помилования. На основе изучения нормативно-правового материала и научных исследований, а также правоприменительной практики, можно выявить проблемные вопросы как самой нормативной регламентации институтов и теоретических положений о них, так и порядка применения их на практике, а также сформулировать пути решения существующих проблем.

Для начала необходимо проанализировать разделение уголовных дел на дела частного, частно-публичного и публичного обвинения в аспекте применения актов амнистии. В делах частного обвинения потерпевшим от преступления и основным субъектом, которому предоставляется право на решение вопроса о привлечении к уголовной ответственности или об освобождении от нее, выступает частное лицо, поэтому в данном случае возникает множество вопросов о возможности применения государством акта об амнистии. Думается, на законодательном уровне необходимо предусмотреть дополнительные гарантии по делам частного и частно-публичного обвинения, которые будут направлены на удовлетворение требований потерпевшего лица в рамках уголовного судопроизводства. Ведь в настоящее время баланс интересов государства и потерпевшего при решении вопросов о применении акта об амнистии в отношении конкретного лица не найден [12, с. 32].

Проблемы возникают не только нормативного характера, но и правоприменительного. Они состоят в порядке

и реализации права на возмещение вреда, причиненного преступлением [7, с. 9]. По общим правилам такое возмещение предусмотрено законом и состоит в полном возмещении вреда, который подлежит возмещению не только человеку, пострадавшему от преступления, но и государству, в случае причинения вреда его интересам. Суть проблемы состоит в том, что практика применения амнистии не однородна при решении вопросов возмещения вреда. В качестве примера можно привести ситуацию, когда осужденного освободили не только от наказания, но и от возмещения вреда [14, с. 29].

Стоит обратить внимание еще на одну важную особенность практики применения амнистии и помилования — это частота издания актов [8, с. 11].

В последние десятилетия президенты России издавали от двух до пяти указов о помиловании в год, в связи с чем многими специалистами признается неэффективность данного института [3, с. 33]. Решение данной проблемы видится в том, чтобы создать специально уполномоченный орган при Администрации Президента РФ, который будет полномочен рассматривать прошения о помиловании, поступающие от заключенных. Это позволит не только решить проблему количества, но и качества актов о помиловании, так как должностные лица специализированного органа смогут с особой осмотрительностью подходить к выявлению причин и условий, которым соответствует осужденный для освобождения от наказания. Однако предлагается оставить полномочие

Президента РФ на окончательное утверждение акта о помиловании и его подписание. Так как это обстоятельство позволит сохранить особую природу помилования и обеспечить его значимость среди других мер и оснований освобождения от наказания.

Кроме того, следует не устанавливать каких-либо предварительных условий для подачи ходатайства и рассмотрения вопроса о помиловании, в том числе, признание осужденным своей вины.

Действующее законодательство рассматривает институт помилования как полное основание освобождения от уголовной ответственности и наказания, его сокращения или смягчения. Заставляет задуматься о целесообразности введения на территории России, в связи со случаями рецидива преступлений среди помилованных, института условного помилования [15, с. 358].

Применение условного помилования и установление испытательного срока должно быть также вверено Президенту Российской Федерации.

Как представляется, прототипом для условного помилования может выступить институт условного осуждения. Акт полного помилования вступит в свою законную силу только в том случае, если условно помилованный в течение испытательного срока не совершит нового умышленного преступления, зарекомендует себя с положительной стороны и оправдает оказанное ему доверие. Личность преступника и тяжесть совершенного общественно опасного деяния должны стать определяющими факторами при определении испытательного срока при условном помиловании, который, в свою очередь, не может подлежать сокращению. Контроль за его поведением должен осуществляться администрациями учреждений уголовно-исполнительной системы или органами внутренних дел в зависимости от места нахождения помилованного.

Отмена решения об условном помиловании в отношении лица будет приниматься Президентом Российской Федерации по ходатайству комиссии по вопросам помилования. Как видится, существование такого института в России будет большим стимулом для исправления виновного и поспособствует сокращению рецидивной преступности в стране.

Тем самым, наиболее верным представляется внести изменения в ст. 84 и 85 УК РФ в виде установления такой формы освобождения от уголовного наказания как «условная амнистия» и «условное помилование», включив в данные нормы положения об обязанностях, которые должны исполняться условно освобожденными. При этом перечень таких обязанностей должен иметь открытый характер и в каждом конкретном случае устанавливаться в акте об амнистии и помиловании.

Для разрешения пробелов и противоречий, которые существуют сейчас в законодательстве, а также для приведения правоприменительной практики к единообразию, предлагается издать отдельный федеральный закон об амнистии и помиловании. В данном законе необходимо отразить понятие амнистии и помилования, в целях уstra-

нения проблем понимания природы и сущности, порядка применения, оснований, круга субъектов, к которым данные акты могут применяться. Однако окончательное решение вопросов помилования и амнистии должно быть закреплено за Президентом РФ и Государственной Думой. Это позволит также укрепить авторитет и доверие к данным институтам, а также повысить эффективность практики их применения и частоту издания актов.

Другой проблемой практического и нормативного характера обладает вопрос об амнистии и помиловании при совокупности преступлений и приговоров. Это обусловлено не только отсутствием законодательного регулирования данного вопроса, но также разнообразием правоприменительной практики.

Вследствие того, что отсутствует единый перечень ограничений и критериев, по которым применение амнистии или помилования к тем или иным категориям граждан или при совершении ими конкретных видов и групп преступлений невозможно, возникают проблемы применения мер освобождения в случаях, когда присутствует множественность преступлений. Данная проблема наиболее ярко проявляется при закреплении ограничений по категориям и видам преступлений в самом акте об амнистии. Так, если в акте содержатся ограничения, связанные с запретом освобождения от ответственности или наказания лиц, совершивших преступления, относящиеся к категории особо тяжких преступлений, то как быть при совокупности преступлений, в которую входят преступления различной категории тяжести.

Если обратиться к теоретическим дискуссиям по данному вопросу, то большинство авторов сходятся во мнении, что при наличии ограничений по категориям и видам преступлений в акте об амнистии, его применение невозможно к лицам, которые осуждены по совокупности преступлений и приговоров [4, с. 150; 12, с. 540]. Данная позиция представляется наиболее верной, так как исключения сделаны в определенных целях, в том числе направлены на недопущение освобождения особо опасных преступников, рецидивистов, а также для поощрения лиц, совершивших менее тяжкие преступления, не представляющие особую опасность для общества или виды преступлений, лица, совершившие которые по оценке государственных органов власти также нуждаются в поощрении. То же самое касается тех, кто совершил преступления по совокупности, пускай даже того же вида или категории, в том числе менее тяжкие.

В правоприменительной практике данная позиция находит свое подтверждение и, зачастую, в актах об амнистии содержится указание на то, что освобождению не подлежат осужденные по совокупности преступлений, однако только лишь при наличии в такой совокупности категории или вида преступления, который данным актом не подпадает в перечень преступлений, выступающий основанием для освобождения [9, с. 51]. Несмотря на имеющуюся практику, за пределами данного правила остаются случаи совокупности приговоров или совокупности тождественных преступлений.

Одним из примеров, где Государственной Думой были установлены ограничения амнистирования лиц, совершивших преступления по совокупности, является Постановление от 2 июля 2013 г. № 2559–6 ГД «Об объявлении амнистии» [2]. В нем закреплено условие, исключающее амнистию в отношении тех лиц, которые наряду с преступлениями, подпадающими под условия амнистии, совершили любое другое преступление, предусмотренное УК РФ.

Наиболее целесообразным представляется закрепить условия неприменения акта об амнистии в случаях не только совокупности преступлений, но и совокупности приговоров, а также совокупности совершения тождественных преступлений.

В научной литературе поднимается вопрос о целесообразности и справедливости принятия решения об амнистии только лишь одной палатой Федерального Собрания. Некоторые исследователи предлагают изменить процедуру принятия решения и вернуть данные полномочия как Государственной Думе, так и Совету Федерации [6, с. 40]. Относительно указанной позиции необходимо сказать следующее. Во-первых, данный порядок требует нормативного регулирования и установления четко прописанной процедуры принятия решения, то есть правового механизма принятия решения и издания акта об амнистии. Во-вторых, такой порядок приведет к усилению и смещению нормативной природы закона и акта об амнистии, так как по процедуре принятия оба акта будут иметь незначительные отличия. Несмотря на указанные отрицательные моменты данного предложения, имеются и положительные. Так, усложнение процедуры и включение еще одного субъекта рассмотрения возможности объявления амнистии позволит прийти к большей прозрачности и объективности данного института.

При отсутствии четких критериев, оснований и процедуры помилования, в научной литературе поднимаются вопросы, относящиеся к праву ходатайствования об освобождении от наказания в порядке помилования. Так, по мнению А. С. Жолобовой данное право необходимо ограничить в результате установления важного условия — заявитель должен признать себя виновным [5, с. 1]. Данное предложение достаточно противоречивое, так как в отдельных случаях вынуждает обратившегося с ходатайством признать себя виновным. К тому же признание вины исключает право на реабилитацию и восстановление «доброго имени» [10, с. 229]. На практике внесение этого предложения в качестве обязательного условия помилования делает его применение ограниченным, в том числе лица, не считающие себя виновными, попросту, не будут обращаться и использовать данное право, что приведет к снижению количественных показателей.

Данным ученым также предлагается установить минимальные сроки исполнения наказания, по истечении которых лица могут заявлять ходатайства о помиловании. При этом данное правило должно распространяться на отдельные категории осужденных, которые осуждены по-

жизненно или приговорены к смертной казни, а также при особо опасном рецидиве [10, с. 230]. С данным утверждением стоит согласиться, так как перечисленные категории осужденных представляют особую опасность для общества и в целях исправления нуждаются в частичном отбытии наказания.

Несмотря на то, что отдельные процедурные аспекты помилования урегулированы в Указе Президента РФ от 14 декабря 2020 г. № 787 «О некоторых вопросах деятельности комиссий по вопросам помилования на территориях субъектов Российской Федерации» [1] за пределами остаются сроки рассмотрения ходатайства Президентом РФ, в связи с чем многие ходатайства остаются нерассмотренными вследствие отбытия наказания. Предлагается внести изменения в указанный акт, установив конкретные временные рамки, в течение которых ходатайство о помиловании подлежит рассмотрению. Причем данные сроки должны варьироваться от вида и срока наказания, которое отбывает заключенный.

Другим не менее обсуждаемым вопросом среди теоретиков и практиков является проблема устранения негативных последствий преступления или их уменьшение, а также восстановление законных прав и законных интересов потерпевших. Последнему аспекту следует уделить особое внимание, так как законом не предусмотрена обязанность лиц, подлежащих освобождению по акту амнистии или помилования, загладить причиненный ущерб или восстановить права потерпевших. В исключительных случаях данное положение может быть включено в само постановление об амнистии. При отсутствии такого положения потерпевшие самостоятельно обращаются в суд за защитой своих прав. Несмотря на то, что правовой механизм восстановления прав потерпевших предусмотрен и закреплен в качестве выражения принципа права на судебную защиту, в случаях с амнистией и помилованием, наиболее верным было бы закрепить обязанность возместить ущерб и восстановить права потерпевших в качестве за амнистируемыми лицами, что позволит обеспечить принцип справедливости в отношении потерпевших [11, с. 107].

Заклучим, что пробелы и упущения, имеющиеся в регулировании институтов амнистии и помилования, имеют очень важное значение для признания этих институтов эффективными и соответствующими общепризнанным принципам и нормам. Конечно, достижение целей гуманизма должно приветствоваться в любом обществе, однако эти цели не должны достигаться в ущерб правам и свободам человека. Именно поэтому видится необходимым обеспечить нормативное закрепление всех правил и процедуры применения амнистии и помилования посредством издания специального закона, которым будут регламентированы основания освобождения от уголовной ответственности и наказания в виде амнистии и помилования. Данным законом не только будет установлено законодательное регулирование амнистии и помилования, но обеспечена единообразная правоприменительная практика.

Литература:

1. О некоторых вопросах деятельности комиссий по вопросам помилования на территориях субъектов Российской Федерации: Указ Президента РФ от 14 декабря 2020 г. № 787 // Собрании законодательства Российской Федерации. 2020. № 51. Ст. 8428.
2. Об объявлении амнистии: постановление от 2 июля 2013 г. № 2559–6 ГД // Собрание законодательства РФ. 2013. № 27. Ст. 3558.
3. Верченко Н. И. Совершенствование правового регулирования института помилования // Вестник Кузбасского института. 2017. № 1 (30).
4. Гришко А. Я. Амнистия и помилование. Рязань: Академия права и управления ФСИН, 2020.
5. Жолобова А. С. Амнистия и помилование: проблемы правоприменения // Научно-практический электронный журнал Аллея Науки. 2022. № 10 (73).
6. Зейналбдыева А. В. Проблемные вопросы реализации институтов амнистии и помилования в Российской Федерации // Вестник Белгородского юридического института МВД России. 2020. № 2.
7. Котова Д. А. Современная Российская амнистия в контексте идей Ч. Беккариа: автореф. дис. ...канд. юрид. наук. Екатеринбург. 2017.
8. Качалов В. Ю., Сычёва О. В. К вопросу об амнистии и помиловании в уголовном праве Российской Федерации: законодательная регламентация // Вестник науки и образования. 2024. № 9 (152)-2.
9. Кристина Э. Б. Проблемы применения амнистии и помилования к лицам, осужденным по совокупности преступлений и приговоров // Вестник ТИУиЭ. 2025. № 1 (45).
10. Коада А. И. Правовой механизм реализации помилования в российской федерации: теория и практика реализации // Вестник науки. 2023. № 11 (68).
11. Карпачева Т. С. Амнистия на досудебной и судебной стадиях уголовного судопроизводства: проблемы и последствия (на примерах уголовных дел по ст. 239 УК РФ) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2022. № 1.
12. Марогулова И. Л. Законодательные проблемы применения амнистии и помилования // Журнал российского права. 1998. № 1.
13. Малков В. П. Совокупность преступлений (вопросы квалификации и назначения наказания). Казань: Изд-во «Познание», 2023.
14. Ромашкин П. С. Амнистия и помилование в СССР. Москва, 1959.
15. Таганцев Н. С. Русское уголовное право: лекции. Часть общая. Т. 2. Москва, 1994.

Правовой статус участников семейных правоотношений: теоретико-правовой анализ

Урусова Альбина Эльдаровна, студент магистратуры

Научный руководитель: Одегнал Екатерина Александровна, кандидат юридических наук, доцент
Северо-Кавказская государственная академия (г. Черкесск)

В статье проводится комплексный анализ категории «правовой статус» применительно к участникам семейных правоотношений в Российской Федерации. Рассматриваются понятие, структура и особенности правового статуса таких ключевых субъектов, как ребенок, родители и супруги. Особое внимание уделяется разграничению понятий семейной правоспособности и дееспособности, а также специфике возникновения и прекращения правовых связей между членами семьи. На основе проведенного исследования делается вывод о необходимости дальнейшего совершенствования механизма защиты прав несовершеннолетних как наиболее уязвимой категории участников семейных отношений.

Ключевые слова: семейное право, семейные правоотношения, правовой статус, субъекты права, ребенок, родители, правоспособность, дееспособность, защита прав.

Институт семьи традиционно выступает фундаментальной основой любого цивилизованного общества, выполняя важнейшие социальные функции воспроизводства населения и социализации новых поколений.

Правовое регулирование семейных отношений имеет особую значимость, поскольку затрагивает сферу глубоко личных интересов граждан. Актуальность темы настоящего исследования обусловлена необходимостью обеспе-

чения баланса частных и публичных интересов при регулировании внутрисемейных связей, а также постоянным развитием форм устройства детей, оставшихся без попечения родителей.

Объектом исследования являются общественные отношения, складывающиеся в сфере определения правового положения субъектов семейных правоотношений.

Предметом исследования выступают теоретико-правовые конструкции, нормы действующего законодательства и научные концепции, определяющие содержание и элементы правового статуса субъектов семейных отношений.

Целью работы является комплексное определение понятия и содержания правового статуса основных участников семейных правоотношений, выявление их особенностей и проблем реализации.

Семейные правоотношения представляют собой урегулированную нормами семейного права совокупность личных неимущественных и имущественных отношений между членами семьи. Их специфика определяется тесной связью с морально-этическими нормами и преобладанием личного элемента над имущественным [4].

К субъектам семейных правоотношений относятся:

- супруги (в том числе бывшие);
- родители,
- дети (включая усыновителей и усыновленных),
- другие члены семьи: дедушки, бабушки, внуки, полнородные и неполнородные братья и сестры, отчим, мачеха, пасынок, падчерица,
- опекуны (попечители) и подопечные,
- приемные родители и приемные дети.

Важно отметить, что в ст. 2 СК РФ установлен не исчерпывающий перечень субъектов семейных правоотношений. Законодательство допускает применение аналогии закона и аналогии права (ст. 5 СК РФ), что позволяет регулировать отношения патронатного воспитания или опекуна.

Правовой статус — это юридически закрепленное положение субъекта в обществе, которое определяет меру его возможного и должного поведения. Структура правового статуса участника семейных правоотношений включает следующие компоненты:

1) Правосубъектность — это способность лица быть участником правоотношений, состоящая из двух элементов: семейной правоспособности и семейной дееспособности [3].

Семейная правоспособность. Это признаваемая государством способность иметь семейные права и нести обязанности. Она возникает у физического лица с момента рождения и неотделима от личности. Например, новорожденный ребенок уже обладает правом на имя, право жить и воспитываться в семье (ст. 54 СК РФ) [2].

Семейная дееспособность. Это способность своими действиями приобретать и осуществлять семейные права, создавать для себя семейные обязанности и исполнять их. Полная дееспособность наступает по достижении со-

вершеннолетия (18 лет). Специфика отрасли проявляется в том, что возникновение многих прав и обязанностей не зависит от наличия полной дееспособности. Так, несовершеннолетние родители имеют право признавать и оспаривать свое отцовство (материнство), а также требовать установления отцовства в отношении своих детей [3].

2) Основные субъективные права и обязанности — совокупность субъективных прав и юридических обязанностей, составляющих ядро статуса. Характерной чертой является неразрывная связь прав и обязанностей. Например, право родителей на воспитание своих детей является одновременно их обязанностью (п. 1 ст. 63 СК РФ). Для ребенка это корреспондирующее право на заботу со стороны родителей [2].

3) Юридические гарантии реализации прав — система организационно-правовых средств, обеспечивающих претворение прав в жизнь. Сюда входят механизмы государственной поддержки семей, нотариальное удостоверение соглашений (например, алиментных), а также судебная защита нарушенных прав.

4) Юридическая ответственность — меры государственного принуждения за нарушение норм семейного законодательства. Примерами могут служить лишение родительских прав (ст. 69 СК РФ) как крайняя мера защиты интересов ребенка, взыскание неустойки за просрочку уплаты алиментов или признание брачного договора недействительным при нарушении прав одного из супругов [1].

Рассмотрим правовой статус основных субъектов семейных правоотношений.

Правовой статус ребенка. Ребенок признается самостоятельным субъектом права, обладающим собственной правосубъектностью. Его правовой статус характеризуется приоритетной защитой его прав и законных интересов со стороны государства и родителей [2]. Ключевыми элементами статуса являются:

- право жить и воспитываться в семье, насколько это возможно;
- право знать своих родителей, право на их заботу;
- право на общение с обоими родителями, дедушкой, бабушкой, братьями, сестрами и другими родственниками;
- право на защиту своих прав и законных интересов (которую осуществляют родители, а в установленных законом случаях — орган опеки и попечительства или суд). Интересы ребенка являются главным критерием при разрешении судом любого спора, затрагивающего его жизнь (например, при определении места жительства ребенка после развода родителей) [2].

Правовой статус родителей. Статус родителей основан на принципе равенства прав и обязанностей матери и отца в отношении своих детей. Родительские права носят срочный характер и прекращаются по достижении детьми совершеннолетия либо в случае приобретения детьми полной дееспособности до достижения ими 18 лет (эмансипация, вступление в брак). Злоупотребление

родительскими правами, жестокое обращение с детьми или хронический алкоголизм/наркомания являются основаниями для лишения или ограничения родительских прав [3].

Правовой статус супругов. Базируется на принципах равенства супругов в семье, добровольности брачного союза и разрешения внутрисемейных вопросов по взаимному согласию. Имущественные отношения супругов могут регулироваться двумя режимами: законным (режим совместной собственности) и договорным (брачный договор). Личные неимущественные права включают право на выбор фамилии, места жительства и профессии [5].

Проведенный теоретико-правовой анализ позволяет сделать вывод о том, что правовой статус участников семейных правоотношений представляет собой сложную систему взаимосвязанных элементов. Специфика этого статуса заключается в тесном переплетении личных неимущественных и имущественных аспектов, а также в особом внимании законодателя к защите прав наименее защищенных членов семьи — детей [2] [6].

Правовой статус родителей формально является одинаковым, однако, зачастую, если возникает спор между родителями, то приоритет отдается проживанию ребенка с матерью, хотя судебной практике известны случаи, когда, руководствуясь интересами ребенка суд определял местом проживания ребенка место жительства бабушки.

Логично предположить, что лицо, в котором проживает ребенок в большей степени занимается его содержанием, обучением и воспитанием [5].

Одним из важных вопросов статуса субъектов семейных правоотношений является определение статуса семьи как единого целого, как одного субъекта.

Отметим, что логика законодателя, отражённая в положениях Семейного кодекса РФ состоит в определении правового положения отдельных участников семейных правоотношений. Однако в Конституции РФ говорится о государственной поддержке семьи (ч. 2 ст. 7), защите семьи государством (ч. 1 ст. 38, пп. «ж1» ч. 1 ст. 72). Реализация жилищных и социальных прав, права на социальное жилье, на материнский (семейный) капитал, на получение субсидируемых ипотечных кредитов, на получение жилого помещения по договору социального найма, получение субсидии на приобретение жилья, на получение социальных пособий основываются на определении семейно-правового статуса заявителя и определения правовых характеристик его семьи, как многодетной, малоимущей, малообеспеченной и др. Определение правового статуса субъектов семейных правоотношений предполагает не только выделение одного из членов семьи и определения правового положения, но и соотнесения его прав и обязанностей с правами и обязанностями других членов семьи и учета правовых характеристик семьи как единого целого [6].

Литература:

1. Бабкин, М. А. О некоторых аспектах семейно-брачных отношений в России (сравнительный и историко-правовой аспекты) / М. А. Бабкин, В. Н. Галузо // Право и государство: теория и практика. — 2024. — № 7(235). — С. 128–131. — DOI: 10.47643/1815-1337_2024_7_128.
2. Гукетова, С. М. Правовой статус ребенка как юридическая категория: понятие, структура, специальная правосубъектность / С. М. Гукетова // Вестник науки. — 2024. — Т. 4, № 1 (70). — С. 137–145.
3. Долинская, В. В. Проблемы субъектов и правосубъектности в семейном праве / В. В. Долинская, С. А. Муратова // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). — 2023. — № 5 (105). — С. 58–67.
4. Кокова, Д. А. Публично-правовая и частноправовая природа семейного правоотношения / Д. А. Кокова // Вестник Пермского университета. Юридические науки. — 2025. — № 2 (68). — С. 234–250. — DOI: 10.17072/1995-4190-2025-68-234-250.
5. Маринкин, Д. Н. Участники семейных отношений в Российской Федерации: правовое определение, правосубъектность / Д. Н. Маринкин // Вестник Прикамского социального института. — 2024. — № 3 (99). — С. 12–17.
6. Пронина, Ю. О. Трансформация семейного законодательства на современном этапе развития российского общества: направления и вызовы / Ю. О. Пронина, Н. В. Петров, Д. И. Павлов // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. — 2022. — № 8. — С. 113–116.

Принудительная реорганизация юридических лиц: основания, процедура и пределы вмешательства государства

Шихов Иван Владимирович, студент
Московский финансово-юридический университет МФЮА

В настоящей статье исследуется правовая природа принудительной реорганизации юридических лиц в российском праве, рассматриваются нормативные основания применения этой меры (статья 57 ГК РФ, статья 38 Федерального закона «О защите конкуренции», статья 14 Федерального закона «О государственной регистрации юридических лиц

и индивидуальных предпринимателей»), а также подробно раскрываются процедура принудительного разделения и выделения организаций, роль уполномоченных государственных органов и суда, требования к правопреемству и защите прав кредиторов и добросовестных участников гражданского оборота.

Особое внимание уделяется доктринальному осмыслению пределов вмешательства государства в корпоративную сферу и анализу ключевых правовых позиций Верховного Суда РФ, демонстрирующих, с одной стороны, возможность признания реорганизации несостоявшейся при нарушении фундаментальных требований законности, а с другой — необходимость сохранения устойчивости гражданского оборота и защиты законных ожиданий третьих лиц.

Ключевые слова: гражданское право, гражданское законодательство, корпоративное право, государственная регистрация, реорганизация, принудительная реорганизация, антимонопольное регулирование, доминирующее положение, пределы вмешательства.

Принудительная реорганизация юридических лиц занимает особое место в системе российского корпоративного и антимонопольного права, поскольку затрагивает базовый принцип автономии воли участников гражданского оборота.

По общему правилу реорганизация осуществляется по решению учредителей, участников либо органа юридического лица, уполномоченного на это учредительным документом.

Такой подход закреплен в пункте 1 статьи 57 ГК РФ [1], который одновременно допускает исключение: в случаях, установленных законом, реорганизация в форме разделения или выделения может быть проведена по решению уполномоченного государственного органа или суда. Уже из этой формулы следует, что государственное вмешательство в корпоративную структуру возможно лишь на основании специальной нормы и не может носить произвольный характер.

Реорганизация как правовой институт предполагает универсальное правопреемство, то есть переход прав и обязанностей реорганизуемого юридического лица к правопреемнику либо нескольким правопреемникам. Гражданский кодекс предусматривает пять форм реорганизации: слияние, присоединение, разделение, выделение и преобразование (п. 1 ст. 57 ГК РФ). При этом в научной литературе детально исследуется каждая из приведённых форм реорганизации, в том числе с акцентом на возможность применения той или иной формы в рамках принудительных процедур [2, С. 409–410].

Критерием разграничения видов реорганизации может служить и то, кто выступает инициатором соответствующих преобразований юридического лица.

С учётом субъекта принятия решения в доктрине и законодательстве обычно различают следующие разновидности:

1. Реорганизацию, осуществляемую по воле самого юридического лица (его участников, органов управления), то есть добровольную;
2. Реорганизацию, проводимую во исполнение предписаний специального федерального закона, который прямо обязывает субъект подлежащего регулирования изменить свою организационноправовую структуру;
3. Реорганизацию, осуществляемую в принудительном порядке по решению уполномоченного государ-

ственного органа либо суда, в случаях и пределах, предусмотренных законодательством [3, с. 144].

Однако здесь необходимо подчеркнуть, что в принудительном порядке применимы прежде всего разделение и выделение, так как именно эти формы позволяют изменить рыночную и организационную структуру хозяйствующего субъекта без обязательного прекращения соответствующего имущественного комплекса в полном объеме.

Ключевое специальное основание принудительной реорганизации закреплено в статье 38 Федерального закона от 26.07.2006 № 135-ФЗ «О защите конкуренции» [4]. Данная норма предусматривает, что суд по иску антимонопольного органа вправе принять решение о принудительном разделении или выделении коммерческой организации, а также некоммерческой организации, осуществляющей приносящую доход деятельность, если такая организация занимает доминирующее положение и систематически осуществляет монополистическую деятельность.

Тем самым законодатель связывает возможность принудительного вмешательства не просто с наличием крупного хозяйствующего субъекта, а с опасным для конкурентной среды поведением, подтвержденным установленными законом критериями.

При этом статья 38 Закона о защите конкуренции устанавливает ряд дополнительных условий, ограничивающих применение этой меры:

Во-первых, должна существовать реальная возможность организационного и имущественного обособления структурных подразделений.

Во-вторых, между выделяемыми подразделениями и остальной частью организации не должно быть тесной технологической взаимосвязи; закон использует ориентир, при котором не более 30 процентов продукции, работ или услуг одного подразделения потребляется другими подразделениями того же лица.

В-третьих, создаваемые юридические лица должны быть способны самостоятельно функционировать на соответствующем товарном рынке.

Таким образом, напрашивается промежуточный вывод о том, что принудительная реорганизация допускается не в целях наказания как такового, а только тогда, когда разделение бизнеса действительно может восстановить кон-

курентную среду и при этом остается экономически осуществимым.

Общая процессуальная конструкция принудительной реорганизации установлена пунктом 2 статьи 57 ГК РФ. Так, на практике, руководствуясь положениями закона, уполномоченный орган сначала принимает решение о необходимости реорганизации и устанавливает срок для её проведения.

Если в этот срок участники или органы юридического лица не исполняют требование, государственный орган обращается в суд с иском о реорганизации.

При удовлетворении иска суд назначает арбитражного управляющего, который осуществляет реорганизацию, составляет необходимые документы, включая передаточный акт, а затем представляет их на утверждение суда. Решение суда об утверждении этих документов выступает основанием для государственной регистрации вновь создаваемых юридических лиц.

Данная модель наглядно показывает, что принудительная реорганизация имеет многоступенчатый характер и не может быть сведена к одному властному акту административного органа. Даже если инициатором вмешательства выступает ФАС России, окончательное преобразование структуры юридического лица невозможно без судебного контроля.

Такой механизм, как видится автору статьи, служит важной гарантией баланса между публичным интересом в защите конкуренции и частноправовыми интересами собственников, кредиторов и контрагентов юридического лица.

Завершается реорганизация государственной регистрацией. Пункт 4 статьи 57 ГК РФ устанавливает, что юридическое лицо считается реорганизованным с момента государственной регистрации юридических лиц, создаваемых в результате реорганизации, за исключением случая присоединения.

Порядок представления документов конкретизирован статьей 14 Федерального закона от 08.08.2001 № 129-ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» [5], которая требует подачи заявления, учредительных документов создаваемого лица, передаточного акта или разделительного баланса, а также подтверждений уведомления кредиторов и соблюдения требований о согласовании с государственными органами в установленных законом случаях.

Тем самым и на завершающей стадии сохраняется правовая проверка того, соответствует ли реорганизация требованиям закона и не нарушает ли права иных участников гражданского оборота.

Особую ценность для раскрытия пределов вмешательства государства представляет практика Верховного Суда РФ. Первый показательный пример связан с делом о признании реорганизации несостоявшейся.

В Определении Верховного Суда РФ от 16.02.2016 № 307-ЭС15-19411 по делу № А56-84467/2014 [6] была подтверждена возможность судебной защиты в ситуации,

когда для государственной регистрации реорганизации представлены недостоверные данные либо отсутствовало надлежащее решение участников корпорации.

Данное дело является наглядным примером спора о признании реорганизации несостоявшейся и возложении на регистрирующий орган обязанности внести соответствующие изменения в ЕГРЮЛ.

Значение данного подхода выходит за рамки обычного корпоративного спора, поскольку Верховный Суд РФ фактически подчеркнул, что даже завершённая регистрационными действиями реорганизация не считается неоспоримой, если нарушены фундаментальные требования законности и достоверности юридически значимых сведений (ст. 60.2 ГК РФ).

Второй важный вывод из практики Верховного Суда РФ касается последствий признания реорганизации несостоявшейся и защиты добросовестного оборота. Так, признание реорганизации несостоявшейся влечет восстановление положения, существовавшего до её проведения: из ЕГРЮЛ исключаются сведения о вновь созданном юридическом лице, а прежние организации восстанавливаются в реестре.

Одновременно сделки, совершенные правопреемниками с добросовестными третьими лицами, сохраняют силу, а восстановленные юридические лица становятся по ним солидарными должниками и кредиторами.

Приведённый подход особенно важен для темы принудительной реорганизации, поскольку демонстрирует пределы государственного и судебного вмешательства: даже устраняя незаконную реорганизацию, суд не должен разрушать устойчивость оборота и законные ожидания третьих лиц, действовавших добросовестно.

С учетом изложенного автор настоящей статьи предлагает пределы вмешательства государства в сферу реорганизации юридических лиц фактически свести к трём основным «блокам»:

1. «Нормативный блок»: принудительная реорганизация допустима только в случаях, прямо предусмотренных законом, прежде всего статьей 57 ГК РФ и статьей 38 Закона о защите конкуренции.

2. «Материальный блок»: вмешательство возможно лишь при доказанности систематической монополистической деятельности и наличии условий для реального, а не фиктивного разделения бизнеса.

3. «Процессуальный блок»: для принудительной реорганизации юридического лица обязательны судебная процедура, регистрационный контроль, защита кредиторов и учет интересов добросовестных участников оборота.

Таким образом, принудительная реорганизация юридических лиц представляет собой исключительную правовую меру, расположенную на стыке гражданского и антимонопольного регулирования. Её назначение состоит не в произвольном ограничении свободы предпринимательской деятельности, а в восстановлении конкурентного порядка при одновременном сохранении частноправовых гарантий.

Анализ статьи 57 ГК РФ, статьи 38 Закона № 135-ФЗ, статьи 14 Закона № 129-ФЗ и практики Верховного Суда РФ наглядно показывает, что данный институт может считаться допустимым только при строгом соблюдении законных оснований, процедурных требований и принципа соразмерности государственного вмешательства.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 10.06.2026)// СЗ РФ. 05.12.1994 г. № 32. Ст. 3301.
2. Панова Е. Т. Формы и виды реорганизации юридических лиц // Молодой ученый. 2025. № 49 (600). С. 409–410. URL: <https://moluch.ru/archive/600/130878>.
3. Габов А. В. Теория и практика реорганизации (правовой аспект) / А. В. Габов. Москва: Статут. 2014. 880 с.
4. Федеральный закон от 26.07.2006 № 135-ФЗ (ред. от 08.03.2026, с изм. от 29.04.2026) «О защите конкуренции» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.07.2026) // Парламентская газета. № 126–127. 03.08.2006.
5. Федеральный закон от 08.08.2001 № 129-ФЗ (ред. от 31.07.2025) «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» // СЗ РФ. 13.08.2001 г. № 33. Ст. 3431.
6. Определении Верховного Суда РФ от 16.02.2016 № 307-ЭС15–19411 по делу № А56–84467/2014 // СПС «Гарант». 2026.

Молодой ученый

Международный научный журнал

№ 29 (632) / 2026

Выпускающий редактор Г. А. Письменная
Ответственные редакторы Е. И. Осянина, О. А. Шульга, З. А. Огурцова
Художник Е. А. Шишков
Подготовка оригинал-макета П. Я. Бурьянов, М. В. Голубцов, О. В. Майер

За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.
При перепечатке ссылка на журнал обязательна.
Материалы публикуются в авторской редакции.

Журнал размещается и индексируется на портале eLIBRARY.RU, на момент выхода номера в свет журнал не входит в РИНЦ.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-38059 от 11 ноября 2009 г., выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

ISSN-L 2072-0297

ISSN 2077-8295 (Online)

Учредитель и издатель: ООО «Издательство Молодой ученый». 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25, пом. 1, 3, 4, 5, 6.

Номер подписан в печать 29.07.2026. Дата выхода в свет: 05.08.2026.

Формат 60×90/8. Тираж 500 экз. Цена свободная.

Почтовый адрес редакции: 420140, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Юлиуса Фучика, д. 94А, а/я 121.

Фактический адрес редакции: 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25, пом. 1, 3, 4, 5, 6.

E-mail: info@moluch.ru; <https://moluch.ru/>

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый», 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25, пом. 1, 3, 4, 5, 6.